

70 лет
ПОБЕДЫ
1945-2015

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
альманах

СЕСИПРОРЕЦЬКИЙ
КУРЗАП

2 выпуск

Издание
Муниципального совета города Сестрорецка
«На берегах Сестры»

Сестрорецкий КУРЗАЛ

Литературный альманах
прозы и поэзии

Выпуск 2

Санкт-Петербург,
город Сестрорецк
2015 год

УДК 82.822
ББК 84(4Рос)Ш4

«НА БЕРЕГАХ СЕСТРЫ»

Издание Муниципального совета города Сестрорецка

ISBN 978-5-7452-00212

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
прозы и поэзии**

В литературный альманах поэтов и прозаиков города Сестрорецка и Курортного района вошли произведения разных лет авторов нескольких поколений. У каждого из них – свой взгляд на мир, свое мировоззрение, но все они любят наш город и воспевают его в своем творчестве. А Сестрорецк, в свою очередь, дает им заряд позитивной энергии для создания новых литературных произведений.

© Муниципальный совет города Сестрорецка, 2015

© Авторы литературных текстов, 2015

© Виктор Николаев, картина «Сестрорецкий Курорт» х.м. (на обложке)

© Ольга Растворова, авторская роспись по камню «Лукоморье» (на обложке)

© Марина Пименова, допечатная подготовка, дизайн, 2015

Дорогие земляки, сестроречане! Уважаемые гости нашего города!

В 2014 году Сестрорецк отметил своё трёхсотлетие. Знаменательная дата положила начало новому, четвёртому столетию в развитии города. За это время произошло немало радостных и печальных событий не только в жизни страны, но и в жизни Сестрорецка – города, так же как и Санкт-Петербург основанного Петром I и на сегодняшний день входящего в его состав в качестве муниципального образования.

2000-е годы открыли новое дыхание в культурной жизни района. За это время значительно увеличился объём краеведческих, культурологических и других печатных изданий. Сестрорецк прославился своими неординарными выставками, проводимыми в выставочном зале «АРТ-Курорт», праздниками, ярмарками, спортивными состязаниями, деятельностью библиотек, замечательными концертами в кинотеатре «Курортный». Многие уже стало традицией.

За последнее десятилетие Сестрорецк пополнился новыми памятниками. Так в 2011 году у здания Производственного лицея им.С.И.Мосина была установлена скульптурная композиция, посвящённая Сестрорецкому инструментальному заводу, включающая в себя скульптуру рабочего, выходящего из заводской проходной, а также расположенного неподалёку токарно-винторезного станка как символа основной деятельности завода. В 2009 году был открыт и освящён храм Петра и Павла. На въезде в город установлена копия «Беседки Шаляпина». К празднованию трёхсотлетия в парке «Дубки» по архивным данным восстановлены часовня и памятник Петру-плотнику.

Для юных жителей города уже несколько лет подряд выпускается «История Сестрорецка в рассказах для детей». Каждое новое издание ежегодно пополняется интересными рассказами, в лёгкой и доступной форме знакомящими подрастающее поколение с историей родного города. К юбилею была выпущена и «Сестрорецкая азбука» – книга для дошколят, написанная в форме коротких, легко запоминающихся стихов о достопримечательностях Сестрорецка.

А сегодня вы держите в руках второй выпуск литературного альманаха «Сестрорецкий КУР-ЗАЛ», который включает в себя художественные произведения – прозу и поэзию авторов, так или иначе связанных с Курортным районом. Отличительная черта этого выпуска состоит в том, что издан он в год семидесятилетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Многие материалы настоящего выпуска посвящены этой теме.

Надеемся, что альманах займёт достойное место в библиотеках и в домах всех любителей литературы.

Глава муниципального образования города Сестрорецка

А.Н.Бельский

Депутаты Муниципального совета города Сестрорецка:

*В.Н.Анисимов, В.И.Бабушкина, А.А.Ваймер, В.М.Васильев, Ю.М.Докши,
И.А.Гречишников, Н.Н.Заборовский, Ю.Ю.Козырев, В.В.Матвеев*

Глава Местной администрации МО города Сестрорецка

Т.С.Овсянникова

Предисловие

Дорогие читатели, мы предлагаем вам вновь открыть страницы литературного альманаха «Сестрорецкий КУРЗАЛ», первый выпуск которого вы, наверное, прочитали от корки до корки. Второй выпуск, это не только встреча с уже полюбившимися авторами, но и знакомство с новыми именами, которые, мы надеемся, вам тоже придутся по душе.

Тем же читателям, которые впервые держат в руках это издание, хочется напомнить, что название альманаха уходит корнями в начало XX века, когда центром сосредоточения всех творческих путей в Сестрорецке служил сестрорецкий Курзал (Курортный зал), находящийся на территории Сестрорецкого курорта. Стены его видели и Александра Блока, и Анну Ахматову, и Максима Горького, слышали незабываемые голоса Анастасии Вяльцевой, Леонида Собинова, Фёдора Шаляпина.

Курзал был местом встреч всей культурной богемы Санкт-Петербурга. Там концертировал оркестр графа А.Д.Шереметьева, руководил которым дирижёр Императорских театров Вячеслав Иванович Сук. Здесь впервые исполнялись произведения Н.А.Римского-Корсакова, А.К.Лядова, К.Л.Давыдова. Сюда приезжали отдыхать судебный деятель Анатолий Кони, балетмейстер Михаил Фокин, соратница знаменитого писателя А.Г.Достоевская. Сегодня литературный альманах с таким историческим названием является продолжением традиций, заложенных в прошлом веке.

В новом издании в рубрике «Наши гости» мы познакомим вас не только с авторами, живущими в Курортном районе, но и с бывшими сестроречанами, сердца которых навсегда остались на своей Малой родине. Это поэт Изабелла Воронова, эвакуированная из Сестрорецка ребёнком в годы Великой Отечественной войны, прозаик Галина Пичура, проживающая в настоящее время в Соединённых Штатах Америки.

«Наши гости» пополнились и влившимися в литературную среду Сестрорецка авторами: поэтом-сибиряком Александром Бельченко, поэтом-ленинградцем (бывшим сестроречанином) Виталием Летушевым, поэтом из Зеленогорска Галиной Смолиной.

Продолжается и рубрика «Ушедшие имена». К сожалению, потери неизбежны, и сегодня в разделе памяти напечатаны стихи сестроречанина Виктора Шурыгина.

В целом же альманах разнообразен по своим литературным разделам. В нём присутствуют и историческая проза-воспоминание Анны Хургиной, и очень полезные для родителей отрывки из автобиографической повести Лидии Селягиной, и юмористический рассказ-быль Марины Пименовой. Также представлен литературный клуб «Лукоморье», работающий при библиотеке им.М.Зощенко, руководит которым поэт Михаил Балашов. Не забыта и молодёжь, литературная карьера которой только-только расправляет свои крылья.

Много замечательных авторов нашли своё место под обложкой этого издания. Желаем вам приятного прочтения и надеемся, что кто-нибудь из вас станет в ряды авторов следующего выпуска.

От составителя

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

ОДА ЮБИЛЕЮ СЕСТРОРЕЦКА

Вобрав в себя неторопливо
 Раздумья звёзд, лесную тишь,
 Почти у Финского залива
 Ты триста лет мой град стоишь.
 Дождям на смену шли морозы...
 Когда ж настал желанный срок,
 Ты, мальчуган русоволосый,
 На берегу Сестры прилёт.

К тебе со всех концов России
 Мастеровой потёк народ.
 Тебя растил, вливая силы
 Петром заложенный завод.
 Текли года надменно-строго.
 Россию Бог хранил в пути.
 И понемногу-понемногу
 Крепчали мускулы твои.
 Война накрыла мир собою.
 Фашисты рвались в Ленинград
 И, здесь, той памятной порою.
 О твой рубеж столкнулся враг.
 Твои отважные солдаты
 Себя прославили в боях...
 Ты в лучшем мае сорок пятом
 Победу праздновал в слезах.
 Ты рано встал, бывшее вспомнив.
 Мир - грозен. Думы - нележки.
 Разлив прилёт в одной ладони
 В другой, шумят листвою «Дубки».

Восходит солнце величаво.
 И через несколько минут
 Колокола Петра и Павла
 В честь юбилея запоют.
 И разнесёт тот миг счастливый
 Окрест, рукою ветерка.
 Чтоб ты и мудрый и красивый
 Стоял и здравствовал века.

ОТЕЦ

Поэма

Предисловие

Ну вот и время это подошло,-
Позволь, отец, мне позднее порою,
На равных, обстоятельно, тепло
Поговорить за столько лет с тобою.
Отец, мы скоро свидимся с тобой,
Ведь с каждым мигом жизнь моя короче...
И время зреет новою войной,
Грозит пожаром вырваться из ночи.
Как быстро вырастаем из детей.
Как быстро мир грозюю накалился...
Спасибо, память, с помощью твоей
Отец ко мне из прошлого явился.
Черты родные узнаю с трудом.
Тут никакая, вижу, не ошибка,
А на лице холодном и худом
То всходит скорбь, то странная улыбка.
Отец сказал: «Летят, летят года.
Скажи мне, сын, меня ты дожидался?»
Отец, отец, поверь мне, я всегда,
Всю жизнь достойным быть тебя старался.
Хотя не мечен был твой сын свинцом,
Но сердце бьётся в грохоте и дыме.
В сороковых простился ты с мальцом,
И вот сегодня – встретились седыми...
Отец, отец, позволь тебя обнять.
Такая связь сегодня между нами,
Что мне родное имя повторять
До самой смерти трепетно губами.

Проводы

В начале вражьего разбоя,
Когда был мир огнём объят,
Свои усилия утroy,
Работал наш военкомат.
У паровозов, пароходов
Намного больше стало дел...
Вокзал, заполненный народом,
Шутил и плакал, стыл и пел,
И был уверен, что с зимою

Придёт фашистским ордам крах.
...Перрон. Припав к щеке щекою,
Сиж у папы на руках.
Смотрю на жизнь, не понимая
В происходящем ничего.
Вот крестит, горестно вздыхая,
Старушка сына своего.
Вот мама, будто бы другая,
Неузнаваемо тиха...
Вот гармонисты налегают
И на лады, и на меха...
О, лиц и судеб – больше моря.
Весёлой пляске был почёт,
Как будто знали все, что горя
В глаза с лихвою натечёт.

Письмо

Солдаты наши били гада.
В поту ковал Победу тыл.
Как долгожданную награду,
Нам почтальон письмо вручил.
Сначала бабушка и мама,
Не пряча радости и слёз,
Его читали только сами,
Вздыхая: «Жив, Господь пронёс».
Потом оно досталось деду.
Его прочесть он не спешил.
В кармане кителя с обеда
С собой, как солнышко, носил.
И только серый день тревожно
Из дома вышел за порог,
Семилинейку осторожно
Дед в уголке своём зажёл.
Надев очки, как именинник,
Присел торжественно к столу.
Всех молчаливых чтений – критик,
Я, как сверчок, сидел в углу.
Была отложена газета.
Письмо рукой он обласкал.
И лишь потом, добавив света,
К нему неистово припал.
И накалялись, точно угли,
Так неожиданно зрачки,

Что мне казалось: у дедули
Сейчас расплавятся очки.
Он доставал кисет, кресало
И твёрдо: - Гитлеру – хана!
Так говорил, что мне казалось-
Уже закончилась война.

Похоронка

Не забытый, не угасший
Тот день и нынче – как бы сон:
Вечерней улицею нашей
Идёт безмолвно почтальон.
Меня увидев у забора,
Как жердь, высокий и худой,
Мне робко подал дядя Жора
Листочек с чёрною бедой.
И – растворился – точно ветер.
Малец от счастья вспыхнул весь.
Я возвешение о смерти
Принял за радостную весть.
Скакал с конвертом непонятым
Под свой дурацкий свист и смех...
А дед, как будто стал из ваты,
И голос бабушки померк.
А мама, став намного старше,
Бедой застигнутая влёт,
Ладоней чёрных и обмягших
К лицу никак не донесёт.

Победа

Она была на всех одна:
Высокой, гордой и звенящей.
Победа! Кончилась война...
С ней уходил наш день вчерашний.
А нынешний горел светло,
И столько он тепла растрчивал.
И я от радости легко
Берёзку тонкую раскачивал.
Братишка младший ликовал,
Гарцуя по двору на ветке.
А дед взъерошенный бросал
Под солнце старенькую кепку.

И счастье, солнышком горя.
Светилось в бабушкином взоре.
Лучилась мама, как заря,
Забыв немыслимое горе.
А майский день всё рос и рос.
Победа в каждый дом входила,
И не стыдась, не пряча слёз,
За этот миг благодарила.

Память

В плену надежды и печали,
Гадать привыкнув и страдать,
Душа моя, мы не устали
Его с войны минувшей ждать.
Уж не отца ли в поле детства
От дома гонит серый смерч?
Ты не устало, разве, сердце,
Себя надеждой горькой жечь?
Хоть смех у внука звонкий-звонкий,-
Свои у памяти права.
И пляшут в жёлтой похоронке,
И расползаются слова:
«Геройски пал...» Конец дороги?..
Но он сейчас откроет дверь
И в дом войдёт – седой и строгий,
И скажет ласково: «Не верь...»

Послесловие

Рвутся почки на яблонях смело.
Звонко птицы поют у крыльца,
На стене ослепительно белой
Фотография гаснет отца.
У него, дорогого и доброго,
Всё тускнее, расплывчатей взгляд,-
Словно он после отпуска долгого
В сорок первый уходит назад.
Гимнастёрка с фуражкой занопшены...
И в глазах его замер вопрос...
И уже не видать ничегошеньки,
Ничего, кроме маминых слёз.

АННА ХУРГИНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМО МОЕМУ НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ.

Часть 1.

Уважаемый Карл-Гюнтер!

Вы просите меня рассказать Вам о моей жизни в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и подробно о жизни в блокадном Ленинграде.

Очень трудно вспоминать об этом тяжелом времени и обо всем пережитом. Мне в то время было 9-13 лет, и я все очень хорошо помню.

Я родилась на Украине в городе Киеве 12 января 1932 года в семье служащих. По рассказам родителей я в детстве посещала польский детский сад и вполне прилично говорила по-польски и по-украински. Когда мне исполнилось 5 лет, наша семья переехала в Ленинград. Шёл 1937 год. В те года, как мне рассказывала потом мама, на Украине был страшный голод, люди падали прямо на улицах и умирали.

В Ленинграде мы поселились в большой коммунальной квартире, где было 8 комнат. В каждой комнате жила отдельная семья (3-5 человек). На всех была одна ванная комната, одна кухня, один туалет. В квартире было много детей разного возраста. Жили все очень дружно, праздники отмечали все вместе на общей кухне.

Когда мне исполнилось 6 лет, меня отдали учиться в музыкальную школу по классу рояля и в балетный класс. Вторым музыкальным инструментом я выбрала арфу. Игре на арфе я должна была начать заниматься с 3-4 класса. Это было замечательное время. По рассказам мамы педагоги мне прочили большое музыкальное будущее. В 7 лет я была уже дирижёром детского оркестра.

Наши соседи-друзья из Киева часто писали письма моим родителям, и всё время приглашали приехать к ним в гости. В июне 1941 года мы наконец-то собрались поехать на Украину, и 21 июня нас с мамой уже целой толпой встречали на Киевском вокзале. Это была суббота.

Ночью, вернее уже под утро, все проснулись от сильного грохота, стрельбы и выскочили во двор. По небу летали самолёты, что-то полыхало и падало, прожектора освещали всё небо. Было очень страшно. Наши друзья пытались нас успокоить, говорили, что это просто идут

учения, хотя до сих пор ничего подобного у них никогда не происходило.

Утром мы уже собрались идти на стадион, где должен был быть большой спортивный праздник, как из репродуктора услышали голос министра иностранных дел Молотова. Он сообщил, что фашисты без предупреждения вероломно напали на Советский Союз и что в первую же ночь бомбили ряд советских городов, в том числе и город Киев.

Позднее у нас по радио часто пели такую песню:

«22 июня, ровно в 4 часа,
Киев бомбили, нам объявили
Что началась война».

Мама сразу решила, что в дни войны надо срочно уезжать домой, в Ленинград, и поехала на вокзал за билетами. Билетов на поезд Киев-Ленинград в продаже не было. Случайно какая-то женщина продавала с рук один билет, мама этот билет тут же у неё купила. На меня билета достать не удалось.

Вечером мы садились в поезд в полной темноте. Проводник не хотел без билета пропустить меня в вагон, но мама как-то это уладила. Наши друзья провожали нас со слезами на глазах, они говорили, что, возможно, мы уже больше никогда не увидимся. Так и случилось. Все они погибли в фашистском концлагере.

На рассвете наш поезд бомбили. Все выскочили из вагонов и бросились в ближайшие кусты. Фашистский лётчик на бреющем полете стрелял из пулемета по женщинам и детям (в поезде не было военных, ехали простые мирные жители). Мама накрыла меня своим телом, и я вокруг ничего не видела. После отбоя тревоги мы вернулись в вагон и поехали дальше. Много людей осталось лежать на земле.

Ленинград поразил нас отсутствием света. Все окна в домах были завешены одеялами. На улицах было много людей в военной форме. Из репродукторов слышалась мелодия песни «Священная война», от которой леденело всё внутри.

«Вставай, страна огромная
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идет война народная,
Священная война».

Мелодия этой песни и слова до сих пор звучат у меня в голове.

Началась мобилизация всех мужчин. На фронт моего отца не взяли по состоянию здоровья и по возрасту (ему уже было больше 40 лет). Он работал на военном заводе, где снаряды и мины начиняли взрывчаткой. Все работающие на военном заводе люди находились на военном положении, они жили прямо на заводе и домой к семье отпускались очень редко. Маму мобилизовали рыть окопы вокруг города, а меня пришлось отвезти к маминой сестре на другой конец города. У моей тёти был маленький ребёнок. Женщин с грудными детьми на окопы не

брали. Начались бомбёжки и обстрелы. Голод начался как-то сразу. Я даже помню точную дату: 8 сентября 1941 года горели продуктовые Бадаевские склады. Там хранился запас продуктов для всего города. Стояло громадное зарево, его было видно со всех концов города. Удушливый дым стлался по земле. После этого были срочно введены продуктовые карточки. По ним выдавался хлеб, сахар, крупа, яичный порошок. Нормы были очень маленькие. Рабочие получали 250 г хлеба в день, иждивенцы (неработающие) и дети – по 125 г. Это был совсем маленький кусочек, тяжелый и липкий, в котором было очень мало муки.

Первое время нам очень помогло выжить то, что у нас был бак с картофельными очистками, которые мы собирали для корма коров в деревню. До войны нам привозили регулярно свежее молоко из пригорода Ленинграда, а мы отдавали на корм скоту овощные очистки. Мама из этих очисток пекла замечательные лепёшки, которые в то время казались нам вкуснее любого пирожного.

Очень тяжелой была первая блокадная зима. Не было отопления, света, воды, канализации. На рынке продавались печки-буржуйки, как их тогда называли. Это маленькая плита из железа с трубой, которую выставляли в форточку. Дров не было, купить их было негде. Люди жгли мебель, книги. Едкий дым часто шёл обратно в комнату. Ночью спали одетыми в пальто, платках, валенках, под несколькими одеялами. Освещала комнату маленькая коптилка. В баночку наливали керосин, опускали туда под крышку шнур-фитиль, который медленно горел, освещая лишь небольшой участок стола. В долгие тяжёлые зимние холодные вечера люди сидели у таких коптилок и даже пытались читать. Водопровод не работал. За водой приходилось ходить на Неву, а это было совсем недалеко. Мы с мамой брали маленький бидон и чайник и медленно шли за водой к Неве. Мама от слабости спуститься к воде не могла, я набирала воду в бидон и чайник и подавала ей наверх.

В школу с сентября 1941 года я не ходила. Детей младших классов в блокадном городе осталось мало. Многие были эвакуированы из города в первые месяцы войны. Меня мама не захотела отправить с «Детским домом» на большую Землю. После войны многие дети так и не смогли отыскать своих родителей и остались навсегда в «Детском доме» или воспитывались в чужих семьях. Некоторые родители только через десятилетия нашли своих детей, отправленных когда-то из осажденного города на машинах через Ладожское озеро.

Очень много детей погибло от голода, из-за ежедневных обстрелов и бомбёжек. Подростки 13-14 лет дежурили на крышах домов, сбрасывали щипцами зажигательные бомбы. Ребята постарше рядом со взрослыми работали на заводе, готовили снаряды и патроны для фронта.

Позднее о мальчишках-героях пели:

«В далёком тревожном военном году,
Под гром батарей у страны на виду
Сражались со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда.
Осталась на парте открытой тетрадь,
Не выпало им дописать, дочитать,
Когда навалились на город
Фугасные бомбы и голод».

Я хочу рассказать о радио в блокадном Ленинграде.

Большую часть времени, в том числе и всю ночь, радио просто тикало. Если тиканье метронома было редким (1 раз в секунду), значит налета нет на всей территории города. После сигнала тревоги метроном стучал в два раза чаще, и этот ритм сохранялся все время, пока враг летал над городом. После того, как радостный рожок выводил мелодию отбоя, а ликующий голос диктора повторял: «Отбой воздушной тревоги!», «Отбой воздушной тревоги!» - метроном возвращался к прежнему медленному ритму.

«...Но было ведь и радостей немало.
Вот радио – оно не умолкало
Из мрака голос говорил живой
О том, что наступленье под Москвой,
Что лед на Ладоге совсем окреп
И что с большой земли везут нам хлеб!...»

Отрывок из стихотворения моей подруги Ольги Растворовой.

Каждый день начинался со сводок новостей «От Советского информбюро», сообщавших о положении на фронтах.

Мне очень нравилось слушать музыкальные передачи. По радио я впервые услышала знаменитую Седьмую симфонию Шостаковича. Первым исполнением этой симфонии в блокадном Ленинграде дирижировал Карл Элиасберг. Я до сих пор не могу спокойно слушать эту музыку. В ней удивительно точно передано ощущение страха, боли, потерь и в то же время надежды на скорое окончание войны.

В первые дни бомбежек мы каждый вечер спускались с нашего третьего этажа в бомбоубежище, а потом, когда сил совсем не стало, просто оставались в комнате, где не было тепла, света. Выбитые стёкла в окнах забивали фанерой, закрывали подушками и одеялами.

Зима 1941-42 годов была очень холодной. Морозы достигали – 30-35. Но страх перед смертью от холода, бомб и снарядов был ничто по сравнению с чувством голода. От голода всё внутри сжималось. В голове всё время были мысли только о еде. Маленький чёрный кусочек хлеба мама делила на 3 части. Маленькую корочку я клала на ночь под подушку вместе с моей любимой маленькой куколкой Лизой. Вместе с куклой мы нюхали эту корочку, я её съедала и только потом засыпала. Прожить на те продукты, что мы получали по карточкам, было очень трудно. Иногда приходил с завода папа. Транспорт не ходил. На улицах стояли застывшие трамваи и троллейбусы. Через весь город приходилось идти пешком, а сил совсем не было. Папа всегда приносил нам что-нибудь из еды. На заводе всех кормили обедом и по рабочей карточке давали больше продуктов. Каждый приход папы был праздником. Мы с мамой ходили на рынок и пытались что-то из вещей поменять на еду, но это практически было невозможно, так как всем были нужны только продукты.

Моя мама до войны работала воспитательницей в детском саду. Её очень любили и дети, и их родители. Однажды мы встретили на улице маму одного мальчика, который ходил к моей маме в группу. Эта женщина работала на хлебозаводе и не голодала, как большинство людей. Мама предложила ей купить у нас пианино и мягкую мебель. Женщина пожалела нас и согласилась. Это было наше спасение. Я хорошо помню, что за пианино, за которым я до войны за-

нималась музыкой, мы получили целую буханку хлеба, а за мягкую мебель 2 кг какой-то крупы! Эти продукты, возможно, тогда спасли нам жизнь.

Через несколько лет, уже после войны, когда мы вернулись из эвакуации, мама опять встретила эту женщину. Очевидно, она жила где-то рядом с нами. Та смущённо предложила вернуть нам обратно пианино и мебель, но мама, конечно, отказалась.

Долго тянулись дни и ночи самой страшной первой блокадной зимы. Я от голода так ослабела, что уже плохо передвигалась. В нашей квартире люди умирали один за другим, а мы ничем не могли им помочь.

В один из вечеров я шла по комнате с коптилкой в руках. Коптилка – это стеклянная банка с керосином, в которой горел шнур – фитиль. От слабости я упала и потеряла сознание. Керосин из банки вылился на меня. Платье охватило ярким пламенем. Меня спасла мама, которая, к счастью, вошла в комнату. Она не растерялась, накинула на меня одеяло и этим погасила огонь. Шрам от ожога остался у меня на подбородке на всю жизнь.

Получать продукты по карточкам мы всегда ходили с мамой вместе, я никогда не оставалась одна дома. Мама говорила, что если нам суждено погибнуть от бомбёжки или обстрела, то уж лучше мы погибнем вместе.

Отovarивать продуктовые карточки можно было только в определенном магазине своего района. Там всегда были большие очереди, так как продукты завозили нерегулярно. Все выкупали хлеб по талонам на завтра. На сегодняшний день хлеб был уже получен накануне. На каждый день был свой талон. Очередь в булочной двигалась медленно потому, что продавщица должна была: взять у покупателя карточку (из руки в руку, чтобы кто-нибудь не выхватил), вырезать при тусклом свете коптилки талон, получить деньги, дать сдачу, отвесить на двух чашечных весах с гирьками нужную порцию хлеба. Обычно покупатели просили выдать хлеб по каждой карточке отдельным весом, чтобы каждый член семьи мог сам распорядиться своим пайком. За хлебом и за другими продуктами обычно ходили рано утром, так как к утру чувство голода было просто нестерпимым.

Очередь в булочную, где отovarивали карточки, не расходилась даже во время бомбёжки и обстрелов, несмотря на настойчивое требование дружинников.

Получив наши маленькие пайки хлеба, мы медленно плелись домой, прижимая драгоценные кусочки к себе. Бывали случаи, когда голодные люди вырывали хлеб друг у друга. А вокруг валялись трупы. Это были люди, которые от голода и слабости не могли дойти до магазина или у них не было сил вернуться домой. Они просто садились на снег и умирали. Дороги и тротуары никто не чистил. Кругом стояли сугробы.

Часто можно было увидеть, как родные или близкие везли на саночках умерших к Троицкому собору, который находится на углу Измайловского проспекта и 1-ой Красноармейской улицы. Трупы лежали во дворе собора прямо штабелями. Я до сих пор в этот район города никогда не езжу, у меня весь этот ужас до сих пор стоит перед глазами.

Канализация не работала, люди все нечистоты выливали посреди двора. Скопились целые горы, убирать и вывозить всё это было некому. Люди боролись за жизнь, ни на что другое не хватало сил.

В нашей квартире от голода умерло несколько человек. Из детей в квартире осталась я одна. Две семьи с детьми успели эвакуироваться по льду Ладожского озера. Ледяная дорога была единственной связью осажденного города с Большой землей. Машины шли вереницей под обстрелом с воздуха, многие ушли под лёд вместе с людьми и героями-водителями. Но какая-

то часть продовольствия всё же доставлялась в город. Это позволяло осаждённому Ленинграду бороться и выжить.

К весне мы с мамой совсем ослабели. У меня на почве голода началось размягчение кости в левой голени. Чтобы остаться в живых, надо было уезжать из города. Транспорт всю зиму не ходил вообще. Люди передвигались медленно, как тени. Не было сил с работы дойти пешком до своего дома, поэтому многие просто жили на работе.

Однажды пришёл с работы папа, принёс большой кусок хлеба и немного сахара и сказал, что завод эвакуируется на Урал в Челябинскую область. Он пришел предупредить нас, чтобы мы были готовы к отъезду.

Это было спасение, так как ещё одну блокадную зиму нам было бы просто не пережить. Мы должны были плыть на катере через Ладожское озеро. С собой можно было взять только минимум вещей. Я взяла в свой портфель несколько любимых детских книжек, а за пазуху положила свою куклу Лизу, которая в самые тяжёлые дни блокады засыпала со мной.

В августе 1942 года мы отплыли на катере через Ладожское озеро на другой берег. По дороге нас бомбили. Было очень страшно. Я видела, как в катер, который шёл перед нами, попала бомба, и все люди пошли вместе с катером ко дну.

Я хорошо помню, как нас встречали на другом берегу. Мы приплыли вечером, уже было темно. У самого причала стояли полевые кухни с горячей кашей. Каждому в котелок накладывали по несколько поварёшек каши.

Нас предупредили, что есть надо понемногу, с интервалом, что съесть всё сразу очень опасно. Многие не выдерживали, съедали всё до капли и тут же умирали от заворота кишок.

Я помню, что я кричала, плакала, требовала еду, а мне её не давали. Я была изголодавшимся ребёнком и многое тогда просто не могла понять.

Нас погрузили в теплушки (это такие вагоны, где до войны возили разный груз и скот), в которых были построены нары в 3 этажа, и повезли через всю Россию на Урал. Так закончилось моё блокадное детство.

ПИСЬМО МОЕМУ НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

Часть 2

На Урале. В эвакуации.

Сентябрь 1942 года.

Слабые и измученные мы едем в товарном вагоне через всю страну на Урал. Люди радуются уже тому, что нет обстрелов и бомбёжек. По-прежнему всё время хочется кушать. На станциях иногда к поезду выносят варёную картошку и молоко, но за деньги ничего продавать не хотят. Приходится за продукты отдавать что-то из своих вещей. В вагоне темно, есть только 2 маленьких окошечка наверху на 3-ем ярусе.

Все стараются сесть поближе к приоткрытой двери. Поезд подолгу стоит на каждой станции, пропуская вперёд эшелоны с военными и ранеными. Отлучиться из вагона ни на шаг нельзя, так как поезд идёт вне расписания и в любую минуту может двинуться дальше.

В середине сентября нас привезли на станцию Симская Челябинской области. Это маленькая станция, мимо которой поезда проходили без остановки. Нас и ещё несколько семей высадили на этой станции, остальных повезли куда-то дальше. Председатель сельсовета распределял

вновь прибывших по квартирам. Мы попали к очень зажиточным хозяевам в большой красивый дом. Встретили нас, мягко говоря, очень нелюбезно. Беженцев никто не хотел брать к себе. Мы были все страшные, худые, измождённые, на лице кожа да кости. Нам отвели маленькую комнатку во флигеле, в дом к хозяевам нам заходить не разрешалось. Денег ни у кого не было, платить за квартиру было нечем. У меня в памяти остался один очень неприятный эпизод: хозяйка дома сидит на крыльце и ест что-то очень вкусное, а я, маленькая девочка, голодными глазами смотрю на неё, но она мне ничего не предлагает. Я прибежала в комнату, повалилась на кровать и стала рыдать, требуя, чтобы мы уехали из этого противного дома, где нас так враждебно встретили. Родители пошли по деревне искать другое жильё.

На следующий день мы переехали на другой конец станции к двум одиноким старикам. Им уже было трудно справляться со своим хозяйством, и мама должна была помогать им по дому и в огороде.

Изба состояла из одной большой комнаты, третью часть которой занимала большая русская печь. В печи в котелках готовили пищу, а с другой стороны печи была большая тёплая лежанка (спальное место), где и спали наши хозяева. В избе ещё был большой стол и 2 кровати, на которых мы спали. Больше никакой мебели не было.

Встретили нас очень тепло и радушно. По случаю нашего приезда накрыли праздничный стол, хозяйка испекла очень вкусные пироги. От таких яств мы уже совсем отвыкли. Это были безграмотные, простые деревенские люди, но сколько в них было доброты и тепла! Они ко мне относились, как к родной внучке, и я их тоже очень любила.

На 2-ой день переезда они показали нам подпол (это яма под полом, где хранятся на зиму продукты). Я увидела целые горы картофеля и других овощей. Нам разрешили брать любые продукты, пока мой отец не устроится на работу и не станет зарабатывать деньги.

До конца своей жизни я буду вспоминать этих стариков с любовью и благодарностью. Мы жили одной семьёй. Через некоторое время папа устроился на работу, я пошла в школу в 3-й класс, мама вела хозяйство, убирала в доме, ухаживала за скотиной. Жизнь наладилась.

Нам, городским жителям, было немного трудно привыкать к деревенской жизни. Зимой в морозы (а на Урале зимой очень холодно – 35-40) в избу в ящиках брали кур, поросёнка, козу. Это для нас было дико и непривычно. Иногда в холодные зимние дни приезжали на подводах родственники хозяев из дальних деревень, распрягали во дворе коней и целой большой компанией оставались ночевать в избе на полу, рядом с нами. Мы постепенно привыкали к такой жизни.

Летом я с подругами ходила в лес за ягодами. У меня до сих пор стоят перед глазами целые поляны лесной красной земляники. Такого обилия ягод я больше никогда и нигде не видела. Мы часто с мамой ходили на пасеку и покупали бидонами свежий мёд.

Жизнь была сытной, воспоминания о голоде, обстрелах и бомбёжках отходили на второй план. Мы слушали сводки Информбюро и вместе со всей страной следили за продвижением наших войск, ожидая окончания войны.

Несмотря на благополучную жизнь, у меня на почве перенесённого голода началось размягчение кости на левой голени (началось ещё во время блокады в Ленинграде). Врачи сказали, что нужна срочная операция, иначе может начаться искривление позвоночника.

Папа возил меня на консультацию к лучшим врачам города Уфы (столица Башкирии) и там подтвердили, что без операции не обойтись. Левая нога искривлялась всё больше и больше.

27 января 1944 года мы услышали по радио радостную весть: полностью снята блокада Ле-

нинграда. Вся страна радовалась этому событию и мы вместе со всеми. Сразу же созрело решение, что надо возвращаться домой.

Разрешение на въезд в родной город получить было очень трудно, ведь война ещё продолжалась. Помогли мои медицинские справки о необходимости срочной операции. В сентябре мы собрались в дорогу домой. Было очень трогательное прощание с нами. За два года жизни здесь мы приобрели много друзей.

Домой мы возвращались снова в товарном вагоне. Вещей у нас было очень мало, мы почти всё в своё время поменяли на продукты. Мы хорошо помнили тяжёлые блокадные дни и везли с собой мешок картошки и другие овощи. Все провожающие старались дать нам в дорогу что-то съедобное: яблоки, огурцы, мёд. Было очень жаль расставаться с хорошими, милыми людьми. Поезд тронулся, мы отправлялись домой в родной, милый сердцу Ленинград.

То, что с нами происходило по дороге домой, я совсем не помню. Очевидно, никаких особых происшествий не было.

Ленинград нас встретил полной разрухой. Страшно было смотреть на разбитые дома. Нашу комнату в коммунальной квартире занял какой-то большой начальник и не собирался освобождать. Нам совсем негде было жить. В 30 км от города на станции Разлив жил мамин дальний родственник, он нас и приютил на первое время. Его дом находился недалеко от “Сарая” – музея В.И.Ленина.

В Разливе мы встречали Новый 1945 год. Меня обследовали врачи и пришли к выводу, что срочная операция необходима. В марте 1945 года меня положили в детский ортопедический институт имени профессора Турнера, где лежало очень много пострадавших от войны детей. Перед больницей меня отвели в парикмахерскую и остригли мои прекрасные длинные косы. Я очень плакала, но в больницу брали только постриженных под машинку детей. Я стала похожа на озорного мальчишку.

Не буду описывать той боли и переживаний до и после операции. Мне приходилось заново учиться ходить, привыкать к костылям. Родители и знакомые навещали меня регулярно, приносили интересные книги и что-нибудь вкусное.

При больнице была школа, учителя занимались с каждым ребёнком индивидуально. За три месяца, что я находилась в больнице, я прошла всю учебную программу за 5 класс. Здесь я впервые начала изучать немецкий язык.

Очень хорошо я помню день 9 мая 1945 года. По радио объявили, что окончилась война. Народ ликовал. Из распахнутых окон домов раздавалась музыка. Незнакомые люди на улицах обнимались и плакали, поздравляя друг друга. У нас, детей войны, этот день навсегда остался в памяти.

В нашей известной песне композитора Давида Тухманова поётся:

«Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы! День Победы!»

Первые послевоенные годы. Часть III.

В конце мая 1945 года меня выписали из детской клиники института им.Турнера домой. После операции нога заживала очень медленно, и я всё ещё ходила на костылях. Пока я лежала в больнице, мои родители купили в Разливе за очень маленькую сумму полдома. В Сестрорецке и Разливе было много пустых домов. Сразу же за Сестрорецком у Ржавой канавы проходила передовая линия фронта, поэтому все люди из этих мест были эвакуированы в Лисий Нос и другие близлежащие посёлки.

Жизнь первые месяцы после окончания войны была очень трудной. Продукты по-прежнему выдавались по карточкам, но что-то уже можно было купить и на рынке. Папа устроился на работу снабженцем на дровяной склад, а мама пошла работать в библиотеку Разливской школы и одновременно училась на библиотечных курсах.

На весь Сестрорецкий район, куда входило много посёлков, работала одна Разливская средняя школа. С 1 сентября 1945 года я пошла в 6-ой класс. В конце августа я оставила костыли и мне одели на больную ногу тугор. Тугор – это твёрдый кожаный футляр на шнуровке, который не давал ноге сгибаться в колене. В этом тугоре я проходила весь 6-ой класс. Я никогда в жизни не каталась на лыжах и коньках – запрещали врачи. Когда мы всем классом ходили на каток, я сидела на скамеечке и наблюдала, как мальчик, с которым я дружила, катается в паре с другой девочкой. Мне было очень обидно. Но я всё равно оставалась оптимисткой и никогда не унывала. Рядом со мной всегда было много друзей.

В первый послевоенный год в Сестрорецке было много немецких военнопленных. Они восстанавливали Сестрорецкий инструментальный завод, разрушенный за годы войны бомбами и снарядами. Это был знаменитый оружейный завод, построенный ещё русским царем Петром I. Голодные и оборванные пленные под конвоем часто проходили мимо нашего дома. Я видела этих людей и вспоминала себя в ту голодную блокадную зиму. Я выносила им куски хлеба и варёные картофелины и в ответ видела их благодарные глаза и слышала всегда одни и те же слова: «Гитлер капут!» Некоторые мои одноклассники осуждали меня и говорили: «Как ты можешь помогать фашистам!». Этих ребят можно было понять, ведь многие в этой ужасной войне потеряли своих близких и родных. Не каждый мог тогда понять, что не все немцы были фашистами.

В 8-м классе к нам пришла учиться новая девочка – Рита Пасынкова. Мы с ней очень быстро подружились и стали неразлучными подругами. Однажды Рита сказала мне, что у неё есть страшная тайна, которую она никому не может доверить. Тайна состояла в том, что её мама была немкой, но вынуждена была это скрывать многие годы. Сталин всех немцев, живших на Волге и в крупных городах, выслал в Казахстан и на север. Во всех людях немецкой национальности он видел шпионов и предателей. Елена Эмильевна (так звали маму Риты) вышла замуж за Ритино папу (человека еврейской национальности), взяла его фамилию и каким-то образом сумела написать в паспорте, что она русская. Это спасло её от многих бед. Елена Эмильевна Пасынкова, урождённая Ферсман, была близкой родственницей всемирно известного академика Ферсмана, но это тоже всегда скрывалось.

В этой семье я близко познакомилась с немецкими обычаями, впервые услышала немецкие песни. Два старших брата Риты, Виктор и Роберт, были высоко образованными, умными и

интересными людьми. Старший из них, Виктор, был предметом моей первой детской влюбленности. В этом доме было много немецких трофейных пластинок, которые я всегда с удовольствием слушала. Здесь я впервые услышала от Елены Эмильевны много детских немецких народных песен, как например:

«Hanschen klein, ging allein
 In die weite Welt hinein»
 «Der Kuckuch und der Esel»
 «Sah ein knab ein Roslein stehn u andeve.»

Запомнились мне и некоторые песни взрослых, например:

- 1 «Trink, trink, Bruderlein, trink!
 La doch die Sorgen zu Haus.»
2. «Komm auf die Schaukel, Luise,
 Die schaukel geht her und hin...»
3. «Unter der rotten laterne von San Pauli,
 Wirst du am Tag meiner Heimkehr ein Zvel... usw.»

Дом моей подруги Риты стал для меня вторым домом. Я окунулась в эту немецкую атмосферу. Младшая сестра Елены Эмильевны Рената ещё задолго до войны вышла замуж за немца и уехала в Гамбург. Две другие сестры, Эльза и Ирина, очень пострадали из-за немецкого происхождения. Они много лет находились в Сталинском лагере, потом были высланы и не имели права жить в Ленинграде и других крупных городах. Я их видела один раз, когда они приезжали на 2 дня к своей старшей сестре. Они много рассказывали о тех трудностях, которые им пришлось пережить за эти годы. Подробности я сейчас уже не помню.

У моей подруги Риты не было интереса к изучению немецкого языка. Она впоследствии окончила юридический факультет Ленинградского университета и была прекрасным адвокатом. Интересно, что будущий её муж, Ричард Богущкий, по происхождению был наполовину поляк, наполовину немец. К сожалению, сейчас Риты и её мужа нет в живых, но с их внуками я до сих пор поддерживаю связь.

Елена Эмильевна видела мой интерес к изучению немецкого языка, старалась дома говорить со мной по-немецки и твердила, что это должно стать моей будущей профессией. Так и случилось. После окончания школы я поступила в 1-й Ленинградский педагогический институт иностранных языков на немецкое отделение. Через несколько лет наш институт стал факультетом Ленинградского университета.

В школе я с любовью и интересом занималась немецким языком. В то время во всех школах иностранным языком был только немецкий. Английский язык преподавали очень редко, а другие языки не преподавали вообще. Школьные годы я вспоминаю с теплотой. И хотя часто приходилось недоедать, порой нечего было надеть (у меня было всего 2 платья), но зато была молодость и радость общения.

С одеждой было очень плохо. На заводах и предприятиях раздавали вещи из американских посылок. Помню моей маме достались резиновые боты и она была просто счастлива. В магазинах одежды почти не было, а то, что продавалось, стоило очень дорого. Я помню, что мне

одежду покупали на барахолке, или как ещё тогда говорили – толкучке.

Барахолка – толкучка – это такой рынок, где большое количество людей продает уже не новые вещи. На барахолке можно было купить практически всё – недорого и в хорошем состоянии. Я помню, как мне там покупали демисезонное пальто – это было для меня большим событием и радостью. Обычно мне всё перешивали из маминых вещей.

В 1949 году в Сестрорецк из Германии приехали несколько инженеров с семьями. Они должны были принимать участие в восстановлении Сестрорецкого инструментального завода. Как я потом узнала, им дали 24 часа на сборы и, не спрашивая согласия, принудительно отправили в нашу страну. Жили они в Курорте в отдельном здании под охраной. К нам в 10 класс пришла учиться немецкая девочка по имени Розмари Вышомирская. Она совершенно не знала русского языка и ходила на занятия очень недолго. Мы с ней быстро подружились, так как я к тому времени уже немного могла говорить по-немецки. Жизнь для Розмари и её семьи была очень трудной, ходили они везде с переводчицей и под охраной. Одноклассники относились к ней настороженно. Сразу после войны ребята во всех людях немецкой национальности видели врагов. Со мной Розмари была очень сдержанной, к себе домой в семью никогда не приглашала. Возможно, это было ей запрещено. Ко мне домой она тоже никогда не приходила. Мы встречались только в школе и на улице.

Однажды Розмари дала мне почитать очень интересную книгу «Vier Madel von Luseum I». Это название я запомнила на всю жизнь, ведь это была первая книга, которую я прочитала на немецком языке. К сожалению, перед отъездом в Германию, Розмари забрала книгу с собой.

Розмари и еще несколько немецких детей ходили к нам в школу недолго. В Ленинграде вскоре на базе одной из школ были организованы специальные классы на немецком языке. Все немецкие дети каждый день ездили из Курорта на электричке в город. Я к тому времени уже училась в институте и часто ездила с ними в одном вагоне. Для меня это была прекрасная языковая практика.

Через год Розмари с семьей вернулась домой в Германию. К сожалению, она даже не могла мне обещать, что когда-нибудь напишет. В то время переписка с немцами была просто невозможна.

Прошло 50 лет.

Летом 2001 года мне позвонила моя учительница немецкого языка из института и сообщила, что из Германии приехала группа немецких туристов, среди которых есть женщина по имени Розмари. После войны она жила в Курорте и училась в Разливской школе. Я сразу поняла, что это моя подруга и с волнением поехала в Санкт-Петербург к Русскому музею, куда должна была приехать эта группа на экскурсию. Когда подошёл автобус и туристы вышли на улицу, я сразу узнала Розмари и бросилась к ней. Она тоже меня узнала, хотя прошло целых 50 лет! Нас окружили немецкие туристы, они были очень удивлены нашей встречей. Руководитель немецкой группы пригласила меня в автобус, и мы с Розмари имели возможность обо всём поговорить. Благодаря моему знанию немецкого языка мы могли свободно общаться на любые темы. Розмари объяснила мне, почему все эти годы не писала. Вначале это было запрещено, а потом ей уже не хотелось вспоминать о тяжелом времени, проведенном в Ленинграде. Сейчас Розмари живёт в Германии, в городе Карст. У неё своя аптека, вместе с ней работает её сын. Две маленькие внучки радуют её душу и сердце. Мне она пишет редко, в основном, присылает поздравительные открытки к Рождеству и Пасхе. Два раза она приезжала в Санкт-Петербург в качестве туриста и оба раза мы с ней встречались.

Студенческие годы (1950-1955) были, пожалуй, самыми счастливыми в моей жизни. Я занималась своим любимым немецким языком, пела в институтском немецком хоре, часто слушала концерты классической музыки в Ленинградской филармонии, посещала многие театры Ленинграда, ходила на все выставки в Эрмитаж и Русский музей. У меня было много друзей среди студентов немецкого землячества.

В институте я познакомилась со студентом переводческого факультета Борисом Ивановым, который стал мне самым близким человеком на многие годы. Летом 1955 года я закончила институт, и началась моя взрослая жизнь.

МИХАИЛ ДЕРЕВЯНКО

БЛОКАДНАЯ

Я не один живу в России
 Где в полдень небо голубей,
 Где столько света, столько сини,
 и стая белых голубей,
 В лазурь небесную стремится,
 как в золотые купола...
 Черна блокадная страница, —
 Вода из Ладоги светла.
 Любовь и боль моя Россия,
 Моя великая страна,
 Где на снегу январском стынет,
 на Пискарёвском — тишина.
 И я живу под мирным небом,
 Бездонно сине-голубым,
 И пайку чёрную из хлеба
 Несу к могилам дорогим,
 Несу гвоздики словно раны,
 Незабываемой войны...
 Живите долго ветераны,
 Вы часовые всей страны!

АЛЫЕ ПАРУСА

Волны балтийские бьются,
 В берег, в гранит, в парапет,
 И выпускницы смеются,
 Юность встречает рассвет.
 И уплывёт каравелла,
 Алые сняв паруса,
 Будят рассветы белые
 Молодости голоса.
 Где-то бредут пилигримы,
 Мучает вечная боль,
 В жизни, как в книге у Грина,
 Ждёт нас святая Ассоль...
 Небо взрывают салюты,
 Мне этот миг не забыть.
 И от счастливой минуты
 Хочется сердцу любить!

К БАРЬЕРУ

К барьеру! Зовёт поэта Время,
 И меркнет свет, и вороны кружат...
 К барьеру! Жадно пули сторожат
 Младое и неопытное племя,
 К барьеру! Так не сделаешь карьеру,
 Когда направлен в сердце пистолет,
 Снег... скрип саней,
 Кроваво-красный след,
 Расходятся круги уж сотни лет,
 А Время вызывает нас к барьеру!

* * *

Где паутина жизни сплетена,
 Где роза на рассвете так нежна,
 Где аист в небе синем проплывёт,
 И лес трагично ропщет, но живёт,
 И озеро как зеркало в бору,
 Я без тебя, любимая, умру...
 Послушай соловья, как он поёт,
 Как бабочка порхает и живёт,
 И белый голубь вьётся в вышине,
 Про всё забудь... лишь помни обо мне!

* * *

А жить прекрасно, брат, на свете,
 Когда ты выйдешь на крыльцо,
 А там тебя целует ветер,
 И солнце золотит лицо.
 Весь мир открытый, яркий, сонный,
 В ветвях защёлкал соловей,
 И я встречаю мир влюблённый,
 Иду дорогою своей.
 Я знаю, скоро будет жарко,
 И жадно мозг запросит пить,
 Но жизнь мне кажется подарком,
 Чтобы дышать, любить, творить...

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

Полюбив этот каменный город,
 Ты не сможешь забыть никогда.
 Испытаешь тоску, словно голод,
 И в ночи застучат поезда.
 Для любви не бывает преград,
 Пересчитай разлуки ступени,
 Засыпающий Летний сад,
 Засыпает листвой колени.
 Ты вернулся и город знакомо
 Расцелует дождями лицо.
 И встречает, как прежде у дома
 Фонарей золотое кольцо.
 Для любви не бывает преград,
 Пересчитай разлуки ступени,
 Засыпающий Летний сад,
 Засыпает листвой колени.
 Снова осень придёт золотая,
 Снова к югу летят журавли.
 Ты навстречу бежишь, молодая,
 Отрываясь чуть-чуть от земли.
 Для любви не бывает преград,
 Пересчитай разлуки ступени,
 Засыпающий Летний сад,
 Засыпает листвой колени.

ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Мы с тобою, мой друг, не атланты,
 Но вальсирует бал выпускной,
 Мы с тобою, мой друг, лейтенанты
 И Отчизна у нас за спиной.
 И в крови забродившая брага,
 Так легко ты танцуешь со мной,
 И признание в любви не отвага,
 Коль Отчизна у нас за спиной.
 Только знаю я высшую меру,
 И всегда эта вера со мной,
 Защищать до последнего метра,
 Коль Отчизна у нас за спиной.

ЛЮБОВЬ УХОДИТ...

Любовь уходит не прощаясь,
 И не привыкнуть мне ни как,
 Что губ твоих я не касаюсь,
 Ушла любовь, случилось так...
 И не меня теперь ласкает
 Горячих губ отравный мёд.
 Лишь время календарь листает,
 А жизнь не движется вперёд.
 Горит свеча и тает, тает,
 Слезами остывает воск,
 Любовь меня не замечает,
 Она покинула свой пост.
 А в небе – эхом колокольным,
 Застонет журавлиный клин.
 Любви печальный треугольник,
 Плывёт над золотом равнин.

* * *

Утро девятое мая...
 Чист небосвод голубой,
 Вот ты, Победа, какая!
 Я не мечтал о другой.
 Залпы умолкли орудий,
 Мир тишиною объят,
 И обнимаются люди,
 В небо пилотки летят.
 Вот оно мирное небо,
 Что над моей головой.
 Только бы не было, не было
 Третьей войны мировой.

ЛЮДМИЛА РЕГИНЯ ГЕРТРУДА РЕГИНЯ

ПОМНЮ, ЛЮБЛЮ...

эссе

Наши папа и мама были красивой и надёжной парой и очень любили друг друга. Папа родился в 1899 году в Петербурге, учился в гимназии. После вынужденного отъезда в Томскую губернию (опасение репрессий), через несколько лет он вернулся в Ленинград и привёз с собой молодую жену. Мама вошла невесткой в семью родителей отца и её приняли всей душой. Молодая наша мама, родившая двух девочек, была чудо как хороша. Она следила за своей внешностью, всегда была нарядно одета, в отношениях со стариками внимательна и предупредительна. Папа с детства был труженником.

Может кому-то показаться, что мамина жизнь за папиной спиной была беспечной. Но это не так. Была война и эвакуация, были смерти близких людей. Как справилась она? Думаю, дело в папиной силе духа. Он держался сам и держал нас всех силой своей привязанности к нам. В его любви никогда не было пафоса, даже высоких слов; он любил тем, что был рядом. Самый необходимый человек на свете - папа.

* * *

В Солнечном прошли лучшие годы нашей жизни с родителями. В погожие летние вечера они прогуливались по посёлку, и ими можно было любоваться. Приветливая пара пожилых людей, которые никогда не были дряхлыми, брюзгливыми. Наоборот они излучали свет, доброту и бодрость.

Наша мама пережила папу более чем на десять лет.

Мы продолжали снимать дачу в Солнечном и всегда отмечали папин день рождения 13 июня. Особенным было его столетие в 1999 году.

В Солнечном прошла главная жизнь с мамой, папой, роднёй, друзьями. Об этом думаешь на каждом повороте. Мимо домика, в котором прожили более тридцати лет, проходим воровски и робко: тяжело смотреть теперь на чужие окна, на крыльцо, у подножья которого выросли однажды колокольчики, на заросшие клумбы и грядки. Как хорошо было со стариками! Да и стариками они никогда небыли, как это ни странно.

* * *

28 августа 2005 г.

Пребываем в Разливе (Ново-Гагаринская) - на границе с Сестрорецком. Снимаем комнату с верандой. Пишу на веранде, солнечно и ветренно. Целый день таая переменчивость: то жарко, то сильный ветер. Здесь огромный круглый стол. На нём стоят четыре вазы с цветами и папин-

мамин портрет в рамке (они летние в Солнечном). Колокольчики в стеклянном фужере. Срывали их на тонюсенькой ножке в траве, в лесу - последние.

...Не иначе, как мамина душа воплотилась в этой поляне колокольчиков, которая открылась нам, когда мы шли с Гертой просёлочной дорогой неведомо куда. В окружении лиственного леса - зелёный с низкой травой огромный луг и островками, на нём колокольчики, белая кашка, лилово-розовый кавыль, клевер... Откуда взялось это чудо? Кто подсказал нам этот путь? Мама не уходила. Она жила в этих символах («колокольчиках»), придуманных нами однажды в Солнечном.

Ещё две вазы с осенними ромашками (жёлтыми и коричневыми). И ветки рябины в давнишней вазе «Чёрный тюльпан», привезённой из дома. Один край стола - целый осенний сад. Наш сад не увядает.

Мы с сестрой не скучаем. Приехали, когда цвела сирень, а уезжаем, когда в красном одеянии рябина. И сейчас в конце августа, стоят красивые, тёплые, временами жаркие дни.

Вчера были в Курорте, гуляли по парку, вдоль залива, сидели на бревне близко к воде, смотрели на набегающие волны, на облака. И залив, и небо постепенно сливались, окрашиваясь в один, всё синее и темнее цвет. Набухали тучи. В поезд мы сели без дождя, а выходили в Сестрорецке (всего одна остановка!) под страшный ливень. Он случился как-то вдруг, и у нас были плащи, но и они не спасли, пришлось спрятаться в ближайшем магазине. через 10-15 минут всё утихло, небеса посветлели, ветер унялся.

Природные места здесь прекрасны. мы полюбили парк «Дубки». Дубы интересно разглядывать, разгадывать их тайны и судьбы. Они - и явление природы и произведения искусства. Тяжёлая, бурая кора стволов у «стариков», искорёженные долголетием громадные ветви, переплетённые, изогнутые, словно связанные узлы...

Аллеи парка приведут вас сначала к реке. Идём берегом реки - ранним летом расцветает шиповник, и цветёт до самой осени. И вот река впадает в залив. Берег дикий, песчаный, но с камнями, подгнившими брёвнами, на которых можно расположиться. К августу в малиновых кустах по берегу можно собирать малину...

Как быстро проскочило время! И какое оно разное! В июнь-июле солнце приставало неистово. Сейчас засыхает шиповник. Черника в лесу ещё есть, но листья уже жёлтые, и только кое-где в траве свежие молодые ветки с крупными ягодами. Но с черникой мы покончили... Завтра последний раз едем в Дюны за грибами.

* * *

Я сидела на этом бревне одна. Было совершенно безлюдно - будний день, после ночного ливня, сумрачный. Песок утрамбован дождём и хранит следы ног, велосипедных шин и даже лошадиных копыт - неподалёку клуб верховой езды (в Сестрорецке и в Солнечном): девочки гарцуют, опустив ноги на лоснящиеся бока лошадок.

Впечатление такое, что всё вокруг отдыхает: и песок, и залив, и люди, и кони. Залив абсолютно тих, едва шумит лёгкий прилив. Огромная чаша серебристо-синей воды неподвижна. Даже чайки не летают. И - облака! Не оторвать глаз. И не описать, хотя берусь это сделать.

Мне кажется в эту минуту, что искусство (живопись, слово) не в силах передать эту бесконечно меняющуюся картину. Слева сияющие, как вершины гор на солнце, облака. Они наполнены светом, блеском, а их декор совершенен: природа-мастер нарисовала изгибы, проёмы, человеческие профили с вычерченными бровями и с пышными шапками на голове. Если смотреть перед собой на горизонт, то тут рисунок совсем другой - синий ровный туман и где-то над

водой (угадываешь по тому, что границы нет) розово-сиреневая полоса, и она долго не будет менять своих очертаний в отличие от плавающих сюжетов слева и справа.

Я думала о том, что у меня никогда не было времени так вот сидеть безмятежно и впитывать как нечто целительное этот покой и это тонкое очарование воды и неба. В детстве этого не понимаешь (просто впитываешь). А потом начинается жизнь. У неё практические задачи, даже в отпуске - долететь, загореть, сэкономить деньги на подарки. Где, уж там сидеть два-три часа кряду и просто наслаждаться. Меня охватывает восторг. Наверно, надо уметь писать о красоте проще. Этому всю сознательную жизнь учишься, вернее, к этому стремишься, но получается то, что получается. Сегодня я на этом бревне одна, а не с Гертой. Всё так же прекрасно. Сегодня я с бумагой и ручкой сижу на бревне и записываю, как тот казах, то, что вижу. Фантазировать не нужно. Фантастичны само место, этот час и душевная тишина, я ничего не хочу придумывать и тратить усилия на изобретение стилистических изысков.

Сегодня я прощаюсь с заливом...

* * *

А что же сказать о душе? При всей красоте природы, бытовом уюте и достатке, особенного праздника на душе не наблюдается. Места, где прошла наша жизнь с родителями, навевают грусть и тоску. Мы - одни. Не надо никуда торопиться. Не надо ни о ком заботиться. А ведь был тут когда-то рай. Нас встречали, любили и мы отвечали с той же силой любви. Я часто вижу маму с папой во сне. А наяву иногда думаю: Господи! Дай мне возможность увидеть их, обнять и расцеловать. Мы так скучаем без них. Жизнь изменилась необратимо.

МАРИНА ПИМЕНОВА

Стихи для детей из книги
«СЕСТРОРЕЦКАЯ АЗБУКА»
2014 г. издания.

* * *

Авенариус, ребята,
Проложил здесь путь когда-то.
Там, где лес сосновый рос,
Вдруг поехал паровоз!
Там, где только дюны пели,
Где залив раскинул мели,
Перед всей Европой горд,
Вырос Северный курорт.

* * *

Был завод у нас, друзья,
Значит, было всё не зря.
Сестрорецка главный знак!
Не прошёл преграды враг
В годы трудные войны.
Был завод – оплот страны!

* * *

Распогодится, и в миг,
Мы на речку напрямик.
Там почти наверняка
Можно встретить рыбака.
Русло юркое реки
Обступили рыбаки.
Сети, лески!

Прямо братцы,
Рыбам некуда деваться!

* * *

Может многого не просим,
Но за честь свою стоим.
Оружейник главный – Мосин,
Славен именем своим.
Это он легко и ловко
Изобрёл свою винтовку,
Что бы враг, наверняка,
Испытал на поле брани,
Как на шкуре на бараньей,
Силу русского штыка.

* * *

У нас такие улицы,
Что сердце залюбуется!
Пройтись всегда захочется
По улице такой:
Черничная – отличная
И Лиственная чудная!
Ну а потом отправимся
Гулять по Полевой.
Названья есть старинные,
Короткие и длинные.
Герои есть известные,
Знакомы с детства нам:
И улица Борисова,
И улица Григорьева –
Они навек в истории,
И что бы там не спорили,
Нам просто надо помнить их
И знать по именам.

АННА АЛЕКСАНДРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, город, мой преданный друг
Нам расстаться с тобой невозможно
Из моих холодеющих рук
Смотрит небо на мир осторожно.
Здравствуй, город, я снова с тобой.
Ты, как прежде, прекрасен и пышен
И к тебе я взываю с тоской,
Но опять ты меня не услышишь.
Здравствуй, город, поверь мне, я жду,
Чтобы ты рассказал мне о лете,
Может завтра я снова уйду,
Кто же будет за это в ответе?
Здравствуй, город доверчивый мой
Осень нынче немного иная.
Я всегда возвращаюсь домой,
Потому что тебя вспоминаю.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР

Здесь ни шума, ни смеха не слышно,
Только птицы щебечут вокруг,
Только клонятся дикие вишни
От цветов, распустившихся вдруг.
Как паломник, несмело шагая
По ступенькам взойду на крыльцо –
Я, наверное, стала другая
И меня не узнаешь в лицо.
Память детства исписана мелом
И зашита страницей в тетрадь –
Нынче город останется белым,
Чтобы ночью хотелось писать.
Отчего я стою у порога,
Загадевшись в пустое окно?
Здесь моя начиналась дорога,
Где закончиться ей суждено?

ГАВАНЬ

Заря на мачтах в гавани повисла,
Коснулась волн и отразилась в них.
Не говори, что ночи мчатся быстро,
Ведь ты не ждешь и не считаешь их.
И ты не плачешь, что угаснет лето
И мы друг-друга не найдем нигде,
Ведь ты заранее знаешь все ответы,
Как этот луч на утренней воде.
Моя заря, что к нам с небес упала
Похожа на вчерашнюю точь-в-точь.
Не говори, что целой ночи мало,
Ведь ты не знаешь, что такое ночь.

ОСЕНЬ

Осень – странница печальная
С деревянной клюкой,
Осень – музыка венчальная
В старой церкви над рекой.
Осень – зарево багровое
В небесах пожар лесной,
Молчаливая, суровая,
С жарко-пламенной душой,
Как художница беспечная,
Что рисует все подряд,
Золотая, бесконечная
И не прячущая взгляд.
Все без счета раздающая,
Не теряя ничего.
Осень – песня вездесущая,
Песня сердца моего.

СЕСТРЕ

Милая моя, взгляни в окошко,
Нарисуй узоры на стекле.
Каждая из нас совсем немножко
Девушка на мраморной скале:
Юная прелестная русалка,
Что встречает в море корабли,
Чтобы чайки горестно и жалко
Что-то прокричали ей вдали.
Дорогая, можешь отречься
И смотреть сурово, свысока:
Каждая, нельзя в том не признаться –
Нежная Офелия слегка,
Каждая свои венки сплетает
И твердит, роняя в воду их,
Все секреты, что она скрывает
В глубине бездонных глаз своих.
Не сердись же на меня, родная,
Верить в сказку – это не беда.
Я ведь знаю: женщина любая
Быть Джульеттой хочет иногда.
Ты серьезна, маленькая фея
С золотою прядью на виске,
Ты не веришь в то, что я умею
Чьи-то судьбы видеть по руке.
Ты забыла все, что раньше пела
И теперь смеешься надо мной.
Ты и вправду быстро повзрослела,
Чудеса обходишь стороной.
Не смотри, не видно их глазами,
Но слова мои не забывай:
Есть в тебе волшебной силы пламя,
Ты ему угаснуть не давай.

КОТЕНОК

По излучинам ладоней
В переулках, между строк,
На весеннем небосклоне,
По обочинам дорог

Ходит поступью кошачьей
Распалившийся апрель
И ему вдогонку плачет
Вечно грустная капель.
Раскрасневшийся немножко,
Словно занятый игрой,
Осторожный, будто кошка,
Он крадется вслед за мной.
Дотянулся мягкой лапой
Он до сердца моего
И внезапно оцарапал
Сам не зная для чего...

ДУМЫ

Мой дикий ум без толку приручать –
Он отвергает опыт поколений,
Соцветья рифм оставили печать
И целый мир забыт без сожалений.
Как острый нож холодный интерес,
К молчанью, к крикам равно безразличный,
Непросто тем, в кого вселился бес
И наделил судьбою необычной.
Ах, если жизнь для нас не навсегда,
К чему жалеть о том, что так непрочно?
Я – птица? Ангел? Женщина? Звезда?
Кто, кроме Бога это скажет точно...

СОНЕТ О СЧАСТЬЕ

Я счастлива, что каждый день восход
Меня встречает трепетной улыбкой,
Что за зимой всегда весна придет,
Чтоб утонуть в осенней дымке зыбкой.
Я счастлива, что в чью-то пустоту
Я постучу своим сердцебиеньем,
Что мне откроют и что я войду
Незрима, неслышна, как входят тени.
Я счастлива, что мысль моя легка
И я горжусь ее строптивым нравом,
Я счастлива, что звезды и века
Обречены шальным ее забавам.
Я счастлива, что может уместиться
Огромный мир на маленькой странице.

А.К.

И какое сейчас время года?
Нынче сырость, а завтра мороз.
У осенне-весенней погоды
Нет ответа на вечный вопрос:
Отчего нас заставила плакать
Не несчастье, а так, ерунда
И теперь между нами не слякоть,
А застывшая в речке вода.
И на ней так легко поскользнуться —
Ты стоишь и боишься шагнуть,
Чтобы снова ко мне прикоснуться,
Должен ты одолеть этот путь.
Я люблю тебя. Глупо и странно
Так легко это вслух говорить.
Если осень ошиблась случайно,
Разве легче об этом забыть?

А. К. ПРОЩАНИЕ

Лови в ладони белых звезд клочки,
Пусть они сияют, умирая,
Возможно, мы с тобой еще близки —
Что хочешь ты, того и я желаю.

Бывает, что расходятся пути
И значит, все мы делаем ошибки
И что еще, как не вперед идти,
Приход зимы, встречая без улыбки.

А сумерки дыханием согреть,
Ты не сумеешь, сколько б ни стараться
И значит, остается только петь,
Когда уже не можешь целоваться.

«Прощай», «прости» — ненужные слова
Их теплотой не утолить печали.
Ты говорил мне, что любовь права,
Но в ней друг друга мы не замечали!

ОТЪЕЗДА

Пробивает вокзальные стены
Оглушительный свист поездов.
Без любви не бывает измены,
Но измена не губит любовь.
Паровоз удивительно алый
У перрона дымится и ждет.
Помнишь, ты ведь когда-то мечтала,
Как тебя он к мечте увезет?
Шелест, гам и мяуканье кошек
И веселых людей разговор,
Но тепло твоих детских ладошек
У меня на руках до сих пор.
Каждой порой и клеточкой кожи
Ощущаю твой ласковый след;
Ни на что на земле не похожи
Эти несколько памятных лет.
Ты удобно уселась в вагоне,
Прислонившись к стеклу головой,
Средь толпы я стою на перроне,
Не желая встречаться с тобой.
Ты не любишь и вряд ли любила,
Ты ничем не обязана мне,
Так зачем же с неистовой силой
Я ищу очертанья в окне?
Сердцем, преданным даже в разлуке
Не могу покориться судьбе,
Все вокруг: все предметы, все звуки
Мне напомнить спешит о тебе.
Стрелка медленно движется к цели,
Весь состав начинает дрожать,
Вдоль него я плетусь еле-еле,
А давно ли хотелось бежать?
Мы нежнее всего почему-то
К тем, кто с нами излишне жесток.
Остается четыре минуты
До того, как раздастся гудок...

АНГЕЛИНА БЕЛОУСОВА

* * *

Однажды ты встретишь Лето,
рыжее и смешное,
С губами, как у ребенка, –
сладкими, словно мед.
Лето с тобою будет
и в счастье и даже в горе,
Но быстро проходит лето –
и от тебя уйдет.
Ты будешь долго верить,
что скоро оно вернется
Пускать золотые тени
в квартире твоей пустой.
И будет тебе казаться,
что в небе погасло солнце,
Но скоро ты встретишь Осень –
и обретешь покой.
Осень задумчивым взглядом читала тебя,
как книгу,
Знала, что будет дальше,
от горя могла сберечь.
Но не было в ней загадки,
не было в ней интриги –
Только забота, мудрость
и волосы ниже плеч.
После разлуки с нею
ты сменишь и дом и город
И будешь бояться рыжих,
как в детстве дурного сна.
Вокруг тебя будет пусто,
внутри тебя будет холод.
Но скоро тебя согреет
пришедшая в дом Весна.
Ты будешь плести ей косы,
вплетать в их пшеницу маки,

Она будет петь тебе песни,
научит снова мечтать.
Но в книге ее любимой,
о знаках и Зодиаке,
Написано: «Несовместимы»..
И снова ты будешь ждать.
Зима не придет к тебе в гости,
не встретит тебя улыбкой,
Но взглядом ее темно-синим
ты будешь сожжен дотла.
И тенью пойдешь за нею,
и жизнь твоя будет пыткой,
Сладостной терпкой болью
и жаждой хоть капли тепла.
Все в ней тебе ненавистно –
и слишком холодные руки,
И белые длинные косы,
и речи из колких слов.
Но нет в этом мире большей
и режущей сердце муки –
Не слышать ее дыханья,
забыть аромат духов.

* * *

Времени точен бег.
Времени ровен шаг.
Человеку другой человек
Самый опасный враг.
Кто-то кому-то врет
И объявляет мат.
Время нас всех убьет -
Беден ли ты, богат.
Это судьба, дружок.
Маленький личный ад.
Если пришел твой срок –
То не смотри назад.

ЯНА БИНЕВСКАЯ

ПРИЗНАНИЕ

Люблю твой каждый уголок,
Ловлю твой тихий, нежный вздох,
Шуршанье листьев, ветра стон,
Дыханье неба, шепот волн
И колокольный перезвон,
И говор трав почти сквозь сон,
И запах корюшки, и чаек крик
Во мне рождают радость
В тот же миг;
И взмах ресниц твоих дубков,
И шелк берез, и песнь цветов,
Песчаных дюн узор простой,
Звонящий воздух, гул морской...
Тебе, любимый Сестрорецк,
Желаю здравствовать вовек!

МОИ КНИГИ

Мир таинственных фантазий,
Мир улыбок и тревог,
Мир надежд, переживаний
Путешествий и дорог,
Мир загадочных событий,
Мир познаний и открытий,
Философских убеждений,
Заблуждений, озарений,
Неожиданных явлений
И безумных развлечений,
Наслаждений, рассуждений
И наивных увлечений,
Суеты преодолений
И таланта проявлений, -
Это – книжный Мир Творений!

ПАМЯТЬ

В память павшим, всем героям
Ты свой долг отдай,
Наступает судьбоносный
Месяц МАЙ.

Загорелось, засверкало
Солнце с высоты небес,
Заиграло и упало
На весенний лес.

На аллее в старом парке
Тихо и светло.
Там деревья, словно арки,-
Покой и торжество.

В этом храме освященном
Никогда не спит –
На высоком пьедестале
Памятник стоит.

Вечно он стоит на страже
Всей родной страны.
Был Солдатом он когда-то
Страшной той войны.

А теперь – в граните, славе,-
Грозный часовой,
Наш покой оберегает
Без Имени Герой.

И минутою молчанья
Тихий стон небес
И цветов благоуханье
И задумчив лес.

Ангел тихо пролетает,
Ветер шелестит.
Величаво и спокойно
Наш Солдат стоит.

МАМА

Мама – это всегда лето!
Мама – это луч рассвета!
Мама – это счастье дня,
Мама радует меня.
Моя мама – это ласка,
Нежный трепет лепестка.
Моя мама – это сказка
И сейчас и на века.
Мама – преданный товарищ,
Самый близкий, верный друг,
Теплотой, любовью, счастьем
Озаряет все вокруг.
Умная и деловая,
Мудрая и молодая,-
Мамой я своей горжусь
И за маму я держусь!

МОЯ БАБУШКА

Бабушка моя родная,
Бесконечно дорогая!
Я тебя очень люблю,
Без тебя жить не могу!

Для меня хлопочешь ты
То на кухне у плиты,
То несешь вкусней покушать,
Подаеть душистый чай,
Всей своей душой воздушной
Обнимаешь ты меня!

Доброта в твоих глазах
И тепло в твоих руках,
Нежность даришь и любовь
И заботу вновь и вновь.

Я же, вырасту когда,
Не покину никогда
Свою бабушку родную
Бесконечно дорогую!

ЗВУКИ КРАСОК

Мир красок душу мне открыл,
Кусочек счастья подарил,
Игру природы показал,
Причудливый узор создал.

Мир красок – это мир живой,
Он напоен своей мечтой,
Фантазий ярких колыбель
В нем расцветает каждый день.

Ведь в красках музыка слышна,
Она ласкает слух всегда,
Волнует сердце, рвется вдаль,
Взлетает, гонит прочь печаль.

Она кружится и ревет,
Зовет и бьется, и поет,
Вдруг замолкает, но на миг –
Гармонии живой родник.

О, музыка! Ты так чиста,
Так гениальна, так сильна,
Ты раны сердца бередишь,
Все скрытое воспламенишь.

Кому дано услышать стон
И смех, и робкий перезвон,
И шепот, крик или призыв
Природы – тот велик!

Услышать мир и я хочу,
В мечтах на крыльях улечу,
Познать, творить, любить, гореть.
И радоваться, и взрослеть!

«КРАСНАЯ ШАПОЧКА»

рассказ

Она ходила по парку маленькая худенькая, как девочка, в неизменном красном беретике. Появлялась неожиданно – то там, то тут. Может быть, её красный беретик был так заметен среди опавшей листвы? Может, он был слишком ярок для этого серого неба и радостен для грустных осенних дней? Но прозвали её «Красная шапочка», хотя лет ей было немало. То ли старушка, то ли девочка – легкая, как хрустящий осиновый листок.

Зеленогорский парк жил своей привычной будничной жизнью: кто-то отдыхал, погрузившись в нирвану, кто-то медитировал на равномерный, как тиканье часов прибор, кто-то суетливо работал, таская инвентарь, подкрашивая скамейки, заполняя пространство информацией о всевозможных мероприятиях, коих в парке хватало даже в это невзрачное для обывателя время.

Финский залив был невозмутим. Он готовился к отдыху подо льдом. И ничего не тревожило его, кроме бессовестных птиц – вечно голодных, предчувствующих ещё более тяжёлые времена.

«Красную шапочку» видели все, но толком никто не знал. Кажется, она работала здесь. Но кем? Вопросом не задавались. Ну, появится, прошмыгнёт как мышка и исчезнет, только вслед ей глухо заскрипят уключины, и вздрогнет детская карусель.

Где-то за пределами парка был её маленький дом – скорее всего, деревянный. В народе такие дома называют просто «деревяшками». Там была печь и занавески в мелкий цветочек. Ещё был небогатый скарб: кровать с высокими спинками и кружевными наподушниками. А на стене висели фотографии в рамках, где все молодые. Но полувыцветшие лица невозможно было узнать, и только «Красная шапочка» знала и помнила всех, поэтому её ничего не смущало.

Она знала: когда прилетит весной скворец, он займет своё законное место в углублении над чердачным окном. Он будет выклёвывать мелкие семена в обнажившейся из-под снега земле. И каждый раз она будет бояться за его маленькую, хрупкую, полную опасностей жизнь. Она будет открывать занавески, радоваться утренним лучам и вдыхать запах угля, исходящий из всех соседних домов – запах родной и терпкий.

А сейчас – осень и долго ещё до весны. Надо встретить Покров, а потом пережить зиму. Надо выдержать долгие зимние вечера, полные одиночества.

Где-то там далеко была её жизнь, полная каких-то событий. Она росла, к чему-то стремилась. Но стремиться долго не пришлось, раннее замужество сделало её домоседкой. Долго ещё смотрела она вслед молодым беззаботным девчонкам, неся домой авоськи с мыслями о грядущем дне.

Позже, когда овдовела, был у неё роман, возникший неожиданно – так, из ничего. Поехала к сестре: сутки в поезде, а там еще «подкидышем» и три километра пешком до места. Ехала с сыном. Было ему десять лет. Рыженький, курносый он был похож на воробья. Они уже шли пешком, вдвоём, а тут попутный грузовичок тормозит.

– Садись, барыня.

– Какая я тебе барыня!

– Так ты же сына загоишь! Садись.

Сели. Поехали. А водила всё смотрит, как конь глаз косит.

Приехали. Он и говорит – Поцелуй, на прощанье.

– Да что ж нам прощаться.

– И то верно. Завтра встретимся!

И завтра приехал вновь. Так она любовь и закрутилась. Любовь была сумасшедшая, будто впервые осознанная. Были поездки дальние и рассветы в тумане. Были букеты ромашек, брошенных в открытое окно, был маленький нахохлившийся сын, не понимавший и невзлюбивший «разлучника».

Маленький рыжий воробей вырос и улетел из родного гнезда. А она лишь вспоминала холодные от росы и слёз травы и тёплые руки любимого, подарившие и нежность, и первую настоящую страсть.

«Красная шапочка» вернулась домой. И жизнь вошла в своё привычное русло. Домом её был маленький городок на берегу Финского залива. Как далеко порой жизнь разбрасывает родных людей, делая их одинокими.

В парке она работала с незапамятных лет. Сначала в теплицах, потом на хозяйственных работах. Так проходила, проплеталась жизнь в одном из красивейших курортных мест. И можно было только благодарить Бога за то, что он дал, а не отнял.

Этой осенью в парке произошли перемены. О них гудели по уголкам и шёпотом. Подобные перемены всегда тревожат, важна лишь степень этой тревоги. «Красная шапочка» пережила не один такой поворот судьбы. Но здесь был, пожалуй, особый случай. 90-ые годы дали глоток свободы, держа за спиной жёсткий кнут правосудия. Свобода обращения с капиталом опьянила, обострила алчность. «Красной шапочке» это было не страшно, ведь она ничего не имела. А вот руководство парка погорело настолько, что смена его обернулась для многих трагедией. Прежний директор поехал «отдыхать» на север, вместе с ним туда отправились и некоторые его помощники, а новый – приступал к своим обязанностям с опаской потравленного лиса.

Каждый в этот момент боялся за свое место под солнцем. Как известно, «новая метла» поновому метёт. Даже самые маленькие люди в этом маленьком государстве под названием «Парк» находились в тревожном ожидании. Все! Кроме «Красной шапочки». Только она была спокойна, и, как всегда, её никто толком не замечал.

Наконец, свершившийся переворот расставил все точки над «і». Мандраж стал утихать. И после короткого вступительного периода новый директор пригласил к себе сотрудников для личного ознакомления. На столе стояло шампанское, лежали бутерброды с твёрдой колбасой. На фоне всеобщего оживления подходила к концу вторая, «неформальная» часть мероприятия. Тут в дверях и появилась «Красная шапочка». Её, кажется, даже не звали. Вошла она тихо, будто скользнув сквозь дверь. Но лица, раскрасневшиеся от принятого шампанского, молча повернулись в её сторону и удивлённо замерли, пока тишину не нарушил САМ. «Красной шапочке» протянули бокал, и отглотнув из него, она почувствовала необходимость произнести какие-то

слова. Хотя вряд ли их от неё ждали. Она подняла бокал и робким запинаящимся голосом произнесла слова, в которых поблагодарила всех за внимание, поздравила новоиспеченного директора и осмелилась, видимо, желая хоть чуть-чуть поднять свою значимость, произнести, что ОН уже десятый на её долгом веку работы в этом чудесном месте.

Директор побагровел, и народ, сгрудившийся вокруг кормушки, сплотился в еще более плотную монолитную форму. Повисла пауза... «Красная шапочка» проглотила как кол глоток шампанского и так же тихонько ушла, как будто её совсем не было.

На следующий день и всю следующую неделю её никто уже не видел.

Она исчезла. А впрочем, так никто и не вспомнил, как её звали.

Ольга НИКИТИНА

ВАМ

В апрельский день
 под дождика капель,
 И льдинок треск,
 и пение синицы,
 Я вновь пишу...
 получатся стихи?!..
 И по ночам, как в юности,
 не спится...
 Ты спросишь,
 как рождаются они?
 Как заплести в венки
 слова, любовь и душу?
 И не бояться,
 что слова нарушат
 Глубинных чувств
 немую Красоту...
 Какая-то
 неведомая нить
 Вдруг души
 в миг один соединяет –
 Наверно, это – Счастье, –
 я не знаю...
 Словами
 невозможно объяснить.
 Летят в рассветных облаках
 слова,
 Волнуются, –
 их гонит ветер в стаю...
 Ты спросишь,
 как рождаются стихи?!
 А может,
 я их лучше
 почитаю...

ПОСВЯЩЕНИЕ

ВЛАДУ ПЕТРОВИЧУ КУЛЕШОВУ

Есть люди, чей талант – увидеть красоту
 И разбудить в других привычку и волнение,
 И творчества порыв,
 И сердца доброту,
 Трудиться на земле
 С душой и вдохновением.
 Их возраст - ни о чем не говорит.
 Их закалили трудности и годы –
 Войну, блокаду -
 Все перенесли...
 И дарят нам Энергию Природы.

СЧАСТЬЕ

Какое это счастье - просто жить,
 И радоваться каждому мгновению!
 И белой ночью тихо вдохновенье
 В чернилах на бумаге растворить....
 И не печалиться, что чувства так остры,
 А слово - может и, капризно,
 и формально....
 И стоять замки на песке - реально,
 И алых парусов горят костры...

* * *

Опять в окошко постучалась грусть,
 Что ей ответить – даже и не знаю...
 Я о тебе стихи писать боюсь, моя любовь...
 Наверно, это глупо и смешно,
 Но я в душе пишу тебе стихами,
 А вдруг об этом кто-то уж давно
 Сказал обыкновенными словами....

«СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ!»

Спасибо за то, что ты есть
На этой земле большой,
Спасибо за то, что ты есть,
И мне не бродить одной...
Что можно в глаза заглянуть
С надеждой и верой в них...
Что можно в глазах почерпнуть
Все то, чего нет в других...
Я встречу и это, и то,
Пусть даже недобрая весть...
Спасибо тебе ни за что –
За то, что ты просто есть...

* * *

Есть у леса конец – чуть заметный просвет...
Есть у поля конец – подорожника след...
Есть у счастья венец – из любви и труда,
И дороге – конец, – ведь к тебе привела...
Только что же тогда бесконечно вообще?!
Что везде и всегда, и в цветах, и в дожде?
И в усталости рук, и в бездонности глаз,
Что приходит не вдруг,
Что бывает не раз?!
Только ты, доброта, знаешь этот секрет,
Ведь предела тебе, нескончаемой, нет....

* * *

Вот и август. И лето стораёт свечой...
И я в мыслях все чаще прошу: «Ну...еще!»
«Не пора нам еще, не пора, не пора...
Ворошить угольки у ночного костра...»
Еще камни теплы, и резвятся мальки,
В лучах солнца, как блики, кружат мотыльки,
Скоро осень закружит другим мотыльком –
Капель дождика с желтым березки листом....

«Я ПОЧИТАЮ ОСЕНИ СТИХИ...»

Я почитаю осени стихи
Про шум дождя и запах прелых листьев,
Как на калине капельки повисли,
Смотрясь в залив, воде отдавши лик...
Закат вдыхая, краски акварели,
Я растворяюсь, к красоте приник...
...И строчки, словно птицы полетели!

* * *

О тебе стихов не писать,
Не мечтать о тебе во сне...
Только взгляд способен сказать,
Что ты есть для меня в судьбе...
Так случилось, что нас развели
Перекрестки чужих дорог,
Облака плывут – корабли,
Даже ветер догнать не мог...
Улетает моя мечта,
Паруса раздувает норд-вест,
И слова будут долго молчать
Мне о том, что ты где-то есть....

ЛЮБИМЫМ

Спасибо всем за все:
Что живу, и что – снова май...
Что счастье рядом, и во сне, и наяву,
Шум электрички, и собаки лай...
И корюшку в заливе
по колени стоя, в воде
ловят рыбаки...
Друзья, люблю вас!
Каждое мгновение, ценю...
И снова ночи белые...
нежны и коротки.

ВОЛШЕБНЫЕ НИТИ

посвящается Кулешовой Е.С

Волшебные нити Любви
и Искусства
Елена вплетает в портреты
искусно-
И женщин, и ангелов лики. Букеты, -
Так нежностью пахнут
и радостью лета!
Порывы Творца дарят нам очень много:
Надежду и Веру, удачу в дорогу....
Красу отношений и скромности блески....

Семья Кулешовых - родник Сестрорецка

* * *

Душа – листок, застывший от ветров,
Что в августе все чаще задувают....
По паутинке капельки стекают,
Как слезы от моих вчерашних снов...
Молю...глоток июльского тепла....,
Чтоб пережить мне было легче стужу...
Лист одиноко в воздухе закружит...
Поймать его я так и не смогла....

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ.

Летит к тебе письмо, моя душа!
А ты так высоко паришь по небу...
Я знаю, что ты видишь,
Где б ты не был...
Что это - я...
Читай же не спеша!
Там высоко ответ на все готов?!
Его я получила белой точкой,-
Я верю - рядом ты, твоя любовь,-
И это все не выдержали б строчки...

ДОЧКИН ДОЖДИК

Моя дочка рисует дождик,
Язычком помогая делу.
Я, конечно, рисую тоже,
Только краску беру несмело.
Кисть ребенка –подобно птице
С оперением разным...
Говорю ей, что дождик – синий,
А она говорит, что красный.
Говорю ей: « Он серый, мокрый,
Гулять негде- кругом лужи!»,
А она мне : « Он – очень добрый,
Но ему сапоги нужно!
Летний дождик бывает летом,
С яблоками и цветами,
А зимою дождя нету,
А осенний дождик – с грибами!»
...Много лет пролетело, осень –
Снова дождик стучит упрямо
Я рисунок дочкин про дождик
Аккуратно поставлю в раму.

«Я ПРОСТО ЖИЗНЬ СПЕШУ ЛЮБИТЬ»

посв. Бабенко Свете.

Я просто жизнь спешу любить,
Но иногда не успеваю...
И белой ночью, засыпая,
Прошу мгновения продлить...
И мне уже во сне приснится –
О чем мечтаю, чем живу...
А утром чудо вдруг случится:
И я увижу наяву –
Улыбку детскую и солнце,
Услышу трели соловья,
И нежный взгляд...
И все вернется,
Спасибо, жизнь,
Люблю тебя!

Литературно-историческое исследование по поэме А.С.Пушкина «ДОМИК В КОЛОМНЕ»

Я подполковник в отставке, ветеран пограничных войск РФ, житель Сестрорецка с 1983 года. Свыше 20 лет я занимаюсь своей родословной. Работая над этой темой, я неожиданно нашёл упоминание о своих предках в поэме А.С.Пушкина «Домик в Коломне».

Более успешно развивалась ветвь моей бабушки Сверчковой Марии Григорьевны, урожденной Костиной. Её отец, дед и прадед проживали в Грузии в военном селе Царские Колодцы, где в разные годы размещались Ширванский егерский полк, Нижегородский драгунский полк и др., которые защищали Грузию от нашествия персов, турок и лезгин.

Костины были в числе первых жителей села, пришедших на Кавказ после победы над Наполеоном, имели большие семьи, в которых росли по 8-10 детей.

Все мужчины принимали участие в боевых походах. По традиции Костины назначались старшинами села, т.е. старостами. Последним старостой села был мой прадед Костин Григорий Сергеевич, умер он в 1914 году.

Из рассказов моей бабушки и других родственников я знал, что в селе Царские Колодцы бывали А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, А.С.Грибоедов и др. В Ширванском полку служили: князь С.И.Васильчиков, графы М.С. Воронцов, А.Х. Бенкендорф, генерал от инфантерии А.Е.Врангель и др.

Штудирюя пятитомную «Историю Кавказской войны», я вышел на тему приезда А.С.Пушкина на Кавказ. Война с Турцией заканчивалась, А.С. Пушкин приехал в город Карс, где русские войска готовились к решительному штурму города Арзрума (в 210 км южнее города Батуми). Это была последняя хорошо укрепленная крепость на пути россиян. 27 июля 1829 года Арзрум сдался. В штурме, конечно, принимали участие наши полки: Ширванский и Нижегородский.

Война практически завершилась, настроение приподнятое, все праздновали долгожданную победу. В эти дни Александр Сергеевич услышал много интересных рассказов о подвигах, совершенных офицерами и солдатами, и в особенности боевого графа Паскевича – Эриванского Ширванского 42 егерского полка.

При взятии неприступной турецкой крепости Ахалцих 15 августа 1828 года они первыми поднялись на высокие стены, захватили цитадель, пленили все командование и вынудили сдать турецкий гарнизон, но при этом погибло более половины полка.

Находясь под большим впечатлением, от того, что услышал и увидел, великий поэт, позже, написал поэму:

**Домик в Коломне
(4-ая октава)**

У нас война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны, (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?
Уж Люди! Мелочь, старички кривые,
А в деле, всяк из них, что в стаде волк,
Все с ревом, так и лезут в бой кровавый ...
Ширванский полк могу сравнить с октавой!

Полный вариант этой поэмы, состоящий из 54 октав, написан в 1830 году и воспроизведен по дореволюционным изданиям: («Сочинения и письма А.С. Пушкина под редакцией П.О. Морозова 1903 г.), все другие издания урезаны и имеют только 40 октав. В связи с чем 4-ая октава о Ширванском полке практически не известна, ни одно собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина, изданное в советское время, а тем более его избранные произведения не печатали полностью поэму «Домик в Коломне».

Не скрою, мне было чрезвычайно приятно найти эту октаву, прочесть, записать, а затем самое главное, разыскать напечатанные в 1903 году «Сочинения А.С. Пушкина», в которых получил подтверждение, что 4-ая октава действительно есть.

Чем интересен этот факт:

1. стихотворение написано А.С. Пушкиным;
2. о ширванцах узнали в России и за рубежом;
3. поэт в письмах к своим друзьям и приятелям писал о подвигах воинов, называя их имена;
4. если мы сможем прочесть эти письма, то больше узнаем о своих предках – ширванцах.

Я много думал о причинах, почему поэму так урезали на 14 октав.

1. В России ещё были свежи идеи декабристов. На Кавказе в различных войсковых частях служили разжалованные офицеры, и им очень не нравился верноподданный генерал И.Ф.Паскевич, который проделал головокружительную военную карьеру.

За 1827 и 1828 годы он успел получить следующие награды от императора Николая 1 :

- графское достоинство - граф Эриванский;
- Орден Святого Георгия 2-ой степени;
- Орден Андрея Первозванного (высшая награда Российской Империи);
- стал шефом Ширванского егерского полка:
- по Высочайшему повелению Ширванский полк стал именоваться: Егерский полк графа Паскевича-Эриванского;
- А в 1831 г. после подавления восстания в Польше стал князем Варшавским.

2. Не нравился И.Ф.Паскевич и Петербургской военной элите.

Они не могли понять, как выходец из бедной семьи с незвучной фамилией Пасько и с не симпатичной внешностью поднялся вверх и приблизился к Николаю 1.

3. Многие военначальники завидовали И.Ф.Паскевичу за его быстрые успехи на Кавказе, не могли смириться с тем, что правители России считали его продолжателем военной славы Суворова и лучшим военначальником.

4. Не нравился И.Ф.Паскевич и демократически настроенной интеллигенции, задевало то, что многие писатели и поэты, в том числе и А.С.Пушкин писали в газетах и литературных журналах о военных успехах в войны на Кавказе.

Наверно, эти настроения большого количества людей через несколько лет подействовали на сокращение поэмы «Домик в Коломне». Думаю, что могут быть и другие мнения.

В заключение хотелось бы еще добавить, что работа над нашими родословными - не пустая трата времени, а серьёзная и важная работа для нас, наших детей и внуков. Она приносит большую пользу, так как открывает новые страницы из жизни нашей страны и наших предков. Мы больше узнаём о деятельности исторических личностей, о судьбоносных событиях проходивших в стране. Это способствует повышению любви к Родине, патриотизму у нашего младшего поколения.

Изучайте и любите историю своей страны, города и семьи.

Виктор Фёдоров

ГИМН ДУБКАМ

Наш парк рожден был гением Петра
 В начале восемнадцатого века
 На берегу, что мысом каменистым
 Вдавался в воды Финского залива.
 Здесь резиденция Петра была
 С дворцом и парком, гаванью, причалом.
 Тогда же волею Петра возникло
 Здесь озеро из рек Сестры и Черной –
 Разлив. На берегу его, возле плотины.
 Завод заложен был, и воды стали
 Крутить станки, точить стволы для ружей...
 Плотину создавая, Пётр хотел.
 Чтобы в Дубках, подобно Петергофу,
 От озера фонтаны заиграли.
 С любовью и уютом строил Петр
 Свой дом и сад Голландский при дворе.
 А молодой голландец, архитектор
 Ван Звитен, проектировал его.
 На сваях лиственничных, вбитых в берег.
 Насыпали высокую террасу,
 И каменный дворец над ней вознесся.
 Сажались все новые деревья.
 И клумбы, и газоны. Зеркалами
 В тени деревьев светятся пруды.
 ...Недолго простоял дворец прекрасный.
 Судьба сурово обошлась с Петром,
 И умер он на взлете дел великих.
 За ним в небытие ушел дворец.
 Остался парк, его пруды, каналы
 И камни, что лежат на берегу.
 Что были основанием причала.
 Да старые дубы, что помнят всю
 Историю Петровых дел с начала.
 ...Назло векам живёт наш старый парк,
 И в нём смеются дети, скачут кони.
 Бьют волны об остатки старых свай.

...Жив парк «Дубки», ровесник Сестрорецка,
 Жива история, которой нет конца.
 И вот придут иные поколения,
 Посадят новые дубы, каштаны,
 И, может быть – волшебное мгновенье! –
 Возникнут вновь дворец, Голландский сад,
 И струи тех фонтанов заиграют.
 Которых Пётр увидеть не успел.
 И возродится новый Старый парк.
 ...Парк жив! Он дышит, помнит, греет
 Нас всех, гуляющих сегодня по аллеям.
 Глядящих вдаль, на берега Залива.
 Любующихся ими вновь и вновь.
 Как Пётр когда-то любовался ими.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Главы из автобиографической повести.

РАЗДУМЬЯ, ВЫВОДЫ, РЕШЕНИЯ.

Так совпало. Сейчас без 12 минут 3 часа утра.

Сегодня 17 марта – день рождения моей матери – ВИНОГРАДОВОЙ (в девичестве ЛЕБЕДЕВОЙ) ЛИДИИ АРСЕНТЬЕВНЫ, но её уже нет, она ушла в миры иные в середине ноября 2004 года на 87 году жизни.

А в конце августа 2011 года мне исполнилось уже 70 лет. И, возможно, это правильно, что с высоты этого возраста я оглядываюсь назад и пытаюсь мысленно пройти по своей жизни.

Наверное, в связи с условиями военного и послевоенного детства, жизнь заставила меня очень рано стать самостоятельной и привить себе привычку перед сном проводить собственный самоанализ моих действий за пройденный день. Эта хорошая привычка прошла со мной по всей жизни, она помогла мне не совершить лишних ошибок, которые вполне возможны в юном возрасте, вернуться в свой прежний мир мне хочется для самой себя.

Я увижу это время с другой стороны; может, увижу свои ошибки или объясню некоторые действия своим детям.

Захотят ли они и смогут ли прочесть это.

Я знаю, что я честна перед собой. А если и совершила какие-либо ошибки, то не по злобе и зависти, а по недопониманию или вынужденно в связи со сложившимися обстоятельствами.

Я поняла, что иногда обстоятельства и действительность окружающего нас мира заставляет нас жить так, как мы не очень бы хотели.

И если уж так складывалось, то я старалась жить по тем законам, которые я предъявила себе, а именно;

1. Не навреди ближнему, не сломай его судьбу, то есть никогда не скажи о другом то, что не видел своими глазами.

2. Никогда не испытывай чувство зависти, ибо каждого человека на Земле ждёт своя полоса испытаний, то есть свой крест.

3. Необходимо жить в рамках законов своей страны. Но если ты смог получить высшее образование, получил знания иностранных языков, тогда ты имеешь возможность уехать в ту

страну, законы которой тебя устраивают больше.

Но не забудь прежде изучить законы выбранной тобою страны. А если не успел, не смог получить образование, то лучше оставайся у себя на Родине, где ты, по крайней мере, не будешь значиться иностранцем. Ибо закон - это величина переменная, а Земля, на которой ты рождён, величина постоянная. Ты здесь свой, и найдёшь своих, себе подобных, и станешь сильнее, если очень захочешь. Это наш, понятный нам менталитет.

4. Не нарушать земные законы;
Не лишить жизни другого человека.
Не предать своих родителей,
Не издеваться над чувствами влюблённого в тебя человека.
Не оставить без жилой площади того, с кем ты жил одной семьёй.
Не поднять руку на того, кто перестал или устал тебя любить, ибо каждый человек на Земле имеет право выбора. Если ты пытаешься удержать человека около себя ложью и хитростью, это значит, что ты совершаешь при помощи мошенничества акт насилия не ради кажущейся твоей любви, а ради своего самоутверждения через свой махровый ЭГОИЗМ.

5. Никогда не появляться на улице в нетрезвом виде, даже в самой лёгкой степени опьянения, чтобы не дать волю «добрым» языкам родить о Вас миф.

Ну а если жизнь разберётся с тобой жёстко и даже жестоко и снятие стресса будет необходимо, то я бы, как Штирлиц, закрылась наглухо и переболела бы свою беду в своих слезах, осознав и приняв всё то, что со мной случилось. И решив жить дальше с тем, что осталось, вышла бы в открытую дверь и пошла бы навстречу людям вновь с приветливой улыбкой. Окружающим меня было бы легче, хоть на мгновенье, так как у каждого из нас свой крест жизненного пути и каждого из нас, живущих на Земле, ждёт своё время испытаний.

6. Прежде чем осуждать проступки или неадекватное поведение другого человека, я всегда старалась понять причину, мотив его поступка. Пыталась поставить себя на его место.

7. Я никогда не презирала и не брезговала ни одним человеком. Я могла только посочувствовать, так как пути Господни неисповедимы. И я, как и каждый из нас, не могу знать, что завтра будет со мной.

8. Если я давала слово человеку, значит, обязательно сдерживала его. Но, если непредвиденные обстоятельства не позволяли мне исполнить обещанное, то я обязательно сообщала об этом по телефону, чтобы человек не терял время на ожидание и знал, что его уважают и помнят.

9. Если я назвалась женой, то ни при каких обстоятельствах по собственному желанию не изменю мужу, даже если эта совместная жизнь начала разрушаться.

Следующий этап жизни может начаться только после завершения предыдущих, то есть: развода, раздела имущества, иначе спор может возникнуть даже через три года после развода, раздела площади, если есть что делить, и оформления-получения официальных документов.

Какой бы он ни был этот муж, но он тоже имеет право на своё место жительства.

10. Невзирая ни на что и н и к о г д а не позволить себе связь с женатым мужчиной, имеющим детей, чтобы не взять грех на душу, за который всегда можно ожидать возвращения Бумеранга с большей силой.

11. Конечно, хочется, чтоб тебя уважали. И если начать жизнь с мужчиной и вести с ним общее хозяйство, то это значит, что необходимо снова вступить в брак.

Совместное проживание вне брачных уз беспринципно, неуважительно, безответственно по

отношению к будущей матери твоего будущего ребёнка и незащищённость кормящей матери и грудного дитя.

12. В жизни хочется не потерять своё лицо. Наличие семьи не должно помешать мне наблюдать за развитием общества, в котором мы живём. Найти свою изюминку, почувствовать в себе большой интерес именно к своему, важному для себя делу.

13. Вступая в следующий этап моей жизни, после школы я поняла, что у каждого человека свои физические возможности, свои ресурсы.

Поимев свой некоторый печальный опыт, я поняла, что заниматься трудовой деятельностью с полной отдачей я смогу только в классические часы, когда все с утра выходят из дома, а вечером возвращаются домой.

Из медицинской литературы я узнала, что молодой человек или девушка могут заложить неплохой фундамент своего психического и физического здоровья и сохранить его на долгие годы при условии стабильного ВОСЬМИЧАСОВОГО ночного сна не менее, как до 25 лет.

Надо поверить и запомнить, что если молодой человек пренебрежёт соблюдением биоритмов сна постоянным нарушением его (например: ночные смены, ночные клубы, ночные бдения) то его организм в очень молодом возрасте потрясёт появление множества старческих заболеваний.

И тогда придётся не жить, а выживать.

Поэтому нам всем необходимо ВОСПИТАТЬ В СЕБЕ ТВЁРДУЮ СИЛУ ВОЛИ...

14. Я никогда не умела лгать, а потому и не могла пользоваться шпаргалками. Даже при Мысли – солгать – стыд обжигал меня краской. Поэтому приходилось самой вникать, понимать и запоминать. Может, это и не плохо.

Что же касается лжи, я поняла, что использование её может разрушить судьбу людей.

Да и как ты её не прячь, она всё равно всплывёт и нанесёт такой душевный удар, что не каждый сможет перенести его.

15. Если у тебя попросили в помощь какие-то небольшие деньги – дай, если можешь. Не надо осуждать просящего и унижать его. Ему сегодня хуже, чем тебе. Он обязательно встанет на ноги и будет вспоминать тебя добрым словом. Но, если однажды тебе потребуется помощь, он обязательно окажется рядом. Ведь пути Господни неисповедимы.

16. Сравнительно недавно сменился режим в нашей стране, но до сих пор нет стабильного порядка. Именно поэтому я не доверяю частному бизнесу, так как нет в этом вопросе системного законодательства; побеждает сильный, ювелирно-изобретательный, имеющий предварительную материальную базу, с потерянной совестью, почти робот. Выжить в этом беспределе безумно сложно; всё равно, что ходить по краю пропасти.

17. Я могла бы работать в бюджетной организации с трудовой книжкой и белой зарплатой. Служить своему Государству, и если служить, так по чести и совести, наверное, это всё-таки почётно и ответственно.

Но никогда бы не стала работать заведующей по хозяйственной части, потому что сегодня чисто плотный человек в этой сфере или удивляет, или раздражает основную массу хитрых жуков. Для работы в данной сфере надо иметь кремнёвый характер, а также серьёзного покровителя который своим присутствием помогал бы удерживать правильную позицию поведения. Но такое совпадение бывает редко.

А ведь, в основном, человек попадает в заключение не за то, что ворует, а за то, что воровать не умеет или не поделился с подельником. «Не умеешь – не берись».

МОИ ОШИБКИ

Наши ошибки Откуда они?

Это или недопонимание ситуации, или часть нашего характера... Ещё класса с четвёртого я начала вести дневник; кратко записывала события, которые или удивляли, или путали меня. Ведение дневника, даже такое краткое отражение действительности, и короткие стихи, как умозаключение каких-то решений и выводов, вольно или невольно воспитали во мне необходимость самоанализа своих поступков.

Слабостью моего характера была доверчивость к людям.

Мысли мои к людям чаще были объёмными.

Иногда я смотрела на Землю как бы сверху, обобщая жизнь людей, которые были рядом. Люди для меня, как тогда и для многих, не делились на национальности. Для меня все они были – земляне. Или может, это ощущение присуще юности...

Моё доверительное отношение к людям привело меня однажды к неверному решению, к ошибке, к обвинению близкого мне человека в том, к чему он был непричастен.

Слава Богу, что человек, которому я поверила, исправил свою ошибку и признался мне в этом.

С той поры я взяла за жёсткое правило никогда не верить тому, кто бы что ни сказал, как бы эмоционально он не выражал это. Только увидев своими глазами, услышав своими ушами, я могу принять такой факт за истину.

В юности думалось, что сможешь изменить характер человека, откорректировать его взгляды, интересы и даже наклонности, если ты ему очень дорога.

Оказалось – нет. Каждый пришёл на Землю со своей задачей. Он так устроен. Надо или смириться, или отойти в сторону.

Моя жалость к людям с трудными судьбами иногда толкала меня на преждевременные решения. Моё скоропалительное согласие на уговоры и уверения привело меня к преждевременному решению и связало меня семейными узами и не дало мне своевременной возможности успеть развиться до определённого уровня. Хотя возможно, что я и сегодня поступила бы как и прежде, так как, прежде всего, живу душой. Сегодня жить с открытой душой возможно только при наличии покровителя.

Раньше, когда я была молодой мамой, считала, что если дети учатся в школе с отличием, то и их будущее будет отличным. А оказалось – я не права. Самое главное в человеке – его характер, его личное стремление к поставленной им перед собой цели.

Проходили годы, и я, исходя из своего профессионального опыта (воспитатель детского сада и участковый инспектор по делам несовершеннолетних), наблюдала невероятные истории, из которых складывались разные судьбы.

Оказывается, требование от ребёнка отличных оценок может привести к слому его психики. Ребёнок должен иметь право на свои ошибки.

Но если освоение школьной программы даётся ребёнку очень легко, то в дальнейшем, встретив препятствие не привыкший трудиться, может бросить своё начатое дело и разочароваться во всём. Такого ученика желательно индивидуально загружать дополнительной программой, чтобы он не потерял интерес к познанию и приобрел навыки преодоления трудностей ещё в период освоения школьной программы.

Есть ещё средний ученик, который прохладно относится к освоению школьной программы,

но найдя или почувствовав свой интерес в достижении своей цели, бывает завидно трудолюбив. Здесь важно, чтобы преподаватель был с изюминкой и именно хотел заинтересовать учеников своим предметом. Такие ученики в будущем не будут падать духом при встрече с трудностями, а всегда будут искать выход из создавшегося положения.

Когда девочки были ещё в детском садике, я бесконечно искренне объясняла, что взрослому человеку надо верить. Взрослый человек всегда знает больше и не позволит себе ничего вредного против ребёнка. Совсем недавно всё так и было. Но на сегодняшний день я была бы неправа. Весь мир как будто перевернулся и стал полон неожиданностей. Особенно пострадали дети, рождённые в 90-95-х годах.

Кажется, только сейчас люди возвращаются к человечности в отношениях между собой.

Жизнь в период смены режима в стране совершенно откровенно развернула перед детьми своё грубое лицо.

Мои дети, как впрочем, и все остальные, болезненно столкнулись с фактами беспардонности со стороны взрослых. Поняв это, я старалась быть ближе к ним, но уже не всегда было гладко.

А что было верно?

Верно было то, что дети понимали, жить можно только, рассчитывая на свои средства.

Кроме быта вокруг нас бушует мир, и мы сами можем расширить свой горизонт познания.

ПО ЛАБИРИНТАМ ЖИЗНИ

Сегодня мне даже не семьдесят, а семьдесят один год. Но мне до сих пор не даёт покоя мысль – почему у нас часто рождаются больные дети или становятся ими. Почему?

Вроде ничего не предвещало беды. Свадьба была 24 декабря 1963 года, а Алёнка, появилась 14 декабря 1964 года. Появилась в срок, тяжёлым токсикозом не страдала.

Но в моей медицинской карте был ошибочно поставлен не тот резус фактор крови, на самом деле он был отрицательным.

Кроме того, я не задумывалась, что работая на военном заводе, на вибростенде испытателем, имея связь с током высокой частоты, я могла бы навредить будущему малышу. Я уже не говорю о том, что там же получила тяжелейшую травму электрическим током, после чего лечилась ни один год. А мой муж сначала работал во Всесоюзном Научно- Исследовательском Институте в режимном отделе, а потом перешёл работать на атомный реактор, где руководством было дано письменное обещание – всем работающим в течение года предоставить квартиры.

Вот база, на которой было заложено появление первого младенца.

Наши отношения с мужем были спокойными, казались ровными и надёжными. Муж приезжал почти каждый день. Почему же тогда без всяких внешних на то причин плод лёг поперёк за два дня до родов? Вечером мне сказали, что я могу спокойно спать. У меня было какое-то умиротворённое, тёплое состояние. Я как будто погрузилась в пуховую невесомую перину и растворилась во сне. Так я спала один раз в жизни. Меня разбудила санитарочка в 6 часов утра.

Оказывается у меня отошли воды. И я всё думала: «Ну почему так получилось?»

Мне сказали: «Рожать нельзя, пока не повернут плод вручную».

* * *

Алёнка родилась в асфиксии, анемии, а также с нарушением координации движений ручек и ножек. Её сразу же подключили к кислороду, об этом я узнала позже.

Малышку мне сразу не дали, а на пятый день в палату пришла детский врач, и сказала, что только сегодня наладили координацию движений ручек, но ещё неизвестно выживет ли она.

Я всегда с такой благодарностью вспоминаю людей, которые научили меня жить с верой. Одна санитарочка убедила меня, что если у малышки хватит силёнок взять грудь, значит, она обязательно выживет.

* * *

В Белоострове, где мы поселились с мужем сразу после свадьбы, нас ждала его мама, то есть моя свекровь. Но свекровь побывала недельку и уехала к себе в Подмосковье, ведь она ещё работала в совхозе, а мой муж работал и учился в институте.

Вот я и хозяйничала; и печь истопить, и плитку, и в магазин сходить, и дитё купать, и стирать. Хорошо хоть водопроводная вода была в доме, но слив на зиму был отключён, так что вёдра с водой сразу после родов пришлось поносить. Хорошо хоть плита долго держала тепло за счёт щитка.

Первое время, бывало, малышка расплачется ночью. Возьму её на руки, качаю с закрытыми глазами, сидя на диване, и часто ловила себя на мысли, что ведь могу уронить.

Из Сестрорецка приехала детский врач, в нашей маленькой комнатке (5 кв./м) всё было в порядке. А в феврале муж привёз талончик в институт им. Турнера (ортопедический) и я с малышкой на руках отправилась на приём к врачу. Появилась надежда, что Алёнка встанет на ножки...

Со всеми этими заботами, радостями и страхами я совсем забыла про себя. И вдруг, 8 марта, тогда это был ещё рабочий день, ко мне приехал брат Саша и предложил мне сходить в местную баню. А он посидит с малышкой...

Господи, для меня это был большой подарок. Ведь косы у меня были ниже пояса и тяжёлые. Обе банщицы встретили меня радушно, ведь местные в основном знают своих поселковых. Узнав, что после родов я не была в настоящей бане, принесли мне керосина, помогли втереть в поверхность головы. Я плотно покрыла голову косынкой минут на десять – пятнадцать, а потом тщательно промыла волосы, и немного отжав их полотенцем, легко расчесала. Волосы, и так чёрные, приобрели блеск. Здесь же эти замечательные банщицы научили меня, как свести с лица послеродовые пятна. На кончик своей косы накапать грудного молока и массажировать. И, правда, моё лицо быстро приобрело прежний ровный смуглый цвет.

Банщицы пожурили меня за то, что я раньше не пришла, ведь они бы обязательно понянчились с малышкой. Потом я так и делала. Общение с такими людьми всегда пополняло мой сундучок житейских знаний.

А в конце марта приехала нас навестить моя мама. Она попросила меня показать, где я сушу бельё малышки. Я поднялась с ней на чердак. Пелёнки и распашонки на утреннем морозце были хрустящими. Но ей показалось, что бельё не очень белоснежное, хотя я всё кипятила. И стирала я по совету врачей хозяйственным мылом. Но мать сказала, что стиральным порошком будет лучше. И я, глупая, послушалась. У Алёнки началась аллергия!

Прожили мы в этом доме до середины сентября. Алёнке исполнилось 9 месяцев, когда мы получили кооперативную квартиру в Сестрорецке. На первом этаже и с балконом. В ванной я могла стирать, а на балконе сушить. Эта ванна вполне годилась для Алёнкиных водных процедур.

Была чудесная осень 1965 года.

Создавая семью, думаешь, что это навсегда.

Вот и пришло время шагать. Первое слово, которое сказала Алёнка, было: – «Дай».

Конечно, к году мы пользовались уже не одним словом и улыбались, и удивлялись всему новому и необычному. Она очень радовалась новым детским книжкам с прекрасными, добрыми иллюстрациями.

По нашей лестнице жила Татьяна Андреевна Аранович, в их семье было двое сыновей. Один из них учился уже в институте. Встретив меня с коляской около парадной она спросила:

– Ну как, Лидочка, справляешься?

– Да, вроде всё хорошо, но иногда так хочется выспаться.

А она мне ответила:

– Пройдут годы, и ты будешь вспоминать это время, как самое красивое, самое тёплое, самое волшебное.

ИСТОПНИЦА В ЦЕХЕ ОЗЕЛЕНЕНИЯ ЗАВОДА им. ВОСКОВА С декабря 1965 по март 1966 года

Приближалась Алёнкина годовщина. А это значит, что мне надо было срочно искать работу. В наше время было так; если не прерываешь рабочий стаж, то за больничный лист по уходу за ребёнком и, мало ли, если сам заболеешь, заработная плата будет выплачена – 100%

Приступить к работе надо было не позднее 15 декабря. Муж в это время уже вернулся с атомного реактора в свой ВНИИ, но работал пока лаборантом, так как до окончания института оставалось ещё не менее трёх лет. Поэтому жить надо было крайне аккуратно, так как оклад у лаборанта составлял от 85 до 90 рублей. Исходя из этой суммы, надо было суметь заплатить ежемесячный взнос за кооперативную квартиру, дать мужу на дорогу и обеды, а остальное распределить так чтоб хватило на питание дома, учитывая дополнительное питание для ребёнка. Но я знала, что это временно. На три рубля можно было купить продуктов, чтобы приготовить из них на один день первое, второе и третье.

В первых числах декабря случайная встреча с Володей Кулешовым разрешила проблему. В это время он уже был начальником цеха озеленения при заводе им.Воскова.

Каждое утро, пока малышка спала, я бегала в молочный магазин, который открывался с 8 утра. Я прибегала немножко пораньше. Подбегая к магазину, увидела Володю. Он выходил из белоостровского автобуса и торопился на работу. В Белоострове мы жили на одной улице, и наши родители уважительно общались между собой.

Я здесь же сказала ему, что ищущую ночную работу, так как малышку по состоянию здоровья не возьмут в ясельки, а жить без заработка становилось всё сложнее и сложнее. Володя предложил прийти для оформления в отдел кадров хоть сегодня, на должность истопницы в двух теплицах, работать каждую ночь, оклад 85 рублей. В этот момент я стала самой счастливой и бежала домой по замёрзшему озеру, сокращая путь.

Слава Богу, что я жила с Алёнкой по строгому режиму. Она привыкла ложиться и засыпать в одно и то же время, так как купание перед тихим часом и сном способствовало этому.

Поэтому без пяти минут девять часов вечера я подносила Алёнку к окну, мы махали ручкой всем тётям и дядям, ребяткам, кискам, собачкам, курочкам, птичкам – всем говорили: – «Дидидяня» и я укладывала её в кровать, поцеловав перед сном. Она устраивалась на бочок, закрывала глазки и засыпала моментально. А я, погасив свет в комнате и услышав ровное сопение,

тихонько выскальзывала из комнаты, отключала звонок при помощи рубильника и, одеваясь на ходу, бежала в теплицы. Подготовив растопку и разложив её по печкам, снова бежала домой, чтобы убедиться, что муж приехал из института, а убедившись, бежала обратно. А потом уже спокойно делала своё дело.

Пока печи топились, я готовила растопку для следующего дня. Расщепляла поленья на лучины, складывала в определённых местах.

Я никогда не печалилась и всегда знала, что сейчас надо жить так, а потом будет легче.

Я возвращалась домой часов в 5 утра или чуть позже. Сама по себе я была худенькой, одетой в спортивный костюм и папаху (кубаночку), подаренную мне отцом. Принимая меня за подростка, иногда спрашивали закурить. Люди уже шли на первую электричку. Прибегая домой, я готовила мужу завтрак, провожала его на работу.

А у меня оставался час с небольшим, чтобы лечь в кровать и раствориться во сне..

Тогда, в напряжённой, молодой ещё жизни, я умела жить без будильника.

А потом снова целый день с Алёнкой по часам. И я не уставала, потому что Алёнка каждый день чём-нибудь удивляла меня.

* * *

А в феврале 1967 года меня срочно госпитализировали в больницу им. Ф.Дзержинского на Васильевском острове. Там уже тогда были инкубаторы для недоношенных детей, сроком беременности от пяти месяцев.

Дежурный врач объяснил мужу: «Будем спасать маму...», но в этот раз всё обошлось. Вернувшись домой из больницы, и взяв Алёнку из санатория, где она пребывала во время моей госпитализации, я до самого декрета работала на дому.

В июне 1967 года я родила вторую дочь – Анюту.

* * *

Я обожала своих девчонок. Мне с ними было тепло и уютно. Анюта была для меня подарком судьбы. Между кормлениями она спала, я ставила коляску на балкон.

Когда выпал снег, я одевала ей шубку, в которой зашила подол и рукава. В коляску подкладывала тёплое одеяло, на ножки надевала шерстяные носочки, а на головку вязаную шапочку. Сверху накрывала лёгким одеялом и ставила коляску около приоткрытого балконного окна. Недаром у Анюты навсегда осталась привычка спать с открытой форточкой.

У нас была уже двухкомнатная квартира, основное время девочки проводили вместе, но во время дневного сна Алёнка оставалась в своей кроватке в маленькой комнатке, а Анютка – то около открытой балконной двери, то на балконе в коляске, а на ночь устраивалась в своей кроватке.

Весной 1968 года мне часто писала свекровь и просила приехать к ней с девочками. И мы поехали. Ехать надо было до Москвы, а дальше до Николо-Урюпина. Свекровь встретила нас в своём домике, но сказала, что хоть и обещала не ходить на работу, пока мы у неё гостим, но директор совхоза просил её работу не оставлять. Конечно, одной с двумя девочками было напряжённо, но спокойно и свободно.

Из всей этой поездки остались в памяти два момента:

Анютке очень нравилось бегать по дорожке около дома, а по бокам неё желтели солнышки одуванчиков. Она остановилась около жёлтого цветочка и стала что-то рассматривать, удивляясь чему-то. А это оказалась пчела, которая, конечно, ужалила её.

Мы с бабулей замерли, а Анюта насупилась и бегом на веранду, уселась на сундучок и засо-

пела. Бабуля – Анна Фёдоровна – сумела извлечь жало пчелы, обняла малышку, а она не произнесла ни звука. Слава Богу, отёк потихоньку спал и всё обошлось.

Алёнке тогда было 3,5 года. Трудно было уследить за девочками, потому что не было забора, а в конце любимой Анютиной дорожки слева был колодец. Он был открыт и по уровню от земли доступен девочкам.

Хоть я и держала их в поле зрения, поддерживая внимание разговорами с ними, но, бывает всякое. Я развешивала детское постиранное бельишко, вдруг взглянула в сторону колодца и... обомлела... Алёнка, опираясь руками в края колодца, подтянулась, ноги уже не касались земли... Я с воплем упала на землю. Алёнка вздрогнула и отскочила от колодца. Кто бы знал, как это было страшно. У меня внутри всё дрожало. А она подбежала ко мне, погладила меня по голове и спросила: «Мамочка, тебе больно?...». Я схватила её, крепко прижала к себе и почти шёпотом умоляюще простонала: «Больше никогда так не делай, пожалуйста».

Вернулись домой в конце августа. Муж уехал в командировку. Он уже получил диплом и был направлен в Германию. Перед нашим отъездом он заезжал к нам на несколько часов, но был так окрылён своими событиями, что даже не заметил, что я срезала свои длинные косы.

РАЙЗДРАВОТДЕЛ

Машинистка.

В Р О Н О дали направления – Анюте – в ясельки в посёлке Разлив, а Алёнке – в детский садик, который находился на Федотовской дорожке между Разливом и Тарховкой. Автобусом мы подъезжали к Разливу к Анютиному садику, потом с Алёнкой шли вдоль железной дороги по Федотовской дорожке в её садик, а потом уже и я по этой же дорожке шла до Тарховского Военного санатория, где начала работать.

Мне очень понравились условия работы в санатории. Санаторий имел своё небольшое натуральное хозяйство. В обедах использовали свою свинину. В санатории была замечательная художественная самодеятельность, для которой можно было уделить время из рабочего и обеденного. Так же был хор. Но работать мне пришлось здесь недолго.

6 ноября 1968 года в предпраздничный день (муж был в командировке) я, приведя девочек домой, вспомнила о том, что на следующий день специализированные магазины, в том числе и молочный, будут закрыты. Я напоила девочек компотом, проверила, чтобы в комнате были игрушки только без острых углов. Поговорила с девочками, что я сейчас принесу молочка, сливочек и сырков, приду быстро. Всё это путешествие занимало минут двадцать. Девочки сказали мне, что всё будет «хо..ё..сё» и я побежала.

Когда я прибежала обратно, то не поверила своим глазам... Весь пол большой комнаты был усыпан крупами, сахарным песком, солью, мукой – всеми моими запасами из хозяйственного стола шкафа – пенала. Я в замешательстве, в одежде и с авоськами прислонилась к стенке и сползла по ней. Я понимала, что они маленькие – Анюте – 1 год и 4 месяца, а Алёнке 3 года 10 месяцев, конечно, не отшлёпаешь, но и ещё понимала, что всё что рассыпано по всему полу, не соберёшь.

Из глаз моих невольно потекли слёзы. А доченьки подбежали ко мне, пытались меня поднять и взволнованно приговаривали – «Мамоцка, ма..ма, пости, мы хотели свалить кассу-лялям, мамоцка, не паць».

Я обняла их и тихо сказала: – «Что же вы наделали... Нам теперь и самим не из чего сварить

кашу. Они погрузтели и присмирели. Я понимала, что времени до закрытия магазина остаётся немного, а крупу уже не спасёшь, я тихонько встала и сказала им, что они поступили плохо и за это придётся постоять в углу. Постоять, это условно, так как в двух углах комнаты было по стулу.

Я уже давно поняла, что устоять на одном месте дети физически не могут даже десяти минут и кричать на них бесполезно, потому что они боятся крика и перестают понимать, о чём это и за что. Девочки с понурыми головами пошли к своим стульчикам и сидели тихо. А я принесла ведро и, заметая на совок лихо перемешанные крупы, соль и песок, сверху щедро засыпанные мукой, сложила в него все наши стратегические запасы.

«Ну, а теперь вы поняли, что у нас не из чего сварить ни кашу, ни супчик». «Да», тихо ответили девочки. «Ладно, выходите из угла и усаживайте своих кукол за их столики, а мне сейчас опять придётся ещё раз сбегать в магазин, а то его сейчас закроют. «Хоёсё, мамочка, мы будем хоёсими девоцьками», – сообщили они мне. А что делать, и я на свой страх и риск полетела в магазин.

Прибегаю обратно, открываю дверь и вижу своих «хоёсеньких девоцек» с сосредоточенными лицами на концертном рояле. Он стоял около книжного шкафа.

Алёнка тянулась к столетнику, который я специально поставила на шкаф, чтоб его не достали девочки, так как он колючий. А Анютка сидела на рояле на корточках и уже держала два самых жирных листа от столетника. «Господи, взмолилась я. А сейчас-то вы что делаете? – «А мы хотели его потлогать». «Да как же вы забирались? А слезать-то как будете?». Я сняла их с рояля, приговаривая: «Вот тебе и хоёосенькие». А девчонки, понурив головы, сами побрели к своим стульчикам, сели и заревели: «Пости нас, мамочка, мы босе не будем». Я сняла бедный столетник – алоэ со шкафа, поставила его на колени и попросила девочек подойти ко мне и сесть рядышком около меня. Давайте, я расскажу вам об этом растении. Девочки вспорхнули со своих стульев и сели около меня. Я попросила Анюту дать мне эти два толстеньких листочка, которые так и остались у неё в зажатой ручонке.

Я рассказала им, как этот замечательный листочек может полечить и человека и животных. «Если снять с толстого листочка кожицу и опустить без кожи в широкий бокал и добавить туда мёд, то этим составом можно заживлять ранки». И ещё много нового узнали девочки в этот вечер. Я поставила цветок на окно.

«Ой, я знаю, знаю, – заволновалась Алёнка, – ему надо попить», – и потянулась за леечкой. «Нет, нет его нельзя часто поливать, то он заболит и погибнет. Земельку надо проверять пальчиком. Если она уже влажная и земелька на пальчике чёрная, то поливать нельзя. А потом пальчик надо обязательно помыть под краном водичкой, а лучше вымыть сразу обе ручки с вашим мылом.

А теперь поговорим о рояле. Я открыла им большую крышку и показала то место, где живут такие крючочки, которые как бы дёргают за клавишу, на которую мы нажимаем и появляется звук – «Вы видите, здесь живут звуки. А вы вдвоём забрались сюда. А если бы крышка не держала и лопнула, и вы бы провалились к этим крючочкам, крышка нечаянно зажала бы вам ножки. Вам было бы очень больно. А я бы вызвала специальных дядей. Что б помочь вытащить ваши ножки. А рояль бы сломался навсегда, потому что у нас нету денежек на его ремонт».

«Мамочка, мозно поигать?» – «Ну, давайте, только аккуратнее».

с трудом выговорила Анюта... «А потом мы пойдём в ванную и спать в свои кровати».

«А сказку?», – наперебой зашумели они.

«Конечно, конечно, я расскажу или сказку, или какую-нибудь историю».

А где-то через две недели Алёнка снова заболела, теперь уже был коклюш. Кажется, помог только вываренный инжир в молоке – на один стакан молока 2 инжира. И на маленьком огне томить не менее часа.

Всё это было в течение месяца. Я разделила девочек по комнатам, Анюту водила в ясельки. Наконец, я вышла на работу и была очень рада тому, что Анюта не заболела. Но, не тут-то было. Через день у Анюты поднялась огромная температура, и у неё начался коклюш. После Анютиного выздоровления, а это ещё через месяц, я пришла на работу с медицинской справкой от детского врача и больничным листом, а так же и с заявлением об увольнении. Я понимала, что такой работник никому не нужен. Сразу же оставив заявление, покинула санаторий, ещё не осознав, что я буду делать. Неожиданно подвернулся случай устроиться на работу машинисткой. Но в конце марта моя Алёна снова заболела. У Алёнки – двусторонняя очаговая пневмония. Я была поражена тому, что заболевание это подкралось без всяких признаков – ни кашля, ни чихания, ни сопливого носа, ни высокой температуры.

Прошло больше месяца, а Алёнка не поправлялась. Врач сказала, чтобы укрепить её иммунитет придётся сделать полное переливание крови. Она опять лежала в больнице, в отдельном боксе с самостоятельным выходом на улицу.

Я пришла к лечащему врачу и подала ей заявление в письменном виде; я просила выписать Алёнку из больницы и дать нам направление в больницу такого городка или города, где климатические условия будут способствовать её выздоровлению. Я возьму с собой и Анютку, и если мои материальные возможности закончатся, а выздоровление потребует более длительного присутствия в тех краях, то устроюсь на временную работу.

Нам дали направление в Белгород-Днестровский. Но мы туда не попали.

Я сдала квартиру двум бабулям, которые дали мне деньги вперёд, и я отправилась со своими девочками в неизведанные для нас места в поисках их выздоровления.

* * *

Я бы сказала, что сам Бог помогал нам в пути. Рядом оказались женщины, которые посоветовали мне остановиться в Бендерах, а там автобусом до села МЕРЕНЕШТЫ.

Они рассказали, что в этом селении есть канал, где можно купаться, а жизнь там намного экономнее. Наше путешествие оказалось сказочным.

В каких только историях мы не побывали, но, слава Богу, все закончились хорошо.

Хочется сказать, что люди у нас замечательные, особенно, если ты по отношению к ним честен.

Сначала мы попали в семью яркой цыганки, муж у неё молдаванин, дом настоящий – не мазанка. Потом, в связи с колоссальным наводнением, попали в семью чисто молдавскую – это была семья сестры бывшего хозяина. Вода остановилась около их дома в ИРКАЕШТАХ. А через три недели, как только вода ушла, как я и обещала, ушла из этого замечательного, гостеприимного дома. И мы оказались в БЕНДЕРАХ.

Хозяйка – белоруска, хозяин – молдаванин, вот и получилась ПРАСКОВЬЯ ПЕРЖУ – замечательная женщина. Без пафоса – люди от земли жили как одна семья. Вместе пережили наводнение, вместе преодолевали последствия. И прежде всего все уделяют большое внимание детям.

Я лично из этой поездки приобрела очень глубокие уроки жизни, уроки выживания в экстремальных ситуациях. Ко многим житейским вопросам стала относиться терпимее.

В это лето по инициативе и под руководством тёти Паши я наварила по десятилитровой банке в плетёнках варенья и вишнёвого, и виноградного. и джема из 25 килограммов жерделей (ранний сорт абрикосов). К концу варки, когда масса поменяла цвет и перестала «плеваться», заложила туда: 0,5 кг масла, 5 кг сахарного песка и один пакетик ванили. Сама приготовила и заложила баклажанную икру, предварительно обжигая баклажаны на кирпичках, а затем прокрутила их на мясорубке вместе с чесноком, а потом, разложив по баночкам с винтовыми крышками, полила сверху подсолнечным маслом.

Из житейских рассказов тёти Паши я узнала азбуку нашей жизни. Этими рассказами она как бы предостерегала меня от ошибок, научила быть мудрее и терпимее.

На вокзале провожали нас более десяти человек; поезд тронулся, девочки уже махали в окно. А проводник принёс нам канистру, полную виноградного вина. «Это велено передать Вам, – сказал он передавая мне канистру, – чтобы помнили БЕНДЕРЫ». Я смущённо поблагодарила его.

Утро 8 августа в Ленинграде запомнилось резким контрастом. В нашем городе оно было прохладным и даже зябким, было всего 8 градусов. После сладких молдавских помидор наши казались кислыми, и я первое время проделывала в помидорках углубление и засыпала сахарным песком. Постояв немного, они становились сладкими.

Ехала домой я уже с твёрдым решением – уволиться из райздрава и срочно перейти на такую работу, чтобы для укрепления здоровья дети смогли бы не посещать садик хотя бы год. Вернувшись, я снова пошла в райком партии попросить помощи в решении этого вопроса.

Разговорились с инструктором и я созналась в своей мечте. Я сказала, что уже не первый год занимаюсь заочно на подготовительных курсах института. А в этот раз решила: как только оформлюсь на работу, чтоб год поддержать детей в домашнем режиме, так сразу же подам заявление на подготовительные курсы ЛГУ на юридический или психологию. И мне предложили поработать у них в райкоме партии уборщицей первого этажа. И я согласилась. Во-первых, это близко от дома, а круглосуточный дежурный откроет дверь в любое удобное для меня время.

Конечно, у нас с девочками был железный режим: и массажи, и прогулки, и просматривание и чтение книг, и, конечно, аккуратное питание.

Карандаши и бумага-ватман были всегда на виду. Иногда на большом формате бумаги, на полу мы делали коллективные рисунки. Я спиала девочкам кассы азбучные и цифровые с большими карманчиками и яркими буквами и соответственно цифрами на них. А на тумбочке в картонных коробочках лежали картонные квадратики с изображением с одной стороны буквы, с другой – картинка овоща, фрукта или животного, но начинающегося с той буквы, которая на обороте. А что касается цифр – с одной стороны картонки написано число, с другой – соответствующее количество палочек.

Каждый вечер девочки укладывали спать маленькие буквы и цифры к своим мамам в большие карманчики кассы. А утром перекладывали их в коробочки, в их детский буквенный садик. При этом каждое слово произносилось чётко, особенно выделялась первая буква.

В середине декабря, то есть 14 числа 1969 года, когда Алёнке исполнилось 5 лет, бабуля-Аня с дядей-Колей из Москвы прислали денег для того, чтобы я купила Алёнке подарок. И я купила большого жёлтого МИШКУ. Какое счастье было у Алёнки, она дала поиграть его и Анюте. Но когда Анюта поняла, что этот МИШКА будет спать с Алёнкой, потому что это её подарок, она тихонько заплакала.

Я не выдержала и сказала девочкам, что пойду, поищу его братика, пока не закрыли магазин.

Предупредила, чтобы они ждали меня дружно. А сама зашла к соседке, заняла у неё денег и купила МИШКУ-братика, только немного другого окраса, но с таким же чёрным носом. В этот вечер эти дети были самые счастливые. Ещё несколько лет своего безмятежного детства они спали с этими МИШКАМИ.

На работу я убежала в шесть утра, предварительно приготовив мужу завтрак.

После уборки я заглядывала в молочный магазин, который работал с 8-ми утра. Перед сном, послушав какую-нибудь историю или сказку, они засыпали, а я уходила в другую комнату и занималась, выполняя все задания, полученные на подготовительных заочных курсах ЛГУ.

К этому времени, начиная с 4-го класса, я уже собрала порядочную библиотеку. Готовясь к экзаменам, я увлекалась этим процессом. Одна из стен большой комнаты была увешена классиками нашей литературы, а другая – князьями и царями дореволюционного периода. Конечно, под каждым представителем – даты жизни и деятельности, а также названия литературных произведений. Девочкам больше всего нравился Лев Толстой, наверное, из-за большой бороды.

Прошёл целый год, дети окрепли. Мне пришло приглашение на вступительные экзамены. Вот здесь и встал вопрос – с кем оставлять детей на время посещения консультаций и экзаменов. А потом можно было бы перевестись на заочное отделение.

Муж обещал помочь мне в этом вопросе, так как я все годы, пока он учился, помогала ему во всём, даже дипломную работу изложила ему на ста пятидесяти страницах каллиграфическим подчерком. Но что подделаешь, моя доброта и открытость меня подвели. Нечаянно я узнала у секретаря, что он по вполне понятным причинам для них – сотрудников – просится в командировку совершенно для него необязательную, то есть в совхоз на поля. Секретарь была опытная и немолодая женщина, и она сказала мне: «Лида, мне жаль, но придётся сказать, что совсем скоро тебе придётся семейные дела решать одной». Я ответила, что я и так уже всё понимаю, но ведь это только на вступительные экзамены. «А вообще, Вы правы, спасибо за предупреждение, я всё решу одна, мне не впервой». Я не стала напоминать ему лишний раз. Достаточно было одного ранее сказанного. Я взяла с собой характеристику с места работы – тогда это было необходимо – захватила с собой девочек и пошла сдавать документы в Педагогическое училище на заочное отделение.

Сдав экзамены и получив приказ о зачислении, я снова пошла в райком партии, чтоб уволиться с должности уборщицы, так как сразу решила работать воспитателем. Чтобы на месте проходить практику. Мне посоветовали обратиться к заведующей одной из детских садов. Я так и сделала. До этого наш бюджет был невелик. Да и на прежней работе я получала только полставки. И придя в детский сад для собеседования с заведующей Ниной Владимировной, хлопнулась в голодный обморок. Я одна знала, что это от постоянного недоедания, и до сих пор помню аромат обеденного детского супа, который заполнил, кажется, всё пространство.

* * *

Лена уже понемногу читала новые книжечки, прекрасно иллюстрированные. Рисовали они обе в любое свободное время и, как я уже говорила, бумага, карандаши, мелки были всегда в доступном месте. Всегда в определённом месте были скакалки и мячи разных размеров. А для игрушек был предоставлен целый встроенный шкаф, на каждой полке свои темы. Было всё, даже железная дорога на батарейках, за движением которой наблюдали, устроившись на полу.

В большой комнате у нас стоял чёрный концертный рояль. Это подарок соседей из нашего дома, которые уезжали отсюда навсегда. Конечно, время от времени девочки подходили к роялю и просили разрешения потрогать клавиши, издать волшебные звуки. В их жизни всё

только начиналось.

Муж ещё не ушёл из семьи. В выходные дни бывал дома, иногда пытался подключиться к занятиям с детьми. Но что-то изменилось в его отношении к нам. Это я поняла уже потом, а пока, я вовремя готовила, в строго определённый час были поданы завтрак, обед, полдник и ужин. Старалась быть аккуратной и экономной. Душевных отношений с мужем уже не было, зато дети радовали и удивляли.

* * *

Летом 1970 года мы остались дома и в выходные дни обязательно уходили в лесочек. Сначала, чтобы сэкономить силы, садились в Сестрорецке в автобус и ехали до 40-го, а то и 41-го километра, обратно немного сворачивали в лесок и шли вдоль дороги. Собирали мы не только ягоды и грибы, а также подбирали замысловатые маленькие коряги, интересные ветки. Угадывали названия растений. У небольшой лужицы рассматривали маленьких лягушат. Распевали нехитрые песенки.

Осенью собирали шишечки от чёрной ольхи, жёлуди, каштаны, шишки от ёлок и сосен. А дома в дождливую погоду устраивались делать поделки. Часто приготовив тесто из 1 кг муки и 1 кг соли лепили человечков, животных или что позволит фантазия. Потом изделия долго сушили, покрывали краской, а затем лаком. Собирали листочки от деревьев, кустарников. Создавали гербарии из полевых и садовых цветов, а потом угадывали от какого дерева или кустарника тот или иной листок. Угадывали названия того или другого цветка. В это лето Анюте было уже 3 годика, а Алёнке – 5 лет и 6 месяцев.

* * *

В выходные дни и после тихого часа мы часто ездили гулять в Белоостров.

Сначала мы поехали автобусом до 39-го километра, потом пошли через висячий мостик через реку Сестру. Для меня это было очень не просто. Девочки давали мне свои ручки, становились серьёзными и тихо переходили через мостик. Шагнув на берег, мы немного отходили от воды и усаживались на подброшенное мною одеялко, чтобы тихо посидеть и посмотреть на воду. Поговорить о том, кто в ней живёт; и не только о рыбах, но и о раках, которые прячутся под камнями – большими валунами и о жучках-плавунах и о водяных блошках. Мы замечали красивых бабочек, которые усаживались на яркие цветы, а также толстых шмелей и пчёл. Потом угощались бутербродами, компотом и отдохнувшие вставали. Шагая по тропинке, мы попадали в садоводство. А из него прямо по этой же неасфальтированной, но хорошо утрамбованной дороге выходили на Сестрорецкое шоссе, которое являлось естественным продолжением этой дороги. А там в доме № 14 жили бабушка и дедушка, тёти и дяди моих девочек. Проходя по садоводству, мы встречали и привязанных для прогулки козочек, около которых можно было посидеть на корточках, попробовать говорить на их языке; на больших коров и теляток или остановившись около невысокого редкого забора поглазеть на хвастуна – петуха, который взлетев на какой-нибудь небольшой садовый столик или лавочку, или просто забор, и громко захлопав крыльями, во всё горло празднует свою победу.

Побыв немного в гостях, чтобы не отвлекать взрослых от дел, мы ехали домой автобусом, благо остановка рядом.

В тот раз мы уже были около остановки. Из Сестрорецка пришёл автобус, высадил людей и пошёл на кольцо, чтобы вернуться и захватить нас. Анютка в трусиках, футболочке и легкой панамочке присела на корточки и что-то рассматривала в траве. Я окликнула её: «Анюта, автобус сейчас вернётся, иди скорее». «Сецас, сецас», и как-то быстро замахала ручонками, как

будто поправляла футболочку.

Но вот автобус подошёл и Анюта мигом забралась на первое сиденье, а мы с Алёнкой сели сзади за ней. И тут я обратила внимание, что перед закрывающейся дверью автобуса, с нижней ступеньки соскочила лягушка. Двери закрылись. Автобус тронулся, а наша Анюта завопила: «Мама – лягушка убежала...Мама – лягушка!». Пассажиры удивлялись, крутили головами.

Я присела около Анюты и сказала ей тихо: «Мама-лягушка боится ездить в автобусе Она поскакала искать своих деток». «Нет, нет, они здесь!», – и она оттопырила футболочку у шеи. «Боже мой, маме-лягушке придётся самой прискакать за детьми в Сестрорецк. Мы их выпустим в травку около нашего окна, у нас же первый этаж. А мама-лягушка к ним прискачет», – уговаривала я Анюту. Когда же мы приехали и надо было выпускать лягушат, мы с Алёнкой замерли, так как из-под Анютиной футболки стали выскакивать лягушата и их было очень много. Мы посадили их в банку, а потом полили травку около нашего окна и во влажную траву выпустили бедняг на свободу. Анюта очень любила животных, птиц, бабочек, а также всё живое.

* * *

Начался сентябрь 1971 года. Лена уже неплохо читала. Мы с ней понемногу начали писать. Она начала писать левой рукой. А я, возможно, была не права, предложила ей перейти на правую руку, ещё значительно раньше, когда она начала рисовать, она начинала рисовать с левой руки и обязательно помогала правой. При письме я водила её рукой не более 10 минут.

В детском саду Лене предложили заниматься в студии «Солнышко»; сначала для участия в хоре, а потом, узнав о том, что у нас есть рояль, предложили заниматься на инструменте. Занятия были бесплатные. Если Алёнка в очередной раз простужалась или на дворе стояла очень плохая погода, а она ещё слабенькая, преподаватели приходили к нам домой – Людмила Всеволодовна Корлас (где-то сейчас в Магадане), Светлана Борисовна Литовко (сейчас в Израиле). Школа была совсем близко около дома. Какие замечательные светлые женщины были у нас, их знали многие сестроречане. Между нами завязалась хорошая дружба.

Анюту тогда было 4 года и 3 месяца – для занятий она была ещё мала.

Я два раза попробовала сходить на Алёнины занятия вместе с Анюткой. Оба раза оказались тщетными. У Анюты ещё не выработалось концентрированное внимание. Сказывалась разница в возрасте. Приходилось оставлять Анютку дома. Хоть школа была видна в окно, она очень горевала, иногда плакала. В ту пору у нас была кошка, и как только Анютка начинала плакать, то здесь же прибежала Мурка утешать её своим мурчанием и попыткой слизать Анюткины слёзы.

А однажды, придя с очередного занятия с Алёнкой, я обратила внимание на Анютину кофточку, которая лежала не на своём месте. Я попыталась взять её в руки, но она оказалась вся в мелких колючих иголочках. Я спрашиваю; «Анюта, что же это с твоей кофточкой, почему она такая колючая?». Анютка насупилась. Я присела около неё и заглянула в её глазки, а они выражали такое несчастье. Всклипывая, она стала тихонько рассказывать: «Я хотела вылезти в окно за вами. А на меня всё время смотрел этот кактус. Я решила надеть на него кофточку, чтобы он не видел что я делаю плохо. А вы уже пришли. Вот». «Ну, что поделать, кофточку придётся выбросить в ведёрко. Эти иголочки уже никогда не достать. А ты, Анюта, не горюй. Вырастешь побольше и будешь заниматься как Алёнка. Потерпи немного».

Иногда приходилось оставлять девочек одних, когда на работе не было замены.

Однажды мне пришлось оставить их на три с половиной часа, чтобы подменить мою сменщицу, так как ей было необходимо со своим ребёнком пойти на приём к врачу. Я оставила

девочкам и бумагу-ватман, и шашки, готовые к началу игры. Печатными буквами была написана тема рисования и нарисованы часы с циферблатом, где отмечено стрелочками, во сколько точно начнётся игра в шашки, а на других часах отмечено, во сколько идти на кухню пить киселёк.

А Лена всё равно бежала за мной до двери и умоляла меня остаться с ними дома, говорила что работать не надо. Я пыталась ей объяснить: «что денюжек не будет, если я не буду работать». А она, оставшись уже за дверью, плакала и говорила: «Ну и пусть бы у нас только хлебушек был или сухарики, а ты, ты, мамочка, была бы с нами всегда. Нам плохо без тебя, плохо». Я остановилась на площадке и сказала уже из-за двери: «Простите, вы меня, мои хорошие. Но как жить без денюжек, как?».

Когда я вернулась, девочки бежали навстречу мне со своими листочками, ведь для каждой из них на отдельном листочке были нарисованы и написаны большими печатными буквами предложенные мною задания на время моего отсутствия. Конечно, мы сразу устроились на диване и стали обсуждать результаты. Например, предложена игра в шашки, на листе для этого изображено два циферблата, на одном есть стрелки и они указывают время для начала игры. А второй циферблат без стрелочек. Стрелки дорисуют девочки по окончанию игры. Здесь я стрелочек не увидела. Спрашиваю: «В чём дело? Что случилось?». «Мы поссорились, а потом помирились и забыли дорисовать стрелочки, потому что вспомнили про киселёк на кухне. Видишь, здесь мы нарисовали стрелочки?». «Ну, ладно, молодцы, что помирились», – сказала я, обнимая своих девочек.

В этот последний не учебный для Алёнки год я успела сходить с ними на балет «Бахчисарайский фонтан» в Мариинский театр. Девочки были в восторге.

Невероятная, одурманивающая красота внутри здания поразила их воображение. Хорошо, что мы пришли с ними пораньше. С блестящими глазами они крутили головами во все стороны, ахали, охали. Этот недостижимый потолок, огромнейшая люстра, а ярусы... А когда мы услышали и увидели начало балета, девочки замерли. Они были в восторге. В дороге они были молчаливы от переполнявшего их впечатления. А когда приехали домой, то обожали повторять танцы Заремы и Марии. Они переодевались в мои платья и устраивали балет на дому и не только на полу, но и на своих кроватях.

* * *

Пройдут ещё несколько лет, и каждая из них встретит свою первую весну. Наступали 90-е годы, и судьбы девочек оказались сложными. Но самое главное, что вынесли они из своего детства это то, что на земле никто никому не обязан. И, пожалуй, судьба твоя обойдётся с тобой помягче, если ты будешь внимателен к окружающим тебя людям.

Я намеренно вернулась в своё прошлое и в детство моих детей, чтобы потом, прочитывая это повествование, взглянуть со стороны на наш жизненный путь, на всё, что было с нами, увидеть свежим взглядом всё ранее пережитое и дойти до определённой ТОЧКИ ОТСЧЁТА.

Дальше я решила продолжить отслеживание вибрации только Лениного жизненного пути, так как Аня ни от кого не ждала помощи, она выбрала свой путь и шла по нему сложно, но самостоятельно.

У Лены не хватило духа идти по этой жизни самостоятельно. Она поверила, в убеждения «специалиста», что её ребёнок в чужих руках получит роскошную жизнь и прекрасное образование, тем более за границей. Она думала и искренне верила в то, что она хочет ребёнку счастья и делает всё ради своей любви к дочери. Но душа её сопротивлялась и разрывалась. Она

осознала это значительно позже, т.е. когда оказалась в СПЕЦБОЛЬНИЦЕ со своей душой, затерянной в лабиринтах жизни.

СУДЬБА ЗАТЕРЯННОЙ ДУШИ

И так, пока я писала, вспоминая свои житейские истории, где просматриваются поступки мои и моих детей, я вновь ищу причину Лениной беды.

Однажды она привела свою малышку в садик, помогла ей раздеться, погладила её по головке и сказала: «Прости меня, доченька» – чмокнула в щёчку и больше не вернулась...

СТРАНИЧКА ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ
ПОЭТЫ-ВETERАНЫ

ВАЛЕРИЙ САМУСЕНКО

ГОРОД МОЙ.

«Пой гармоника вьюге назло...»

Сестрорецк. Люблю тебя, не я ли? –
Кто бы знал, как я тебя люблю,
И чтоб все, чтоб все об этом знали –
О тебе, мой Сестрорецк, пою!

Тебя не раз прославили поэты –
Стихами, песней, музыкой живет!
Их слагают зори и рассветы,
А шторм в «Дубках», как Штоколов поет.

Люблю глядеть на зарево заката,
Когда Солнцу встать уже невмочь,
А купола вечернего Кронштадта
Ласкает нежно северная ночь.

Свет зари, когда уже неброский,
День устал, все смолкло, наконец!
Над Дамбой Месяц выйдет на подмостки
Воспевать мой город, Сестрорецк.

А в лучах вечернего заката,
Там, где Дамбы тянется рука,
Сестрорецк обнимется с Кронштадтом,
По воде рассыпав жемчуга.

Пусть на край земли судьба забросит,
Увезут в другой ее конец,
Но «Дубки» как только тронет осень,
Я примчусь к тебе, мой Сестрорецк!!

Город мой, люблю тебя, не я ли!
Кто бы знал, как я тебя люблю,
И чтоб все, чтоб все об этом знали –
О тебе, мой Сестрорецк, пою!!

Где-то слышно в землянке прокуренной
Про «Печурку» играет гармонь,
Про войну, как она бедокурила,
Сея смерть, вместо хлеба, и боль.

И не знаем, ещё будет сколько
Издеваться над нами война!
Где-то в «Братской» лежит друг мой, Колька,
А его так невеста ждала.

Эх, война: – Глупость ты несусветная!
Понаделала вдов, да сирот,
Как земля только терпишь ты бедная –
Больно видеть, как гибнет народ.

Одна радость – «В печурке огонь»
Заиграет в землянке гармошка,
Как во сне я под эту гармонь
О войне забываю немножко.

Только вот не «с поленьев» слеза,
А из глаз вдруг покатится градом,
Слышу павших я тех голоса,
Умирающих под Сталинградом!

Пой, гармоника, – милая пой!
«Про печурку, огонь на поленьях»!
Мне б сейчас на минутку домой
Подержать свою дочь на коленях.

На войне ох, как жизнь дорога! –
В двадцать пять умирать не охота,
Но до смерти «четыре шага»,
А чтоб выжить, и верстам нет счета...

МЕЧТА

Замечтаюсь, загорюсь,
Загрущу по дому,
Не в деревню я умчусь –
В прошлое – к бывшему!

Нет там, знаю, «бандюков»,
Нет там пальцев «веером».
Уважают стариков.
Тропка вьется клевером.

А вода какая там! – Пей с ладони смело!
По родным пройдишь местам, Ну, святое дело!

Вдоволь тишины напьюсь.
Обновлюсь весь как бы,
Деревушке поклонюсь,
Пожурю ухабы...

Пожурю маленечко –
Ведь родные все же,
Уж такое времечко,
Осуждать негоже.

Да и, что мне их журить –
Ухабы, как ухабы!
Что тут могут сотворить
Старики, да бабы!

Может в том ты и ценно,
Если честно скажем,
Что такая ты одно – Захолустие наше.

К черту все! – Умчусь, умчусь! –
Душа отдых просит.
Тебе в пояс поклонюсь. Золотая осень.

ДАВАЙ ВСПОМНИМ, МОЙ ДРУГ!

Сколько было друзей, сколько было знакомых
В нашей жизни – такой непростой!
А теперь ни друзей, ни рублей на иконы,
Глядя, молимся, просим –
«Не спеши, ну постой...»

Много было друзей, а подруг было сколько!
Растеряли мы их, растеряли мой друг,
Вспоминая, до слёз нам становится горько,
И что нет их уже, вдруг охватит испуг.

А как будто вчера мы влюблялись, страдали.
Расставались и вновь находили других.
Молодыми мы были, но того мы не знали,
Что хранить и беречь надо смолоду их!

Мы, теперь неспеша, потихоньку уходим,
Улетаем назад, как на юг журавли.
И в раздумьях своих тихой улочкой бродим,
Вспоминая ушедшие годы свои.

По опавшей листве, даже в час непогоды,
Ходим, глядя в раздумьях в пустующий сад.
А ведь эта листва, как и прошлые годы,
Что уже никогда не вернутся назад.

Крутим памяти кадры, но обманывать время
Понапрасну хотим мы, понапрасну, мой брат!
Мы другие уже, мы ушедшего племя
Стал теперь Петербургом родной Ленинград.

Даже зимы другими – слишком вялыми стали,
Да и нас уж не тянет на большие дела,
Видно тоже с годами мы немного устали,
А силёнка, как помнишь, когда-то была.

Было всё, было всё, было много друзей!
В нашей памяти их не забыть, не стереть.
Лишь осталось налить чарку нам пополей
И поднять за себя и за всех журавлей.

ТАТЬЯНА ТРУБНИКОВА

В СЕСТРОРЕЦКЕ ЖИВЁМ

Мы – Курортный район.

В Сестрорецке живём, как в курорте.
Мы гуляем, мы дышим, мы песни поём
О заливе, Разливе, о каждом посёлке.
Именуем дома, в которых живём.

Посёлки у нас все историей дышат,
И в каждом из них её берегут.
Воспоминанья историики пишут.
Дети в семьи заходят, беседы ведут.

Здесь культура живёт. Народ отдыхает.
Искусство и спорт всем силы дают.
Зрелость и юность часто рядом шагают
Кино и концерты к себе нас зовут.

Хорошеет наш город: цветы и фонтаны.
Умные гномы детишек влекут.
Старый завод хоть одним ветераном
Напоминает, как важен был труд.

НАСЛЕДСТВО

Посвящается памяти родителей

У войны не женское лицо.
Я лицо отца не помню с детства.

Уходя, взглянул он на крыльцо...

Этот ВЗГЛЯД и ЖИЗНЬ
Оставил мне в наследство.

ВОЙНУ НЕ ЗАБЫТЬ

По самой кромке залива
Автобус туристов везёт.
Туристы с Алтая, Урала,
Сибири и прочий народ.

По-разному выглядят люди:
Седые, усталость на лицах.
В глазах печаль и раздумье,
И лишь молодежь веселится.

Беззаботно, легко молодым,
Природа красивая вновь.
И только им, ветеранам одним,
Всё видится кровь да кровь.

Над ними всё пули летят,
Снарядов, шрапнелей вой.
Им кажется: вновь солдат
Встаёт на врага стеной.

Они не считали тех, кто погиб,
В мёрзлую землю зарыт.
Знают, что каждый к Победе шаг
Священной кровью обмыт.

В Карелии всюду родная земля,
В ней тысячи спят сыновей.
А сколько безвестных в могилах солдат,
Разбитых сердец матерей!?

Не счесть здесь могил, плит и холмов.
Весной зеленеет земля,
Лелеет покой и сон бойцов,
Не грянула б больше война!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Издревле люди воевали -
от греков, римлян до славян.
Чужие земли забирали:
такой обычай им был дан.
Завоевать весь мир пытался
один какой-нибудь маньяк.
В конечном счёте, обсчитался:
на деле вышло всё не так.
И эти страшные громилы
в веках злодейство пронесли:
Разруху, смерти и болезни
в обмен на золото Земли.
А чем кончалось всё на Свете?
Гибли сами оттого,
Что из громадного богатства
с собой не взяли ничего.
Битвы все именовали,
чтоб легче вспомнить те года
- На Калке, Куликовом поле, при Ватерлоо
- где? когда?
Потом австрийцы спохватились:
мала родная им земля.
Танки, пушки появились -
и стала Мировой война.
Им первой показалось мало,
решили снова повторить,
И во второй Войне Великой -
Земли народы уморить.
Постепенно всех втянули:
Север, Запад и Восток,
Европу, Азию, Аляску,
чтоб никто вздохнуть не мог.
И задымили всюду трубы
в немецких страшных лагерях,
Горели пленные и дети -
славяне и евреи враз.
Людей казнили в Бабьем Яре
при живых их матерях,
Чужие люди укрывали тех,
кого Бог спас.
Когда до нас дошла волна
фашистских зверств и преступлений,

Народ стеной единой встал,
и каждый командарм был гений.
Гибли воины в боях,
но не бежали, отступая.
За справедливость на века
сражалась Родина родная.
Мы знали: «Будет враг разбит!»
Домой бойцы с фронтов писали.
Отечественной и Великой
войну в России величали.
Никто из тех, кто в битве пал,
забытым никогда не будет.
«Бессмертный полк» В России встал.
Его Отчизна помнить будет!

АННА МОТИНА

ВОЙНА

* * *

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим.
Это нужно не мертвым,
Это нужно живым.

Прошло 70 лет со дня Победы,
Но пепел погибших в годы войны
И сегодня стучит в наших сердцах.

Ведь до сих пор на нашем теле
Мы носим раны от войны.
Ах, если б раны не болели,
И страшные б не снились сны!

Но даже время здесь бессильно
Избавить нас от этих мук,
Поэтому нам нужен сильный,
Надежный, крепкий, верный друг.

Хочу кричать я громко-громко,
Чтоб вся услышала страна,
Чтоб наши помнили потомки:
Нам больше не нужна война.

Запомните, дорогие друзья,
Мы вместе всю горькую чашу
Выпили до дна.
У нас теперь на этом свете
Судьба одна и цель одна-
Сохранить мир на Земле.

Не забыть нам 41-й год,
Как страдал и умирал наш народ.
Я тогда военная была
И считалась – медицинская сестра.

С поля боя выносила раненых солдат.
Крик и стоны людские
до сих пор в ушах звучат.

Порою снится страх той войны,
Прошедшие ночи и дни.
Порой казалось, это ад –
горит земля и небо,

И конца не было видно.
Летели бомбы с неба на землю,

Истерзанную, окровавленную
советскую землю.

И до сих пор не знает покоя
землюшка милая,
Ждёт землюшка наших добрых рук,
а их не хватает.

И не хватает нашей доброты
и мудрости человеческой.

И по сей день
летят на землю бомбы и снаряды.

Кто же скажет правду нашему народу
о войнах,

Которые до сих пор терзают народ и землю?
Ведь стонет земля от невинной крови
Солдатской и народной...

Когда это кончится, этот страх,
дорогие мои!?

СЕСТРОРЕЦКИЕ ДУБКИ

Мне снятся дубы- великаны,
Наш парк сестрорецкий Дубки,
Как будто сам Петр Великий
Сюда приглашает придти!
Мне снится: встаю я с постели,
По городу ночью иду,
Но путь тот в дубовую рощу
Всю ночь я никак не найду!
А утром иду я с улыбкой
В наш парк сестрорецкий Дубки,
Ведь Петр Великий нам, люди,
Сюда завещает придти!
И в парк горожане приходят,
Весь год сюда люди идут –
Отраду они здесь находят,
Спокойствие, отдых, уют!
Всем в парке легко и свободно,
Чудесный здесь воздух всегда,
Шумят под ветрами деревья,
Заложен наш парк на века!
Люблю я наш город прекрасны
Наш парк сестрорецкий Дубки -
И пусть всегда будет счастливо
Нам жить здесь и детям расти!

СЕСТРОРЕЦКИЙ ХРАМ

Петра и Павла храм золотоглавый
Всея Руси Кириллом патриархом освящён,
Ты морякам, погибшим за Отчизну
В войну в пучине моря, посвящён!
Над озером стоишь ты величавый,
Под солнцем ярким светел и красив,
В миру - хранитель веры христианской,
Ты людям возрожден и будешь вечно жив!
К тебе идут с мольбою и надеждой,
Иконам молятся твоим святым -
Ты веру в Бога людям возрождаешь,
Здоровым помогаешь и больным!
С тобой от Рождества Христова
годы исчисляем,
В душе мы со священной верою живём,
За все грехи свои прощенья просим

И чуда исцеления смиренно
мы от Бога ждём!
В святые праздники
твой колокольный звон чудесный
Плывет над городом и слышен всем окрест –
Живёт в сердцах людей святая вера в Бога
И главный символ веры – Божий крест!

ОЖИДАНИЕ

К памятнику «Жене моряка»

Уходят в море от причала корабли
И сквозь туман идут в морскую даль,
След на воде от них теряется в дали,-
Родные моряки, как мне вас жаль!

Мне грустно дома быть одной
Хочу я в море чайкой быть с тобой,
Считаю дни, когда вернёшься ты домой,-
Тебя я встречу на причале, мой родной!

Идут по курсу в море корабли
И днём и ночью по крутым волнам,
А берег где-то прячется вдали
И только звёзды ярко светят морякам!

Мне грустно дома в час ночной,
Хочу я в море чайкой быть с тобой,
Считаю дни, когда вернёшься ты домой,-
Тебя я встречу на причале, мой родной!

Не верю я – моряк лишь в море дома
И лишь в гостях моряк на берегу,-
Моряк с любимой счастлив только дома-
Я верю, жду и наше счастье сберегу!

Любовь и счастье обязательно придет
К тем, кто всегда надеялся и ждал,-
Ведь моряки – они особенный народ,
Вернутся все домой на свой причал!

К тем, кто всегда надеялся и ждал,
Домой вернутся моряки на свой причал!

МАРИНА ПИМЕНОВА

ДЕБЮТ рассказ

История, о которой мне хочется рассказать, произошла в Сестрорецке в июне 2005 года и оставила яркий след в моей памяти.

Некоторое время я работала художником в здании, имеющем название «Аллигатор» и принадлежащем сестрорецкому парку «Дубки». Центр досуга парка базировался в этом же помещении. Работали в нём две милые, полные энтузиазма девушки – Таня и Лена. Моё пристрастие к литературе нашло отклик у молодых инициативных сотрудниц, и ещё в мае, совместно обсудив план работы, мы решили провести в начале июня литературное мероприятие, приурочив его ко дню рождения Александра Сергеевича Пушкина. Назвали его «Пушкинские чтения». «Вечер» этот, конечно, планировался днём в выходной и подразумевал не только воспоминания о поэте, но и знакомство слушателей с современными течениями и поэтическими школами. Выступление ныне здравствующих пишущих людей, как связь поколений, должно было стать дыханьем свежего ветра, вернуть то живое общение со словом, которое было так популярно ещё в середине прошлого века. Одним из энтузиастов такого рода творческих встреч в Санкт-Петербурге был Владимир Морозов, руководитель литературного клуба «Принестье» при Союзе писателей России. Он имел большой опыт подобных выступлений и, конечно же, акцент хотелось сделать на его литературном клубе. Тем более, что для Сестрорецка это было в новинку. Посоветовавшись, мы решили, что и сестрорецкчане с радостью поучаствуют в концерте.

Местная пресса поместила объявление по поводу готовящегося мероприятия. Это дало свой результат. В Курортном районе проживало немало интересных людей и, конечно, они откликнулись на призыв выступить перед земляками.

В маленькой комнатке штаба подготовки была постоянная суета. Девочки работали ещё над несколькими программами. Мне же поручили отслеживать приходящих и звонящих литераторов. В один из таких майских дней на пороге появился невысокого роста седой человек в очках с сильно увеличивающими линзами, от чего взгляд его казался ещё более пронзительным. Немного волнуясь, но достаточно напористо он стал говорить, о том, что Пушкин – тема всей его жизни. С детства собирал он информацию о жизни и творчестве поэта и, конечно же, нет ни в Сестрорецке, ни даже в Петербурге человека, знающего материал о нём столь глубоко.

– Я знаю такие подробности! – несколько раз повторял незнакомец, и слёзы наворачивались на его огромные в линзах глаза. – Зал будет рыдать!

– Я один могу говорить о Пушкине три часа.

Он явно намекнул, что соперников ему не надо. И то, что я ограничила его выступление не более двадцатью минутами, его, несомненно, расстроило.

В суете звонков и параллельных разговоров посетитель как-то исчез, не оставив даже свои

координаты, что заставило поволноваться, ведь его включили в список выступающих.

Оставалась надежда, что он всё-таки появится в положенное время. Но главное – суть его выступления – оставалась до конца не ясна.

Однако, он пришёл в положенное время с папочкой в руках и с нескрываемым волнением сел в первый ряд зала, нервно постукивая пальцами по картонной поверхности своих шпаргалок.

Выступления проходили в большом помещении, назначение которого варьировалось от спортивного до культурного. Там проводились и спартакиады, и игровые программы. Сейчас зал был почти полностью заставлен длинными рядами сцепленных кресел, а высокая сцена со скрипящим деревянным полом грозно возвышалась над ними.

Морозовское «Приневье» приехало в большом составе, прибыли и члены Шестаковского ЛИТО, что сильно порадовало, потому, что стало понятно – вечер будет по-настоящему интересным. Появился и Михаил Балашов, который, как мне казалось, был всегда самодостаточен, и впоследствии стал для сестрорецкой литературной среды значимой фигурой. Из местных было больше слушателей, чем выступающих. Но для поэта слушатель – главный человек. Слушатель, как правило, благодарен, часто доброжелателен. Он – тот, для кого все муки творчества облекаются в поэтические строки, тот, чьи глаза встречаются с твоими и в них ты видишь все свои взлёты и промахи. Но чаще всего, они, все-таки, выражают поддержку.

После нескольких вступительных речей от организаторов мероприятия и моей речи, в том числе, стало понятно, что пора выпускать нашего пушкиноведа. Ведь по сценарным законам он должен был своим пламенным рассказом открыть окно в литературную стихию.

У моей мамы была поговорка-совет, который я вспоминаю теперь каждый раз, когда начинаю что-то значительное – «Не готовь к приходу гостей непроверенное блюдо».

Именно такое блюдо нам и пришлось испробовать в случае с нашим героем.

Человек зачастую ждёт от себя большего. И не он, а его мнение о себе готовит ему самому различного рода сюрпризы.

Есть ещё и фобии. Одна из них – страх перед аудиторией, чаще всего мы этого не знаем, до того момента, пока не придётся увидеть перед собой зал. Я сама не раз испытывала похожее чувство, когда юпитеры, направленные на тебя, слепят, а перед тобой огромная чёрная яма. Для того, кто не родился с даром лицедея, нужна долгая подготовка к публичным выступлениям. Никакие знания не спасают, когда остаёшься один на один с залом.

То, что произошло с неопытным лектором, стоит того, чтобы об этом рассказать...

Бедняга изрядно побледнев, поднялся со своего места и, не разбирая дороги, не понимая где ступени наверх, побрёл на сцену, как на эшафот. Первое впечатление меня сильно насторожило, но делать было уже нечего, и мы рассчитывали на чудо. Пушкинолюб вышел на середину сцены и стал нервно оглядываться по сторонам, будто ища кого-то: суфлёра или опору для своего тела. Ноги его даже под брюками выбивали чечётку. Далее он повернулся спиной к залу.

– К нам, сюда, мы здесь!!! Послышались доброжелательные возгласы. Люди были настроены на позитив.

Развернувшись ещё на сто восемьдесят градусов, несчастный лектор поднял глаза к небу, т.е. к потолку и застыл, онемев, как статуя в греческом пантеоне подняв руку к невидимому солнцу. Далее он издал несколько звуков, Из них мы поняли слово ПУ-ПУ...

– Пушкин! – ещё более радостно загудели собравшиеся внизу поэты.

– Пушкин, – промолвил страдалец, – Написал стихотворение...

Я вас любил... — он вытер с лица не то пот, не то слёзы и умолк.

Пауза столь затянулась, что многие было подумали о том, что чтец сам глубоко переживает произнесённые строки, но в критический момент гробовую тишину нарушил шёпот из зала.

— Любовь ещё быть может...

— В моей душе угасла не совсем... — красивым голосом прогремела Людмила Гарни.

Подсказки не спасали стоящего на сцене, казалось, он разучился не только говорить, но даже слышать.

— Но пусть она Вас больше не тревожит... — продолжили из другого конца темноты.

Я не хочу!!! — взмолился слабым голосом чтец.

— Печалить Вас ничем... — Зал уже скандировал хором.

Наверно это продолжалось бы бесконечно. Лимит двадцати минут был исчерпан.

Понимая, что цирк затягивается, Таня с Леной пробирались на сцену со стороны кулис. И выйдя, как заговорщики, сзади, они взяли под руки стоявшую в оцепенении фигуру.

Зрители разразились аплодисментами, переходящими в овацию. На согнутых ногах не понимая, куда его ведут, но под грохот оваций наш лектор спустился, вернее его спустили вниз.

Такое начало только взбудрило приехавших в гости поэтов. Уж они-то видели на своём веку всякое. Выступления в Союзе часто принимали различные обороты, часто были наполнены юмором, даже когда дело касалось критики.

Настроение уже было приподнято, рутина смята. Выступающие взлетали на сцену, читали вдохновенно. Морозовцы дружно поддерживали друг друга. Владимир Морозов сказал в своей речи, наверно всё то, что пытался сказать незадачливый лектор, и всё встало на свои места. В конце микрофон отдали бардам.

«Пушкинские чтения» прошли на ура. После весёлые и «раскочегаренные» поэты по традиции не могли расстаться. Все пошли в парк «Дубки». Там по главной аллее поэты шли как «цыгане дружною толпой...», опять вспомнился Пушкин.

Как-то незаметно исчез наш пушкиноведа. Наверно, он очень расстроился. Мне было по-человечески жаль его. Хотелось сказать какие-то слова, но он исчез по-английски. Так или иначе, но я его больше не видела.

Михаил Балашов тоже как всегда торопился куда-то. Тогда же я узнала, что он часто бывает в Сестрорецке. Постояв с ним несколько минут, я на прощание сказала ему, зная его способность к организаторству:

— Миша, возьми в свои руки эту идею. Пусть «Пушкинские чтения» станут ежегодными. Мне же предстояла большая работа как художнику-оформителю в подготовке санатория «Детские дюны» к столетнему юбилею.

Слава Богу, он меня услышал. Сейчас Михаил Балашов — руководитель сестрорецкого литературного клуба «Лукоморье». «Пушкинские чтения» стали неотъемлемой частью и гордостью этого клуба. Тем более, что благодаря Михаилу в этот день теперь вспоминают всех литераторов, родившихся в начале июня (среди них Виктор Конецкий, Олег Тарутини и некоторые члены нашего ЛИТО).

поэтический клуб
«ЛУКОМОРЬЕ»
при библиотеке им. М. Зощенко

МИХАИЛ БАЛАШОВ

БАНЯ В СЕСТРОРЕЦКЕ

А. БОЛБАТУ

О ГОРОДЕ ЛЮБИМОМ ГОВОРИМ...

СТАНЦИЯ СЕСТРОРЕЦК

Течет вода по мелям, по камням.
 Текут недели, месяцы, столетья.
 Мир огибает временем меня.
 А время речку подгоняет плетью.

Вода и время – трепетный дуэт.
 Смотрю на волны дней и рябь мгновений.
 Живой магнит скользящих мимо лет.
 Поток забытых было воскрешений.

Не утомит привычная вода.
 Не надоест знакомое течение.
 И тянутся, как строчки. Поезда.
 Со свистом, как столетья...

и мгновенья.

РЕЧКА ШИПУЧКА

Полынь, крапива, ласточки, стрижи.
 Камыш, березы, спящие бомжи.
 Плотина, берег, поезд по мосту.
 Рассвет, надежда, тяга ко Христу.

Ночь деликатно тает в тишине.
 Осока, ивы кланяются мне.
 Я благодарно это утро пью.
 И возвращаю душу им свою.

Уходит недельная тяжесть.
 Размякла, размокла душа.
 - Ты здорово веники вяжешь, -
 Течет разговор не спеша.
 О спорте, политике, пиве.
 - Мишаня, два ковшичка кинь?
 - Вода потеплела в Разливе.
 - На солнышке – просто теплынь.
 - Эй, кто там у каменки: хватит!
 - Какое там «хватит»? Еще! –
 Потом о погоде, зарплате.
 - Сегодня аж свод освещен.
 - Да-да. Натопили серьезно.
 - Не сауна, черт побери.
 - Нет веников лучше березы.
 Спасибо, уважил, старик. –
 Душа в вожденной свободе.
 И нет больше суетных слов.
 Недельная тяжесть уходит.
 Мне тоже пора, будь здоров.

* * *

Родное северное солнце из-за тучи
 Простёрло в душу деликатный тёплый лучик.
 Там задержалось, согреваясь, согревая.
 Погожий день наверняка здесь не наскучит.
 В сравненье с югом
 каждый градус тут покруче.
 В душе всё время ощущаешь близость края.

У ОЗЕРА РАЗЛИВ

Туман промочил порыжелую тропку.
Листва под ногой не шуршит как вчера.
Заря – с горизонта, а на сердце знобко.

Но странно-уютно – наверно не зря –
И сердце стучит в приобщении робком:
По-ра-не-пора...
– восемь-тридцать утра.

«А НАШЕ СЕВЕРНОЕ ЛЕТО...»

Бреду по берегу залива.
И благодать со всех сторон.
Шуршанье, запах, щебет, звон.
За что же я такой счастливый?

Вокруг и, главное, внутри
Всё переполнено до края.
Запоминай, вдыхай, смотри –
Моя вселенная живая.

Боюсь гармонию прервать
Неосторожным жестом, вдохом.
Уже не будет больше плохо.
Но за такую благодать

Всегда немножечко тревожно...
Весну глотает жадный лес
В своей... размеренности сложной
«Зелёной фабрики чудес» –

Пример, успеть в предел короткий,
Забыв прожекты, миражи,
Свою «Программу» совершить –
Чуть назидательная нотка...

Тростник в песке скрывает след.
Хрустят дома из перламутра.
Дню эстафету дарит утро.
А впереди – опять рассвет.

СЕСТРОРЕЧАНИН

Серьёзный, ранец за плечами,
И шаг уверенный, мужской.
Рот обозначен обручами
Упрямых губ. Своей рукой

Отмашку делает он, словно,
И дед военный, и отец.
Всех привлекает поголовно
Своею выправкой юнец...

Окончит школу, выйдет в люди,
И что же будет с ним потом?..
А что при нём с землёю будет?..
Но ранец скрылся за мостом.

ЭЛЕКТРИЧКА

Берег Сестрорецкого Курорта.
Меж стволов чугунная аорта
Блещет, как залив, на ржавом фоне
Сосен вековых.
В пустом вагоне

Притвориться чрезвычайно просто,
Что необитаем этот остров.
И летит из прошлого столетья
Поезд под инерционной плетью

Выстраданным временем маршрутом,
Словно где-то развернувшись круто,
Потеряв возможность торможенья,
В позапрошлый век стремится движенье.

Воздухом сосновым просмолён
Шпал в лесу прижившихся бетон –
Неуместен, чужд наверняка,
Но его пока шатают века.

Километры трепетно пророчат
Близость доказательства воочию
Замкнутости всех витков спирали –
В завтра возвращусь теперь едва ли.

НАВАЖДЕНИЕ

Всё это было. Было. Но давно.
Мы здесь купались...
Даже как-то странно.
Как не со мной...
Забывтое кино:
Ты. Без купальника...
Глядишь с экрана...

Вся жизнь – другая. Всё совсем не так...
И вдруг реальность словно бы застыла.
Совпал виток. Случайно или как?..
Так это было?.. Было?..
Было...
Было.

ДАНКО

Ольге Григорьевне Растворовой

Искренние пламенные строки –
Мудрости на тысячи страниц.
У Поэта путь всегда короткий,
Чтоб Потом продлиться без границ.

Юная душа не постарела,
Оставаясь юной до конца.
Сердце не устало, а сторело,
Осветив оставшимся сердца.

СОЛДАТКА

Сколько помню себя, в этом месте
Всё бесплодно рябина стоит –
Будто прошлого давнего вестник,
Будто горького горя магнит.

Мир покинул последний сородич...
Стужа зимняя боль не сластит.
Не становится ягодой горечь...
И роса по утрам не блестит.

В СЕСТРОРЕЦКЕ

В замёрзших пальцах карандаш.
Деревья инеем покрыты –
Не очень мартовский пейзаж...
Пернатых стайка полусытых...

Бумага девственно бела,
Хрустит листочек от мороза –
Собака уши подняла.
Стихи голодной псине – проза.

Вот зашуршал бы колбасой...
«А нам бы крошек», – вторят птицы.
Дворняга, ластится лисой...
А где доверия границы?..

Молчит премудрая сосна...
Морозы нарушают сроки –
Ждёт снисходительно весна,
В мои заглядывая строки.

* * *

Вадиму Барашкову

Передо мной разорванный листок.
Обрывки фраз лежат немым укором.
Не прячу глаз, вину зажав в комок...
Она отпустит, видимо, не скоро.

На полуслове брошена строка,
Не совместить края разъятых литер –
Печали сыть на долгие века.
Всё понимает рядом влажный Питер.

Угасла пруть разорванной души
Блуждающей по лоскуткам бывшего.

Не вырубить из листика ни слова –
Не тороплюсь, куда теперь спешить.

НИНА ХРАМЦОВА

ВЕСНА

Рассыпав по звонкому небу
Мартовские солнечные лучи,
Весна, беспощадная к снегу,
Прозрачно-талые катит ручьи

Переливаясь жемчугом с горок,
Щедра весна на веселье для глаз.
Несколько медовых искорок,
Она резвясь, припасла и для нас.

Нет особых причин для радости,
Но уходят вдаль на задний план,
Болезни и прочие гадости:
Козни, злодейства и прочий обман.

Вместе с весной в природе
Просыпается что-то во мне,
В уме фантазии разные бродят
И снится твой милый образ во сне.

От границ голубой Вселенной
До глубоких тайников души,
Спаси свой разум от иллюзий плена,
Снам этим верить не очень спеши.

ЛЕТО

Босиком по песку,
Подошвы обжигая,
Прогоняя тоску,
Прохладу ожидая.

Вода мне целует,
Обмывает плечи,
Ветерок не дует,
Что-то в ухо шепчет.

Плыву, как умею.
Солнца луч украдкой,
Бросив в воду веер,
Со мной играет в прятки.

Любуюсь мальками,
Снующими заливом.
Сверкают они боками
С серебристым отливом.

Купаться так приятно,
Наслаждаюсь прохладой,
Жаль спешить обратно
По солнцепёку надо.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо хмурится
Моросят проливные дожди
Тихо сердце просит
До весны подожди.

Отдохни, ожидая тепла.
Осенью душа отогреться,
Порадоваться бы смогла,
На плечо твоё опереться.

Меня не на долго согрело
Ласковое бабье лето,
Души струну задело
Прозрачное счастье это.

Перед лютой зимней стужей
Всё озарилось, засияло
Семи цветами радужья,
Покоем тишины усталой.

Воздух хрустально-прозрачен,
Озера ровная гладь.
Миг красоты предназначен.
Безвозвратность бытия понять.

Красные, жёлтые листья
Падают, как по мановенью,
И невозможно остановить
Прекрасное это мгновенье.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Плевался ветер в ноябре,
Целовал груди белых берёз,
Волн Балтийского моря на брег
Слёзы отчаянья принёс.

Ластились к берегу губы
Вздыхались горой над Невой,
Иерихонские трубы
Разбивали гранит мостовой.

...Утро встретило улыбкой,
Ярким солнцем, мёртвой тишиной.
Вместо вчерашней грязи липкой,
Снег повсюду – зверёк пушной.

Ветки клонятся, снегом увитые
Серебрится сказочный лес.
И поля и дороги разбитые
Засверкали под сводом небес

Белым пушистым саваном
Принакрылась нагая земля.
Ещё милее вы стали нам
Потерявшие краски поля.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПУШКИНУ

Я была у Лукоморья,
Там зелёный древний дуб,
На пригорке с ветром споря
Как и прежде, глазу люб.
Здесь когда-то отрок Пушкин
Рифмовал вблизи пруда.
Осыпались с ёлок шишки,
Будоражила вода.

Побелели ветки сада.
Лес лишайником покрыт,
Весь наполнен чудесами:
Не русалка ль там сидит?
Теплотой души хранимый
Дом поэта, как магнит,
Силой творчества незримой,
Внутрь экскурсии манит.
Вдохновение почуяв,
У тропинок и аллей,
Вновь проникнуться хочу я
Глубиной его идей.
Звон Успенского собора
Над могилой словно стон.
Я несущу цветы и снова
Пушкин в сердце воскрешон.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

И вновь весна на белом свете:
Природа от сна просыпается
Сегодня вербное воскресенье,
Лик солнца тебе улыбается.

Это уже было в веках
И каждый год новые всходы:
Земля была не в снегу, в цветах
И бушуют талые воды.

Весной полной грудью дышится.
Дряхлому деду и юноше
Одинаково хочется жить,
И любить и дела свои вершить.

Смотрю на ветку цветущей вербы
Застывшим задумчивым взглядом,
Ах, стать вновь молодой и мне бы,
Всегда бы была с тобою рядом.

Сама себе напророчила
Стихами об одинокой рябине
Пожизненное одиночество,
Бессилие перед судьбиной.

АКВАРЕЛЬ

У воды нет створок...
Вода впитывает ворох
Звуков, градусов, воображений.

Вода – ода отражений,
Воплощающих любую форму.
Я смотрю на платформу

Залива. Влажный глаз дрожит,
Щупает дальний берег,
Мой глаз быстрее воды бежит,

Хватает чувственный пейзаж –
Опилек хаос и мираж...
Глаз-граф и паж.

Око прыгает на форт,
Открывает порт Моне,
Полощет ветер орифламму.

Волна стирает чаек гамму,
И время превращает в плазму
Сиюсекундный разговор.

В стакане – целый океан,
На карте – голубой экран,
Молекулу не вижу –

Оракул молчит: я завишу
От капли воды. Кто-то стучится:
Вода, это ты...?

Я – отмель, жажду жизни
Водой запиваю, карамель растворяю,
Свет потек, тяну носок – про-зре-ва-ю!

Потекли ручейки сами по себе,
Я не следую моде – я иду по воде,
Рас-тво-ри-лась в природе...

НАДЕЖДА ЛЕВСКАЯ

С неба льет... Я макрель...

Я рисую акварель...

Кто-то водит плавником –
Управляет дневником.

ГОЛАЯ ОСЕНЬ

Голые ветви,
скучая по листьям,
чертят линейки
нотным страницам.
Голые пальцы
подняли листок,
с нотного стана
упавший в песок.
Ветер проник
в обнаженную арфу,
пронзил ее тело
таинственным шармом...
Голая осень
дрожью от струн
тихо играет
зимний ноктюрн.

ЖЕНЩИНА РОКОКО

Ах, женщина рококо!
Ты фантастично несерьезна
В роскошном с вытачкой пальто...
И ракушки – твоя находка.

Ты – женщина рококо!
Изысканно и натурально
Плетешь из ракушек манто...
Оно красиво нереально.

Ах, женщина рококо!
Ты удивляешь без предела:
Под грациозное манто
Спирали вечности надела...

Ах, женщина рококо!
 Как женственны твои причуды:
 Непринужденно и легко
 Ты моешь в ракушках посуду.

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

Родившись поздней осенью,
 Чтоб яркой стать, красивой,
 Я в детстве у рябины
 Бусы попросила.

Дала рябина ягод
 Оранжевых и красных...
 Я думала, так просто –
 Сбирать на нитку глянца.

А нитка рвала глянец
 Той ягоды продольно,
 И мне хотелось плакать
 От колкости игольной;

Собрать пыталась бусы,
 Мне ягод было мало,
 И горькую обиду
 Я пальцами сбирала...

Ту нитку сочных ягод
 Недолго я носила,
 И нынче у рябины,
 Вновь бусы попросила.

ПОЛНОЛУНИЕ

Полная луна.
 Скрипка на картечи...
 Сжата до бела
 амальгама речи.
 Я смотрюсь в луну,
 разжимаю плечи...
 И звучит во мне
 вольность лунной речи.

УСЫ

Какие у тебя усы, Буська!
 Столько лет вижу тебя,
 Но таких усов не видывала!
 На тебя так пал свет,
 Что каждый твой ус
 Разбудил во мне вкус...
 Бесконечности;
 Стал необъятно виден и велик,
 Всевидящей волной в меня проник,
 И твои усинки, Буська,
 Рассыпались во мне на бусинки:
 Плетут мудрые паутинки,
 Я смотрю немислимые картинки...
 А ты сидишь, Буся, ждешь мяса,
 Щуришь глазок,
 Сочиняешь за меня стишок...
 Твои усищи – два пучка света,
 Растопырила их, распушила:
 Два павлиньих хвоста –
 Твои уста!
 Все кошки с усами.
 У меня не растут усы.
 Но с твоими, Буся, усами
 Мы тут сами с усами:
 Есть миг. Есть взгляд.
 Ты есть. Я есть. Да, Буся?
 Да, ты же хочешь есть...

ВРЕМЯ

Помню зарождение
 в гуще рая...
 Время – круглое, млечное.
 Не исчезает.
 Время после и до
 в настоящем кружится;
 сочиняет меня,
 нумерует страницы.
 Это я и не я...
 Округляю сомнения.
 Время кружит меня
 и мои дни рождения.

СЕМЁН БОГУСЛАВСКИЙ

Из книги «СУДЬБА И БОЛЬ» 2011 г.

ОДИНОЧЕСТВО

Множество различных Рук знала в своей жизни Дверная Ручка... Были они горячими и холодными, робкими и смелыми, крепкими и слабыми, большими и маленькими. Они хватали Дверную Ручку как свою собственность, и каждый раз она надеялась эта Рука останется с ней навсегда...

Но, увы! – с Дверными Ручками этого никогда еще не случалось.

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Чтобы стать мягкой и податливой, Болванке надо обязательно разогреться... Молоток знал об этом, и, когда она становилась красной, как огонь, он мог превратить ее в лепешку.

ДОРОЖКИ И КОВРЫ

– Странно все же устроен этот мир, – говорила Ковровая Дорожка, глядя снизу вверх на толстый Красный Ковер, распластавшийся по стене, – по мне ходят ногами, меня еще и чаще выбивают, чем его. Ну, разве это справедливо?

Ковер невозмутимо молчал, делая вид, что ничего не слышит. А впрочем, может он и в самом деле ничего не слышал.

Говорят, что даже у стен есть уши, а у Ковров?

ЗАБОТА О БЛИЖНИХ

Занавеси выглядели очень нежными и целомудренными... И все благодаря Шторам! Как только в комнате происходило что-нибудь не то... Шторы немедленно заслоняли своих нежных подруг.

ЛЮСТРА

– Какие мы шикарные и модные, – говорили между собой Плафоны очень красивой Люстры, – Лампочки нам только мешают, вокруг и так светло, а от них нам только жарко.

Лампочки услышали это и перегорели от возмущения. Сразу стало темно, и никому и в голову не приходило любоваться модной Люстрой.

Все только громко спрашивали:

– Где взять Лампочки?

ЗЕРКАЛО

Все женщины очень его любили и быстро разбаловали. Зеркало стало своенравным и легкомысленным. Оно сразу забывало тех, кого не видело, и терпеливо ожидало новых. А новые не заставляли себя долго ждать.

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Телеграфный Столб очень любил свою маленькую кругленькую Лампочку. Он ее просто носил на руках! И только Коварный Ветер не давал покоя их светлой жизни... Он увлекал Лампочку за собой, напевая ей о дальних странах и широких морях. Он был то ласковым и нежным, то резким и порывистым.

Лампочка долго колебалась и, наконец, не выдержав, согласилась... Но полет ее продолжался недолго. Вскоре Ветер утих, и она упала... прямо на панель.

А Столб? Столб крепко стоял на ногах. И вскоре у него появилась Новая Лампочка.

Такая же маленькая и кругленькая!

СЛУЧАЙНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Оконное стекло было очень чистым, хрупким и беззащитным... Оно было всегда на виду, не любило секретов и было неизменно доверчивым. За это все уважали его, относились бережно и осторожно.

И только жестокий мороз не пощадил Оконное Стекло. Он гладил его своими холодными руками и бросал хлопья колючего снега. Стеклу стало очень холодно и страшно, и постепенно оно становилось скрытным и еще более ранимым.

Но однажды Солнечный Луч случайно дотронулся до Оконного Стекла и согрел его. Стекло радостно заблестело и вдруг... расстрогалось до слез. И потом, когда Оконному Стеклу было особенно холодно, оно вспоминало этот Случайный Солнечный Луч, и ему становилось теплее.

КОЛОДЕЦ И ЛУЖА

Колодец был глубоким и чистым. И хотя он чуть виднелся за высокими деревьями и кустами, вода его, прохладная и живительная, была известна во всей округе.

— Не будь меня, о тебе бы никто не вспомнил, неблагодарный, — любила повторять Лужа, расположившись рядом с Колодцем и ярко блестя на солнце.

Это была большая и грязная Лужа.

ОДИН ДЕНЬ

Маленькая яркая Бабочка живет только один день... Только один день!!!

Она даже не знает, много это или мало? Но день этот принадлежит ей безраздельно! Не тяготят ее вчерашние заботы, а завтрашних не будет у нее!!!

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ-ПОТЁМКИН

* * *

* * *

Хотелось рассказать о нежном и высоком,
Хотелось петь, хотелось жить,
Хотелось в синем небе светлооком
Еще одну, одну звезду открыть,
Но мысль уже неслась

как конь неутомонный

В далекий край. Совсем иной предел,
Где свод небес коленопреклоненный
Исполнен ласки и беспечно смел.
Целуя землю-мать в приветливые губы,
Ей улыбается открыто и светло,
Ему поют сверкающие трубы
О том, что было и давно ушло,
Ушло ли насовсем, но как узнать об этом,
Владея тайной, кто ее отдаст,
Кто в этой жизни может стать кометой,
А кто уйдет и сам себя предаст.

* * *

Что на сердце теперь? —
Безмятежность.
Поздно встретились мы. Ну и пусть.
И твоя непокорная нежность,
И моя одинокая грусть.

* * *

Сюда возвращаются птицы
Сквозь бури, пространство и ветер,
Так сердце седое стремится
Вернуться в родные пределы.
Сюда возвращаются птицы,
Чтобы песней своей на рассвете
На теплую землю пролиться
И радостью души наполнить.
Сюда возвращаются птицы,
Весну и любовь возвещая,
И дар бесконечной надежды
Изгнанникам светлого рая.

Любовь хранят как заклинанье,
Как в знойный день воды глоток
И как последнее дыханье
И как загадочный цветок,
Но даже в самом светлом чувстве
Всегда пребудет горький смех.
Любовь — великое искусство,
«Нет» — величайшее из всех.

* * *

Схватить бегущее мгновенье,
Обнять его. Вернуть его.
Продлить счастливое волненье
И мир создать из ничего.
Создать иную бесконечность
Такую, чтобы пела вновь
Струна, натянутая в Вечность
Под нежным именем Любовь.

* * *

Над одиночеством подняться,
Подняться, чтобы навсегда
До глубины вещей добраться
И через долгие года
Идти вперед непринужденно.
Легко и радостно искать.
Любить и верить непреклонно
Отныне, ясно и свободно
Свою мечту осознавать.
Создать себя из ожиданий,
Соткать из света и огня.
И на обломках прошлых знаний,
Потерь, обиды и страданий
Из ничего создать себя.
И в чести находить покой.
всегда беречь любви касанье.
Хранить в себе её дыханье.
Стремиться. Знать. И быть собой.

* * *

Притихни небо,
Полдень рассекая, мой конь летит,
Душа моя поет,
Ее простор и даль своя зовет,
Неведомым и новым увлекая.
На волю света пляски, миражей
К вершине мира,
К царственной природе,
К весне ушедшей и всегда моей,
Назло Богам
К восторгу и свободе.

* * *

Какая ночь,
Какая тайна цвета,
Снегов покровы влажные лежат,
И сосны стали в ряд,
И лунным светом
В бездонном небе кроны их горят.

* * *

Знаешь, там за темным синим морем,
Где сгустился сумрак голубой,
Есть страна без боли, слез и горя.
Хочешь, мы пойдем туда с тобой?

Там чиста душа, как нежный лист в апреле,
Все вокруг охвачено весной,
Там забудешь ты о злых метелях.
Хочешь, мы пойдем туда с тобой?

Звуки струн и тихий шорох ветра,
И никем не тронутый покой,
Там так много птиц и много света.
Хочешь, мы пойдем туда с тобой?

Там не счастье чудес и тайн глубоких,
Там не счастье всех звезд над головой,
Слышишь в сердце зов любви далекий.
Хочешь, мы пойдем туда с тобой?

* * *

В огромном, дивном, чудном мире,
Где тайна кроется во всем
И, где в невидимом эфире
Горят невидимым огнем

Иные бездны мироздания,
Иные лики красоты.
Я подарю тебе дыханье
И песни, что любила ты.

Я подарю тебе всю нежность
Души, отличную от всех,
Покоя тихую безбрежность,
Я подарю тебе свой смех.

* * *

Они бегут по равнине
След в след.
На ушах белый иней.
Снег. Снег.
Режет лапы до крови.
Вдох. Вдох.
Кто отстал по дороге -
Сдох. Сдох.
Их голодные души
Ждут. Ждут.
Их холодные стужи
Жгут. Жрут.
Глотки сохнут и стонут.
Пить. Пить.
Больше волки не могут
Выть. Выть.
Только зубы в надежде -
Щёлк. Щёлк.
Здесь хозяин как прежде -
Волк. Волк.
И бегут по равнине
След в след.
На ушах белый иней.
Снег. Снег.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВА

рассказы-потешки

КОЗЬЯ ДРУЖБА

Появилась в нашем доме коза. Родилась она в мае и имя ей дали - Мая, Маечка. В Разливе в середине 60-х годов уже у многих были козы. Хозяева этих коз работали на заводе, и у них не было времени пасти своих питомцев. И тогда владельцы весёлых парнокопытных договорились взять в наём пастуха, так сказать, всем миром, вкладчину. Им оказался молодой человек, лет семнадцати с нашей улицы.

Довольно большое рогатое стадо пастух встречал у проходной туберкулёзной больницы рано утром. Сюда каждая хозяйка приводила свою козу-озорницу на поводке и сдавала с рук на руки. Пастух объединял их и вёл в тарховский лесопарк на прогулку. Часов в семь вечера хозяева приходили за своими козами. Взяв из дома нарезанные овощи - картошку, брюкву или морковь и, сжимая их в руке, я ждала прихода стада. Первым показывался столб пыли, затем гул и топот. Козы бежали и так радостно, и резво, во-первых, чтоб вдоволь напиться, во-вторых, чтоб отдать молоко, которое так тянет набухшее вымя. Скорей, скорей, домой! В азарте коллективного бега они могли пролететь мимо своих хозяев. Поэтому я стояла ноги «циркулем», руки вперёд для «объятий». Главное успеть остановить козу, взять за ошейник и надеть поводок. Я всегда боялась, что не успею вовремя схватить Майку, и стадо снесёт меня и затопчет. Ведь козы – не коровы, которые идут с пастбища домой самостоятельно, степенно, мыча и позвякивая колокольчиками.

КОЗЬЯ ДРУЖБА 2

Стоял август. Лето заканчивалось, а с ним и козьи прогулки. Дружбу между моей мамой и тётёй Галей заметили и наши козы. Они уединялись, ходили бок о бок, «шептались» рядышком щипали травку. Как всегда я пришла за полчаса до прихода стада. А вот и наши кормилицы бегут. Я смотрю во все глаза и не вижу своей Маечки. Я к пастуху: «Дядя Паша, где моя коза?». Он задумался, а потом отвечает: «Ваша коза и коза ваших друзей ушли от стада инкогнито, ещё днём. Я их проглядел... Они только чувствуют время, сейчас появятся».

Хозяева уводили своих коз домой, оглядываясь по сторонам и на нас... И вот все ушли, а я и тётя Галя стоим, ждём. Куда идти? Где искать?

Для тех, кто не знает - проходная туберкулёзной больницы, где мы встречали наших коз, находилась рядом с платформой Разлив и железной дорогой. Оттуда хорошо был виден поезд. Прошло немного времени, слышим пронзительный и долгий гудок. Мы побежали к рельсам. И что за картина предстала перед нашими глазами. По рельсам медленно, но с достоинством, не обращая внимания ни на грозные гудки, ни на шипение пара приближающегося поезда,

задумчиво жуя травинки, шли две своевольные козы-подружки. В их козких головах не было и тени сомнения, что поезд подождёт, что они главное, и пусть себе идёт следом, как паж за господами. Мы обе рванулись к железной дороге. Поезд тормозил, но скорость мгновенно погасить нельзя, и он долго ещё шёл по инерции. Машинист кидал поленья, уголь, кричал, чертыхался, чтобы напугать животных - ничего не помогало. И только когда они увидели нас, то побежали навстречу, перескочив рельсу. Как только задняя правая нога последней из них покинула шпалы - поезд с рёвом пролетел мимо. Ошеломлённые убитые страхом, мы сели тут же, на насыпь перевести дух. А козы тыкались в нас мордами, лизались, прося вкусненького и ни капли волнения не было в их спокойных глазах.

ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ «МОТОДОР»

В нашем доме всегда любили собак и держали по одной или по две со дня основания дома. Перед Великой Отечественной войной, у деда Андрея (Клевиц Андрея Константиновича) был доберман - коричневый, гладкошёрстный, доброжелательный и спокойный, но очень прыгучий. Из рассказов соседей дед Андрей неожиданно узнаёт, что у его любимой собаки, добропорядочной, чистых кровей, абсолютно домашней, появилось сомнительное увлечение «на стороне».

Андрей Константинович вставал рано и многое успевал сделать до работы: натаскать воды, растопить плиту, накормить собаку и коз, зимой очистить дорожки от снега. Доберман прилежно сидел во дворе, внимательно следя за утренними хлопотами хозяина. Где-то в девятом часу слышались ребячьи голоса на соседней улице. Доберман в один прыжок перемахивает через калитку и ложится поперёк дороги. Видимо, у него ещё с вечера был задуман план перехвата. Вытянув лапы и положив на них голову, пёс смиренно ждал. Голоса приближались. Собачье сердце радостно трепетало от предвкушения долгожданной встречи...

Из-за угла показались школяры, ребята семи - девяти лет, с пухлыми ранцами за плечами и такими же пухлыми щёчками. Сжав лапы «в кулачёк» и собрав всю собачью волю, доберман ждал их, храня дистанцию. Ему так хотелось сорваться, побежать навстречу, кинуться на каждого и ... облизать! И только когда группа ребятишек поравнялась с его калиткой, он дал волю своей нежности.

Школьники, смеясь и подпрыгивая, шли по Разливской набережной. Они любили этот маршрут вдоль берега озера. К тому же он напрямик выводил на родную деревянную школу Первой ступени.

Доберман, обнюхав ранец каждого и найдя то, что искал, валил пацана навзничь, горячо дыша в лицо. При этом он призывно урчал и нервно дёргал хвостиком. Догадливый парнишка доставал из ранца бутерброд с колбасой и делился с собакой. Облизываясь, довольный провернутой операцией и собой доберман провожал детей до переулка. Его долгий взгляд как будто говорил: до завтра, малышня! Пока. Буду ожидать вас с нетерпением!..»

Дед негодовал: как гордый, честолюбивый доберман мог унизиться до «рейдерского захвата».

НАШИ ГОСТИ

АЛЕКСАНДР БЕЛЬЧЕНКО

ОБ АВТОРЕ:

*Сибиряк. Сегодня живёт в Сестрорецке.
Автор двух поэтических книг: «Моросинка» 2013г.
и «Полурассветы» 2014 г. Тонкая и изящная лирика
этих книг не может оставить равнодушными любителей поэзии.*

СЕСТРОРЕЦКИЙ ПАРК «ДУБКИ»

Ветер уснул в парке дубков.
Ночь занавесила зимний отсвет.
Спрятала серый оскал облаков.
Поздний, похоже, будет рассвет.

Тускло глядит желтый фонарь,
Голову низко склонив у дороги.
Лезет за ворот зимняя хмарь.
След оставляют пятнами ноги.

Ветви раскинув, дубы заплелись.
Тайны столетий зарылись под корни.
Старую помнят дворовую жизнь,
А заметет их сегодняшней дворник.

Старый помост, над ручьем пролегая,
Словно хранит подо льдом чей-то след.
Здесь не однажды, веслом рассекая,
Юноша с девушкой плыли в рассвет.

Вот, однорукий, здоров, но трухлявый,
Видевший как-то, случайно, Петра.
Гордый той памятью, рваный, корявый –
Снова мечтает дожить до утра.

Всё засыпает. И, кто бы ты не был,
В парке виденья твои отошли.
Спи, укрываясь мерцающим небом.
Спи, до утра, чтоб тебя не нашли.

ПАМЯТЬ

Земли горелой подавали
Разрывы с Пулковских высот.
Что будет с нами, мы не знали
И шли вперед, вперед, вперед.

Клонили пули и осколки,
Кого на миг иль навсегда.
Призывы хриплы и негромки,
Нас поднимали на врага.

Хватило б сил на смерть подняться,
В прощальном гневе и борьбы.
За то, чтоб выжить, и остаться,
И жить на то, что рождены.

Но вот удар, и ты в полете...
Последний выстрел без тебя.
Но за тебя стреляет кто-то,
В крови промокшая земля...

Я не убит, а просто умер,
Меня нельзя так победить.
В последний миг о тех подумал,
Кого не смог еще родить.

И мать моя, на перекрестке,
У старых скопленных могил,
Слезу утерла ветром хлестким
И опустила без сил.

А сколько нас еще поднимут,
В мешки холщовые сложив.
И скромный обелиск воздвигнут,
Цветы на землю положив.

* * *

По пахучей траве и колючей стерне,
Как и в детстве, босым пробежаться,
Очень хочется мне на родимой земле
Просто так отдохнуть, отлетаться.

Пряный запах травы, полевые цветы
И кузнечик стрекочет под ухом.
Облака в небесах, ореол красоты,
Все пронизано радостным духом.

И поет надо мной наш степной соловей,
Улетая под самое солнце.
Горизонт за рекой, у примятых полей
Всё становится тоньше и тоньше.

Кто мне скажет, как быть,
Как найти туда путь,
Для себя невзначай что-то снова открыть,
В зыбком детстве своем
на мгновенье вернуть.

* * *

Зимний вечер, холодные окна.
Полусумрак от тусклой свечи.
И одежда, что за день промокла,
На веревках висит у печи.

Легкий отблеск светящихся трещин,
Раскаленной и старой плиты.
Темный угол и пуст, и зловещей
От душевной твоей пустоты.

Тишина. Треск сгорающих углей.
Старый плед на уставших плечах.
Цвет лица поседевший и смуглый
В одиноких бессонных ночах.

Дым клонится над старой избушкой,
Еле виден заснеженный след.
Там, в лесу, за рекой на опушке
Ждет кого-то стареющий дед.

* * *

Закипает море пеной.
Дождь неистово стучит.
Только тот, кто это сделал,
Всё молчит, молчит, молчит.

Веет мокрою прохладой.
Над водой туман парит.
Чей-то голос за усладой,
В глубину манит, манит.

Я иду, уже по пояс.
Волны бьют, и я лечу.
То под пеной белой скроюсь,
То песок бьёт по плечу.

Ты молчишь, и в зове этом
Притяжение земли.
Той земли, не раз воспетой,
Утопающей в любви.

* * *

Я к тебе, уходящая женщина,
В твоих снах непременно приду.
Мы с тобой перед Богом обвенчаны,
Не накличь невзначай нам беду.

Излечить можно раны любовные,
Но забыть то, что было, нельзя.
И слова, что случайно обмолвлены,
Мы простить всё не можем, а зря.

Я к тебе обращаюсь, о женщина!
Оглянись и послушай меня,
В этой жизни всё так переменчиво,
Потерять можно просто себя.

Я к тебе подойду, не отталкивай.
И прости, это можно понять.
И пускай будут губы помалкивать,
Можно просто друг друга обнять.

* * *

Не зови меня в прошлые встречи.
Всё прошло, как с рассветом туман.
Да, я помню покатые плечи
И духов твоих мягкий дурман.

Не зови, не зови, я далёко,
Даже если услышу тебя.
Время нас разделило глубоко,
Никого, ничего не щадя.

Не скажу, что тебя вспоминаю.
Но однажды мелькнёт невпопад
Образ твой, что уже забываю,
Но в душе я по-прежнему рад.

И твои сероглазые взгляды,
И походки стремительный взлёт.
Далеко, но по-прежнему рядом,
Твои губы, улыбчивый рот.

Но пускай будет всё, как и прежде,
Если нам эти встречи не жаль.
Унесённые ветром надежды
Возвращают в забытую даль.

* * *

Пусть тебе опять приснится,
И до самого утра
Катит с неба колесница
До знакомого двора.

Речка, лес и перелески.
Поле, с колосом зерно.
И бараки по-советски,
Где и тесно и темно.

Целина. Босые ноги
Не боятся злой стерни.
Пылью взбитые дороги
И учёт на трудодни.
Всё непросто, и оброком
Заберут того, что нет:
Яйца, кур, и масло к сроку,
И пустые щи в обед.

Но зовут меня туда
Речка, реденький лесок
И рыбалка у пруда.
Спелый рыжий колосок.

А в саду, за старым клубом,
Мелкий яблочный ранет.
Да игра по новым срубам,
Где пугач, как пистолет.

ТУРМОТИВ ИЗ ПРОШЛОГО

Хмурится раннее утро.
Низкий накат облаков.
Берег туманится смутно.
Мокрый оскал рюкзаков.

Чья-то штормовка парится,
Чайник накрыв от дождя.
Время приходит проститься,
Лучшей погоды не ждя.

Снова зелёные косы
Старых, промытых берез.
В обуви мокрые росы,
Свежих мозолей нарост.

Скручены мокрые тропы
Плетью корявых корней.
Рядом туристские стопы,
След от прошедших коней.
Вот, наконец, залучился
Солнечный свет из вершин.
К полудню лес, что отмылся,
Листья свои подсушил.

Как-то легко и свободно,
Голову низко склонив,
Слышим желудок голодный –
Трубный, призывный мотив.

Вот, наконец, передышка.
Наш долгожданный привал.
Прыгает весело крышка,
Ох, наедемся в отвал.

* * *

А над речкой, над речкой туманится,
Догорает седой мой закат.
И кукушка всё чаще печалится,
Говорит для меня невпопад.

И кружится листва, облетая,
Шебуршит недовольно слова.
Это осень меня заклинает
И зовёт не на год и не два.

Что мне стоит, едва занавесится
Куст рябины в соседнем саду,
И в багровое листья расцветятся
У реки на ветвях и в бору.

Что мне стоит, как было по-прежнему,
Соберусь в предрассветную рань.
И навстречу туману прибрежному
Протопчу придорожную стлань.

* * *

Старый клён под серебряным инеем
Наклонился и как-то затих.
Не узнать, кто теперь с этим именем,
Если жизнь пролетела как миг.

И рубцы чуть прикрыты корою,
На стволе как на теле глядят.
Никакою водой не отмоют
Заунывные капли дождя.

Стынут корни у самой дороги.
Загазованным дымом пропах.
Убежал, если б были бы ноги,
Затерялся в хороших местах.

Улетели на крыльях куда-то
Семена моих многих детей.
Словно ветер унёс и запрятал
Среди мне незнакомых людей.

Всё проходит, но хочется снова
Распрямиться, листвой шелестя.
И шагнуть, несмотря на оковы
Под веселые песни дождя

* * *

Из багрово-коричневых листьев
С желтовато-зелёной каймой
Выступают в осеннюю пристань
Молодые дубки на покой.

На зеленой траве разрисован
Многоцветный ковёр изразцов.
В тротуарные камни закован,
Как в багетные рамки писцов.

Так размашистой кистью природа,
Пролетая по грешной земле,
Разделяет по времени года,
Отношенье к тебе и себе.

И не важно, что мокро иль стужа,
Обжигает ли солнцем плечо,
Я шагаю по жизненным лужам,
Проявленьям её увлечен.

Но белеют кленовые листья
И спадают, его обнажив.
И дубы в переломе нависнув,
Смотрят грустно на зябкий залив.

НАШИ ГОСТИ

ГАЛИНА ПИЧУРА

ОБ АВТОРЕ:

Родилась и выросла в Ленинграде (Сестрорецке). С 1991 года живет в США. По образованию – библиограф и программист. Публикации ее стихов и прозы можно найти в периодике США и Европы. Автор песенных текстов. В 2006 году вышел в свет ее поэтический сборник «Пространство боли» (издательство «Сударыня», Санкт-Петербург). Победитель международного литературного конкурса, состоявшегося в Самаре (2012), в котором приняли участие авторы из 17 стран мира. Член Объединения Русских Литераторов Америки (ОРЛИТА).

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА

рассказ

Пятилетняя Оля не поздоровалась с пожилым соседом-инвалидом.

– Здравствуй, лапонька! Как твои дела? – спросил он ласково. В ответ ребенок дерзко показал соседу язык и отвернулся.

Мама Оли расстроилась и засмушалась:

– Извините ее, пожалуйста, Андрей Яковлевич, я даже не понимаю, что на нее нашло.

Оле тогда досталось от мамы! Ее лишили вечернего мультика, вкусной конфеты и поцелуя перед сном. Она лежала, надувшись, в своей кроватке и думала о жизни.

«Старые — такие некрасивые! От некоторых еще и пахнет плохо. Как можно наказывать из-за них такую хорошую девочку? Зачем дружить с противными? Вот я им язык и показываю! А пусть не спрашивают про мои дела! Какая им разница?»

А у меня есть красивый бант! А еще есть платье, как у королевы... Я думала, что мама добрая, а она меня даже ни капельки не любит... Когда любят, не наказывают!»

Стало обидно... Казалось, взрослые вот-вот ее пожалеют и придут пожелать спокойной ночи. Но никто не пришел, даже бабушка. Громкие вздохи не помогали.

Она почувствовала себя по-настоящему несчастной и разревелась во весь голос. На плач пришла мама.

Высказав ей свои претензии, Оля растерла слезы по щекам и подытожила:

– Ну, хорошо, язык могу и не показывать. Но все равно со старыми дружить не буду! Твой

дядя Андрей с палкой ходит, как Баба-Яга. Наверное, он – муж Бабы-Яги. А я с такими здороваться должна? Это – нечестно!

Мама присела на край кровати, взяла Олю за руку и тихо спросила:

– Доченька, а разве ты не знаешь, что все люди стареют? Ты же бабушку любишь? А она тоже старенькая.

– Так она же – моя бабушка! Она красивая и родная.

– Так это она для тебя родная, а для чужих детей – нет. Они же ей язык не показывают! А дядя Андрей – никакой не муж Бабы-Яги. Его жена – бабушкина подруга, тетя Аня, очень добрая женщина. У дяди Андрея нога болит, вот он с палочкой и ходит, чтобы не упасть. Понимаешь?

Оля кивнула и осторожно спросила:

– Мама, а это обязательно? Ну, стареть! Не все же станут старыми, правда?

– К сожалению, все, дочка!

Глаза Оли наполнились слезами. Но она сдерживала их, надеясь, что эта мамина правда, возможно, и не правда вовсе, а часть наказания за Олину утреннюю провинность.

А мама решила, что, пожалуй, чересчур оберегала дочь от реалий жизни, а в итоге, та презирует стариков и показывает им язык. Она поняла, что полезней говорить ребенку правду.

– Доченька! Жизнь – прекрасная штука, но она дается людям напрокат, как водный велосипед, а не навсегда. Люди стареют и умирают. Поэтому нужно уважать и жалеть всех: и молодых, и старых. А старых даже больше. Ведь им скоро умирать придется!

Оля надолго замолчала. Ресницы ее подрагивали, дыхание участилось, щеки порозовели...

Мама забеспокоилась, нежно погладила дочку по голове и, наконец, нашла слова утешения:

– Не нужно думать о плохом. Жизнь твоя будет длинной и замечательной. У тебя все впереди! А хочешь, мы завтра пойдем в зоопарк?

– Нет, мама, завтра в садике репетиция к празднику, – ответила девочка и после небольшой паузы взволнованным голосом спросила, – А умирают навсегда-навсегда?

Мама не стала рассказывать пятилетней дочери о возможном бессмертии душ и о реинкарнации... И сложно, и не доказано. Картина мира, в глазах ребенка, должна быть понятной и близкой к реальности. Она где-то читала об этом. Но огорчать и без того расстроенную дочку тоже не хотелось. Поэтому было решено ответить правдиво, но щадяще:

– Люди умирают навсегда, но их дети и внуки рожают потом своих детей и внуков, и так бесконечно... Ты вот похожа на меня и на папу характером и лицом... А потом, когда ты вырастешь, у тебя будут свои дети, похожие на тебя... И они будут напоминать всем вокруг о тебе и о нас, даже тогда, когда нас уже не будет... Понимаешь?

– Мне так не нравится! Хитренькие! Я сама хочу напоминать про себя! Дурацкие у Вас правила!

Глупо было требовать от дочери сна после таких стрессов и открытий, и мама уже упрекала себя в неумении найти нужные слова для ранимой детской души. Она продолжала гладить и успокаивать Олю, придумывая, как бы сменить тему.

Молчание затянулось. Его прервала Оля:

– Мама! А можно кому-то пожаловаться на все это? Ну, Богу, например, или лучше его начальнику, если никого главнее нет!

Мама с интересом посмотрела на маленького предприимчивого философа и отрицательно покачала головой.

– Но почему? Вдруг Бог не заметил, что кто-то умирает? Или он один не справляется. Может, ему помощь нужна? А можно, когда я вырасту, я стану помощником Бога? Мне кажется, у меня получится.

– Ну, что ж, вполне возможно! Я не буду возражать. А сейчас, милая, давай-ка ты попробуешь заснуть! Я могу тебе песенку спеть, хочешь?

Но спать Оля не хотела. Она поняла, что мама чего-то не договаривает, скрывая великую взрослую тайну.

А мама (не без грусти и самоиронии) думала о том, что пока дочка будет учиться на помощника Бога, ей бы неплохо выучиться на мудрую маму. Вот, расстроила ребенка и не знает, как выкрутиться!

И, хоть до зарплаты было еще далеко, а муж недавно потерял работу, она улыбнулась своей идее, как отвлечь дочку от сложного разговора и порадовать ее, надолго закрыв мрачную тему, не подходящую ни возрасту Оли, ни времени суток:

– Доченька, а хочешь, мы завтра после садика поедем покупать твоей Барби настоящую коляску, о которой ты давно мечтаешь?

Оля прерывисто вздохнула и тихо спросила:

– Мама, а ты тоже ... умрешь?

– Умру когда-нибудь, но это будет не скоро, Оля! Не думай об этом!

– А зачем тогда ты живешь, если все равно умрешь?

– Ну, как тебе объяснить! Жизнь сама по себе – прекрасна. Люди живут, чтобы радоваться солнцу и небу, чтобы любить и помогать друг другу...

– А зачем помогать и радоваться, если все живут понарошку? Все равно же потом умрут!

– Доченька, человек не выбирает, родиться ему и нет. Но если он родился, то должен радоваться!

– А как же радоваться, если потом с палкой ходить и умирать?

– Оля, хватит, умоляю тебя! Ты потом поймешь, а сейчас я могу почитать тебе сказку про Золушку. Хочешь?

– Мама, а наша бабушка тоже умрет? И наш папа?

– Да, и они тоже. Никто еще пока не остался жить вечно.

Слезы были уже наготове, но Оля еще могла управлять ими. Она не разрешала слезам вытекать из глаз, потому что считала себя смелой и большой девочкой. А еще, она не плакала потому, что в ней жила самая последняя надежда, самая-самая...

– Никто навсегда не останется? Это точно? Никто-никто? А как же я? Я что, тоже умру?!!

– Когда-нибудь, через много-много лет...

Оля горько зарыдала. Мама взяла ее на руки, стала целовать, уговаривать, но истерика не прекращалась. Когда, наконец, девочка обрела способность говорить, она трагически воскликнула:

– Так меня же жалко!

Вся семья не спала до утра. Ребенка успокаивали мама и бабушка, потом позвали папу. Но Оля была безутешна. Под утро она заснула, а взрослые выясняли отношения на кухне.

– Лена, ты сделаешь из ребенка неврастеника! Ты хоть понимаешь, что это абсолютно недопустимо – говорить с детьми, как со взрослыми! Дети должны верить в чудеса, в Деда Мороза, в бессмертие, в идеальную и добрую картину мира, а не в этот бардак под названием жизнь! Не каждый взрослый в состоянии принять реальность. А что ты хочешь от детей? Это потом они

постепенно узнают правду, но к тому времени у них будет больше сил ее принять. Господи! Но это же так очевидно!

– Я думала вызвать в ней сострадание к старости, а не истерику!

– Думала она! А не надо ничего изобретать, творческая ты наша! Есть детская психология. Читай книги, ходи к психологам, раз собственная интуиция тебя подводит! Ты, кстати говоря, на работу не вышла. Меня уже уволили, осталось только тебе дождаться увольнения, и все будет просто «замечательно». Ты хоть позвонила?

– Да, я позвонила и взяла отгул, все в порядке. Но у меня какое-то странное ощущение от Олиных вопросов... Все-таки для пяти лет не слишком ли глубоко она копает? Откуда она берет все это? Начальник Бога... Это надо же придумать такое? Дима, а ты зря на меня набросился: одни ученые утверждают, что детям нужно говорить правду, другие – наоборот... Вот сам и воспитывай ее, раз я не такая умная, как некоторые!

– Я этого не говорил. Мама, ну, успокойте же Вы ее! Не хватает еще одной истерики!

Наконец проснулась Оля. Она неожиданно для всех появилась на кухне, волоча за собой мешок, набитый игрушками. Взрослые мгновенно перестали ругаться.

– Доброе утро! А я все придумала! – сказала девочка и кивнула на мешок, – Это – мои любимые игрушки. Я буду по ним скучать, но что делать!

Нужно только купить красивую открытку и найти адрес Бога. Потом мы положим в конверт наши фотографии, поздравим Бога с Новым Годом и попросим, чтобы он разрешил нам никогда не умирать. И отправим ему посылку! Здорово, правда? Только я писать не умею. Вы напишете Богу за меня?

Воцарилась тишина. Через минуту Оля продолжила:

– Вот воспитательнице нашей мы всегда дарим подарки на праздники, чтобы она была добрей. А про Бога забыли? А ему, наверное, обидно! Вот он и злится поэтому. Он же – тоже человек, только самый главный! Кто к нему – по-хорошему, к тому и он – по-хорошему.

Папа Оли с трудом подавил желание бросить реплику: «Детка! Бог взятки не берет, к большому сожалению!»

Вместо этого он обнял дочь, победоносно посмотрел на жену и тещу и бодро скомандовал:

– Ну, что стоишь, Лена? Ребенок дело говорит! Иди-ка адрес Бога поищи пока в Интернете, да открытку красивую попробуй найти в коробке под столом, а мама тебе поможет. Правда, Татьяна Викторовна? А мы с Оленькой быстро позавтракаем и еще на репетицию в садик, наверное, успеем. Ты же там, дочурка, – главная снежинка в спектакле новогоднем! Без тебя все сорвется. Ну, а потом на почту пойдем посылку отправлять с игрушками. Только можно тебя, Оленька, попросить пока никому про нашу тайну не рассказывать?

– Как тебе не стыдно, папа! Тебе что, жалко, чтобы я спасла друзей? Пусть все дарят Богу подарки и не умирают!

Дима перехватил насмешливо-злорадный взгляд жены в свой адрес и, тяжело вздохнув, произнес:

– Тут такое дело, дочка... Богу важно не столько подарки получить, сколько внимание к себе... Ну, короче говоря, нельзя никому рассказывать про это, иначе не подействует, только игрушки пропадут, и все... Каждый сам догадаться должен, что пора поблагодарить Бога за жизнь... А то все у него просят помощи, а «спасибо» не говорят. А ведь Богу все в радость: и игрушки, и поступки добрые, и слова ласковые, он же все видит и слышит... Хотя иногда и он устает и что-то может пропустить... Но ты у нас – такая умница! Здорово придумала: лучше,

конечно, и фотки приложить, чтобы уж с гарантией.

Вот ты догадалась, Оля, как Бога поблагодарить, и все остальные тоже догадаться должны ... Только сами! А по подсказке не сработает! Богу так не интересно, понимаешь? Он с догадливыми хочет дружить. И с теми, кто его любит, а не задабривает.

Так что, придется молчать и надеяться, что наши друзья когда-нибудь тоже сообразят. У нас же умные друзья, правда?

Оля просияла, обняла папу и торжественно пообещала:

– Я никому не скажу. Честное слово! Только если уж очень-очень долго никто не будет догадываться, ну, когда старенькими станут, тогда можно им чуть-чуть подсказать?

– Тогда можно.

Бабушка Оли с нежностью посмотрела на внучку и прошептала дочери на ухо:

– Да, сложное у меня положение: мне теперь и умереть нельзя, пока Оля не вырастет, а то я всю ее теорию разрушу.

– Вот и не умирай, мамочка! Может, ученые скоро откроют эликсир вечной жизни? А, может, Олина посылка поможет, и ... Бог сделает для нас исключение!

НАШИ ГОСТИ

ВИТАЛИЙ ЛЕТУШЕВ

ОБ АВТОРЕ:

*Родился в Ленинграде в 1939 году.
Всю блокаду оставался в городе на Неве.
С 1955 года проживал в Сестрорецке. Закончил сестрорецкую общеобразовательную школу №431.
Стихи писал с детства. Первые публикации состоялись в 1950-55 годах в районной газете «Ленинградская ЗДРАВНИЦА».
С тех пор написано несколько поэтических книг и поэм.
В настоящее время является главным редактором литературно-художественного альманаха «РУССКОЕ СЛОВО», издаваемого в Санкт-Петербурге.*

АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

(БАЛЛАДА)

Блокадного сорок второго
Апрель сквозь морозы идёт.
Земля прогревается снова
И тает на Ладоге лёд.

Под градом бомбёжек в Кобону
Дошли три вагона. Стоят.
Скорей разгрузить бы вагоны,
Отправить мешки в Ленинград.

В них репчатый лук. Ленинградцев
Помог от цинги бы спасти.
Машинам по льду не добраться –
И вязнут, и тонут в пути.

Что с грузом бесценнейшим будет?
Промокнет, сгниёт, пропадёт.
Закрыта Дорога, но люди
На плечи мешки и – вперёд.

Доставить тот груз непременно –
Задача подстать боевой.
По талому льду по колено,
По пояс в воде ледяной.

Уходит, как в бой, вереница,
Навстречу – и ветер, и снег.
В промоины чтоб не свалиться,
Шли в связках – пять-семь человек.

Так тридцатикилометровый
По тающей Ладоге путь
Преодолевали в суровой
Борьбе. И не передохнуть!

Палатки постов медицинских
Теперь превратились в плоты.
А берег далёк – путь неблизкий.
Владения льда и воды.

Но странно – не слышно, не видно
Фашистских налётов в пути.
Решили враги очевидно,
Что здесь невозможно пройти.

Но шёл караван многотонный –
Давался с трудом каждый шаг.
Подарок блокадникам скромный
Был перенесён на плечах.

Пол-луковки будет всего лишь
На каждый блокадный паёк.
Но сколько ж ты, луковка, стоишь
Бредущим не чувствуя ног?!

Спешили в раскисшем апреле,
Чтоб к празднику Мая успеть
Подарки вручить. И успели,

Ступив на прибрежную твердь.
Вела их незримая сила.
Здесь больше никто не пройдёт –
Назавтра совсем растопило
И вскрылся на Ладоге лёд.

—
Стирается память с годами
И нет тех Героев живых...
Апрельское солнце лучами
Нам напоминает о них.

ГОЛОС С ФРОНТА

(По наброскам отца - 1943 г. Курская дуга.)

Летите, проворные ветры,
С горячих кровавых полей.
Ведь вам нипочём километры,
До дома домчитесь скорей.

Я знаю, услышат мой голос
Родные – отсюда вдали.
Взрыв ...

Снова земля раскололась –
Фашистские танки пошли.

Чудовища смерть изрыгают,
Повсюду и грохот, и дым.
Сердца наши местью пылают –
Мы выдержим, мы победим.

Под звон раскалённого лета
Сойдёмся в жестоком бою.
Хочу, чтобы знали об этом
В измученном милом краю.

Скорей бы разбить, возвратиться
Со славной Победой домой,
Увидеть любимые лица,
Земле поклониться родной.

Но, если погибнуть придётся,
Страну защищая в огне,
Пусть голос мой в память вольётся
Об этой суровой войне.

ГРИБНОЕ МЕСТО

День погожий. Грибы собираю.
Много красных и белых здесь.
Вижу рыжих лисичек стаю,
Подберёзовиков не счесть.

Тишина...
А вокруг – всё окопы
С той, минувшей давно войны.
Это раны кровавой злобы,
Беспощадной людской вины.

Скрип сосны тишину нарушает
Будто стон тех боёв былых.
Да кукушка вдруг вспоминает
Позабывших детей своих.

Цель искали здесь пули, снаряды.
Каждый камень-валун – как дот.
Бились насмерть за них солдаты
И за землю, и за народ.

Мы над прошлым не властны, конечно.
Обрывались их жизни тут...

А грибочки вокруг беспечно
В этом месте грибном растут.

ВETERАНЫ

Собрались за столом ветераны,
В старых фото себя узнают.
Как костёр, полыхают тюльпаны
Да искрится бокалов салют.

Ореолы седин серебрятся,
Льётся песен нестройный мотив,
Добрым светом глаза их лучатся,
Почему-то слегка загрузив.

Я отца своего вспоминаю –
Как с войны он вернулся домой.
На руках у него подлетаю,
Удивляюсь – так вот он какой!

На отцовской шинели походной
Я дырявые раны считал,
Кобуру взял в подарок охотно
И пилотку его примерял.
Мы с ним песни военные пели
Про Катюшу, платочек, «У-2».
И я слышал, как пули свистели,
Обжигая у песен слова.

Приводил я друзей вечерами
О минувших послушать боях,
А потом мы с ребятами сами
Шли в атаку и в играх, и в снах.

Ещё долго мы раны считали
На истерзанном теле Земли,
А те годы историей стали,
Вместе с детством суровым ушли.

Светят яркие телеэкраны,
Сияясь сердце солдата понять.
Расскажите ещё, ветераны, –
Всё отец не успел рассказать.

НА СКЛОНЕ ЛЕТА

Лучами добрыми согрета,
В объятьях светлого тепла
В моём саду на склоне лета
Зачем-то вишня зацвела.

Гляжу на белые цветочки,
Воспрянувшие в тишине,-
Как будто лето, ставя точки,
Вдруг вспоминает о весне.

И сад наполнился цветами
В воображении моём.
Вот так природа чудесами
Напоминает о былом.

Отчаянный порыв мятежный
Пророчит радость иль беду?
Но вспомнился весенний нежный
Твой поцелуй в моём саду.

* * *

Конечно, ведь так уже было –
За окнами брезжил рассвет.
Ты так же куда-то спешила,
Я долго глядел тебе вслед.

Но всё же тогда ты вернулась,
С весной расцветая опять.
Моя беспокойная юность,
Теперь мне тебя не догнать.

Спешишь, убегаешь всё дальше,
Теряясь за скатами крыш.
Исчезла...
Не верится даже.
А вот и звездой горишь.

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

Сгорает время, стынет пыл,
Но мысли – о былом.
Собрать бы всех, кого любил,
За праздничным столом.

Поднять бокалы за мечты,
Не сбывшиеся, пусть,
За чудо женской красоты,
За радость и за грусть.

Услышать музыку опять
Забывших голосов,
Но понапрасну не плескать
Потоки пылких слов.

И восхищаться от души
Цветами милых глаз.
Припомнить свет зари в тиши
И трели в поздний час.

Но тянет ветер за окном
Серебряную нить.
Запить бы прошлое вином
Да...

неохота пить.

НАШИ ГОСТИ

ГАЛИНА СМОЛИНА

ОБ АВТОРЕ:

Родилась в Ленинграде.

С 1963 года живёт в Зеленогорске.

Стихи начала писать обучаясь на факультете архитектуры ЛИСИ. Издала авторскую книгу поэзии «Знаки на крыле» в 1998 году.

Участник коллективных поэтических сборников:

«Путешествие в Терийоки» – 1999г.

«Терийокский формат» – 2003 г.

ТЕРИЙОКИ

Я славлю город Терийоки!
Изгибы спусков улиц с гор,
За окнами полёты сойки,
И о рыбалке разговор!

Фасады с арками и ивы
Пред ними белый ряд колонн!
Где за дорогой летней нивы –
С цветами полевыми склон!

И у Казанской в храме свечи!
Железа кровель блеск с торцов,
И в яблоневых скверах ветер,
Балтийских свежесть сквозняков!

Береговой отлив далёкий –
Уступы каменной гряды!
И сосен строй внезапно лёгкий –
Из вариаций высоты!!!

ЧЕРЁМУХИ

Я запомню цветенье черём
На исходе короткой весны –
Как слегка в облака облачённых,
Как тревожные давние сны!

Как посланниц вручающих чинно
Удивительно светлый конверт...
Не ясны их визита причины,
Не подгонят к отъезду карет!

Одноактный их выход на площадь,
Их поклона смирительный крен –
Ветер лёгкую горечь положет
Рецептуре февральской взамен!

И черёмух задумчивый оклик –
Как прозренье, открытье и бред!
Для поэтов неведомый постриг...
Задержавшийся в памяти след!

* * *

Ах, богомольцы – ДЕРЕВА!
Своей древесной литургии
Прошелестите вы слова,
Услышишь, может быть, и ты их!

Заметишь, может, как странна
Их стать, распластанная в небе
И позовёт тебя страна –
Зелёных дум к своей обедне!

Псалмами проскрипят ДУБЫ,
Им отдадут поклоны СОСНЫ,
И с ветки, словно бы от крестной,
Возьмёшь в ладонь плодов дары!!!

ХУДОЖНИК.

Достала холст и в середине лета,
Задумалась – что за цвета нужны?
Но появляется немыслимое ВЕТО,
И краски начинают мятежи!

Один художник посредине действия
Вдруг начинает спор неравных сфер!
Как будто он накладывает ВЕТО,
Как будто он исконный старовер!

Как будто в нём отсчёт – зима и лето,
ОН честный соглядатай белых вех!
Но осень вдруг накладывает ВЕТО
И это есть искусства сложный-"ЦЕХ"!

А.Николаеву (художнику графику)

Графической скорби процентчик!
С морщиною в ватмане лба...
Всё мнится штрихов свод предвечен:
Под грифом священным стола!

И где он, зовущийся Рущди?
Из скважин каких под пером,
Наблеют бараны под тушью,
Отпетым с проклятием сон!

ПЕРВЫЙ АПРЕЛЬСКИЙ ШМЕЛЬ.

Шмель, влетевший в окно на постой!!!
Прикорнул под окном, поворчав!
Угадать так не трудно порой –
Что снится весною шмелям?

Сна сюжет твой устроит вполне
И меня... сон двойной: «О, апрель!!!»
Репетиция альта шмеля,
Одинокой птицы свирель...

ВЕСНА В ПЕТЕРБУРГЕ

Петербурга фонтанная рябь
Отраженья толкает наружу!
Языками затёртый ямб-
Всё ещё не садится в лужу...

Здесь свечу старины не задуть
И идёшь будто веком прошедшим!
И в дождливую долгую ртуть,
Карлороссовой улицей к этим –

Вертикальных колонн штрихам
В желтизне оконных квадратов!
Где Фонарь в плафонных очках
Открывает весны новый раут!

ДИАЛОГ С К.МАЛЕВИЧЕМ

Взяв в наличность окаём:
Льдин у берега разлом,
К горизонту лыжный путь,
Ненадёжной жизни суть...

Как Малевич выйду в Ноль!
«Вот и формы нет -изволь!
Только белый,белый мир!
Ах Малевич... Каземир..!»

Д.Быкову (поэту и журналисту)

В сём карбонарии с Болотной
Так кургуазен уса край,
Толпою окружённый плотной,
Он в маньеризме видит рай!

Его же аппоненты – грубы!
Не знают радости ПИРОВ!!
И всё твердят твердят утрюмо –
Социализм и есть – ЛЮБОВЬ !!!

ИЗАБЕЛЛА ВОРОНОВА

Изабелла Петровна ВОРОНОВА – коренная сестроречанка. Родилась в 1932 году и до войны проживала на улице Коммунаров д. 5. В 1942 году, оставшись сиротой была эвакуирована и направлена в Пикалёвский детский дом, после окончания которого долгое время работала педагогом на севере России, потом переехала на Украину. Последние годы проживала с семьёй сына в г. Калининграде.

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Посвящается детям Ленинграда,
воспитанникам детских домов,
эвакуированным во время войны
в Тюменскую область.*

Войны коварные, войны лихие,
Сколько ж вы жизней людских погубили?
Сколько разрушили ?.. Что натворили?
Сколько детей вы в сирот превратили?..

Дети войны сорок первого года,
Ваши родители в ней погибали,
Но Ленинград всё ж смогли, отстояли
В пасти блокадной тогда непогоды.

Та война, как кукушка, что жалость не знала,
Неокрепших «птенцов» из гнезда выкидала,
На холодной земле бед досталось немало...
Всем кукушка война
жизнь-нужду предсказала.

Стал Советский Союз, как кровавая рана,
Но детей малолетних страна не бросала,
В детдома горемычных сирот направляла,
Потому для них детство закончилось рано.

Земляки-ленинградцы, с сиротской судьбою,
Колыбельные пели вам взрывы снарядов,
И война озверевшая шла с вами рядом.
Все проблемы делили вы сами с собою.

Одна форма одежды и стрижка под нолик –
Как цыплят с инкубатора, не различали.
Вы украдкой рыдали от вечной печали,
Ваше сердце тревоги терзали до боли.

А когда непрерывно сирены ревели,
Государство спасать вас от смерти спешило
И в товарных вагонах детей вывозило -
Неудобство в дороге вы молча терпели.

Черепашкою полз под обстрелами поезд,
В нем от страха дрожали несчастные дети.
За какие ж грехи им страдания эти???
Бесконечным казался тот «огненный пояс».

И колеса вагонов на стыках стучали,
Паровоз то пыхтел, замирал вдруг на месте.
Как бесстрашный боец, не боялся он смерти,
А уставшие дети по дому скучали.

Вырываясь из пекла фашистского ада,
Несмотря на все страхи, что вы увидали,
Испытания новые вас ожидали:
На чужбине далекой прожить было надо...

Шла дорога крутая по снежной Сибири –
Ваше горькое детство морозы крестили.
Навсегда вас родительской ласки лишили –
Все тревожные мысли вы с сердцем делили.

Поезд встал, из вагонов шли медленно дети,
В полужимних ботинках и в легкой одежде.

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется, что на святой земле
я долго задержалась,
От безысходной старости,
как талый снег в комочек сжалась.
Погасли прежние мечты,
в седом тумане скрылись дали...
А ведь когда-то годы мне
так много счастья обещали.
Жила ли я, иль это сон,
который мне всего лишь снился?
Как будто мир планеты всей
вдруг от меня отгородился.
Немая тишина вокруг,
и одиночество рвёт душу.
Безмолвие томит меня,
и духота нещадно душит.
Судьба сиротская - не мёд:
кто сиротою рос, тот знает:
Любой обляять норовит,
любая «шавка» покусает.
Никто тебя не защитит
- один в пучине жизни тонешь.
Не слышит шумный мир тебя,
как ты в слезах от горя стонешь.
Не нужный я, уже, «предмет»,
который выбросить не жалко,
На мой могильный, ветхий крест,
перо роняя, сядет галка.
Закроет солнце темнотой,
взлетев, - одну меня оставит,
А душу бедную мою,
в святыне небеса направит.
Никто проведать не придёт,
могила зарастёт травой,
И муза скромная моя
во мне остынет под землёю.
Дождями будет смыт мой след,
и верный друг не повстречает.
Лишь ветер, музыкой своей
могильный холмик приласкает.

НЕУЖЕЛИ?

Журавли-журавлики,
ответьте птицы вольные,
Отчего меня печалит мысли беспокойные?
Почему, прощаясь с вами,
сердце растревожено?
Неужели мне судьбою счастье не положено?
С журавлиной стаєю
мне ввысь подняться хочется:
Надоела хуже редьки горечь одиночества.
И пускай печаль по свету
вслед за мною носится,
Всё ж душа моя в дорогу
с журавлями просится.

ТОЛЬКО

Наша планета охвачена злом –
Ненависть бешено рвёт напролом.
Войны, насилие, драки, резня –
Всё это зло очень ранит меня.
Надо причины всем бедам искать,
Чтоб не пришлось всему миру страдать,
Чтоб никогда не шли в ход кулаки,
Чтоб не попали во власть дураки.
Главной причиной стал телеэкран:
В фильмах сплошь смерти,
стрельба и обман,
Пьянство, преступность, крики, разврат,
Нравственность словно берут напрокат.
Нервы страдают от частых реклам,
Будто стреляют они по врагам,
Целятся в голову, в сердце стремятся попасть,
Жаль, что реклама не хочет пропасть.
Тучи жестокости давят как слон:
Вежливость, честность терпят заслон,
Если не сможем всё это признать,
Чёрной дырою наш мир может стать.
Люди планеты! Всем стоит понять –
Ненависть надо из жизни изъять.
Только любовь может счастье дарить!
Только добро может зло победить!

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

ЕВГЕНИЙ НИФАШЕВ

МОЛОЖЕ СЕСТРОРЕЦКА НА 250 ЛЕТ

В «Дубках» на центральном пруду есть красивый живописный островок. Но мало кто знает, какова его история появления здесь.

Как-то так сложилось, что этот островок образовался как бы сам по себе, появился пруд, и было это едва ли не сто или чуть-чуть побольше, лет назад. В общем, где-то в самом начале прошлого, XX века. На самом деле все гораздо проще до банальности. Живописный лесной островок в Дубковском пруду был сооружен искусственно ровно полвека тому назад – в подарок к 250-летию Сестрорецка в 1964 году. И даже почти не остров это был, а часть лесного массива парка. «Основание» будущего острова принудительно подсыпали и подняли, когда в те же годы расширяли береговые урезы воды пруда до каменного моста и излучины Петровского канала. Таким образом, в старинном парке Сестрорецка помимо большого водного пруда, сообщающегося узкой, но достаточно глубокой протокой с Водосливным каналом озера Разлив, возник еще и живописный лесной островок, который очень удачно и органично вписался в общий природный ландшафт парка «Дубки».

Такую весьма необычную краеведческую историю автору этих строк поведала ровно 5 лет тому назад один из старейших сотрудников «Дубков» и краевед парка Ольга Григорьевна Растворова. Более того, в последующие годы (ориентировочно, на 255-летие Сестрорецка) существовал даже проект подвесного пешеходного мостика с «материка» на островок. Но проект так и остался где-то в бумагах и разговорах.

Кстати, с недавнего времени радиальное побережье островка облюбовали живущие под ним... бобры! Они его еще и «благоустраивают» на свой лад, подгрызая и с треском валя полувековые березы на нем.

ПРО КУРОРТНЫХ «ТРЕХГЛАЗЫХ»

Почему-то, когда рассказывают про краеведение, то говорят все больше о всяких строениях, заводах, памятниках, улицах, людях – известных и не очень и т.д. И еще, главное – говорят-пишут о том, что это когда-то «БЫЛО», но «НЕ СОХРАНИЛОСЬ». А если и сохранилось, то ищут какие-то остатки от «былой роскоши». Стороной (буквально) обходят дороги, коммуникации и транспорт по ним: а как тогда без них была бы хоть какая-то жизнь?

Ладно, еще как-то худо-бедно повествуется в наших курортных краях про «железку». А вот про шоссевые безрельсовые дороги почти что ничего, про коммуникации на них – вообще

«матросская тишина». Несправедливое и незаслуженное упущение у местных краеведов!

Здесь я хочу рассказать про такую дорожную коммуникацию, которая сейчас, с течением времени и динамикой современной жизни, является обыденным явлением и даже насущной необходимостью. А какую-то треть с половиною века назад это считалось едва ли не подлинной экзотикой для отдаленного «деревенского» пригорода, поскольку больше ассоциировалась с атрибутом мегаполиса. Это самые обычные сейчас «трехглазые» помощники-регулирующие дорожного движения – светофоры. Сейчас их у нас по Курортному району ровно двадцать штук (постов – то есть, на которых находится, конечно же, не один светофор как оборудование). Ровно половина из этого числа сосредоточена в «столице» района – Сестрорецке. Но цифра эта не последняя и год от года она увеличивается на одну-три единицы пропорционально росту количества автопарка и его передвижения по дорогам нашего района и также безопасности пересечения оживленных проезжих частей пешеходами. Более верно они именуются как стационарные посты светофорного регулирования дорожного движения. Но когда же в наших курортных краях появился этот самый Первый «стационарный пост светофорного регулирования»?

Появился он впервые в пригородном Сестрорецком районе города Ленинграда: на перекрестном пересечении магистралей Приморского шоссе и улицы Мосина в Сестрорецке – в 1974 году! И в качестве «первого и единственного» оставался на протяжении четверти века – до рубежа XX и XXI веков. Потом уже, с ростом автодвижения, светофоры начали «завоевывать местность»: появились в соседнем Зеленогорске (здесь их 2; в Сестрорецке - 10), поселках и в самом Сестрорецке еще тоже, через который проходит транзитный поток транспорта Приморского шоссе. Все светофоры в Курортном районе работают на современных ярких светодиодах.

P.S. «Великолепная пятёрка» избранного-занимательного из «светофороведения».

Так совпало, что именно в 40-летний юбилей первого светофора (весной 2014 года) – в Курортном районе заработали сразу 5 новых стационарных светофорных постов (3 из них – в Сестрорецке).

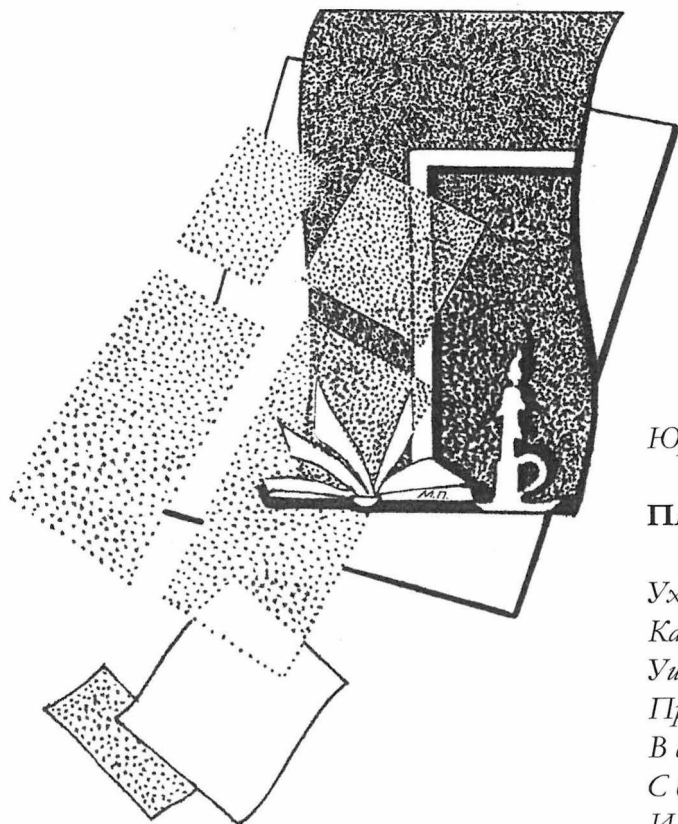
Самый первый электрический светофор в нашей стране появился именно на берегах Невы: 15 января 1930 года в Ленинграде - на перекрестке Литейного и Невского проспектов.

Ежегодно - 5 августа - во всем мире отмечается Международный день светофора.

В российских городах Новосибирск и Пермь установлены скульптурные композиции-памятники светофору.

Для велосипедистов на велосипедных дорожках есть свои «велосветофоры»: они такие же самые как традиционные транспортные, только уменьшенные в пропорциях в три раза.

От автора. По логике, сей «исторический факт» можно изложить буквально одним предложением одной строки: «Там-то и тогда-то появился в Курортном районе первый светофор». И все. Но так будет неинтересно. Мы сделали «сто одну строчку» в почти художественном изложении. Согласитесь: вам ТАК интереснее было узнать про первый «курортный» светофор?

Виктор Алексеевич Шурыгин хорошо известен нашим землякам. Полковник в отставке, участник Великой Отечественной, он юношей был и в блокадном Ленинграде. Сестроречане помнят его и как начальника райвоенкомата, и как радиожурналиста, много лет проработавшего на радио инструментального завода имени Воскова.

Юрий Мыльников

ПАМЯТИ ВИКТОРА ШУРЫГИНА

*Уходят ветераны в мир иной,
Как тяжело с друзьями расставаться,
Ушла Чандылова, Васильев и Кузьмин,
Пришла пора с Шурыгиным прощаться.
В семнадцать лет ушёл ты на войну
С боями пол Европы ты протопал.
И в мирный час остался ты в строю,
Работал в Сестрорецке военкомом.
Ты был для многих братом и отцом,
Помочь старался словом или делом.
Всю жизнь ты был талантливым борцом,
Поэтом скромным, но умелым.
С наградами за доблесть на войне
Поздравили тебя однополчане.
«Почетным жителем» за подвиги в труде
Отметили сестроречане.
Ты Виктор трудностей хлебнул прилично.
Всю жизнь трудился не жалея сил.
Спортивной выправкой ты славился отличной,
И милости у Бога не просил.
Создал ты Виктор крепкую семью.
И дочь и сына вывел на дорогу.
Мы помним доброту твою,
Готовность всем примчаться на подмогу.
Прощай же друг наш верный, навсегда.
Ты в нашей памяти останешься навеки,
Тебя мы не забудем никогда,
Пока свои мы не закроем веки.*

ВИКТОР ШУРЫГИН

ПОМНИМ

Мы помним первый день войны,
Разрывы бомб и плач страны.

Мы видим кровь родных людей,
Рыданье вдов и матерей.

Мы слышим шум колесных шин.
Рычащий гул стальных машин,

Чеканный шаг фашистских ног
И стук подкованных сапог.

Мы видим взгляд немецких псов,
Оскал затравленных волков,

Готовых каждого убить.
Народ советский истребить.

Они явились к нам с войной,
Чтоб править русскою землей,

Советский дух искоренить,
Россию кровью затопить.

Четыре года напролет
Уничтожал фашист народ.

Могилы павших на земле
Напоминают о войне.

Много слез и много горя
Принесла стране война.

Нас постигла злая доля:
В каждый дом пришла беда.

Вдень воскресный, беззаботный
Враг нарушил договор.

Он напал на нашу землю,
Как бандит, убийца, вор.

Запылали наши хаты,
Горели села, города.

Не щадил фашист проклятый
Больницы, детские дома.

Нас бомбили, в нас стреляли,
Убивали всех подряд.

Нам пощады не давали,
Отступал тогда солдат.

По домам шли похоронки
На погибших сыновей.

Горе не прошло стороной,
Заблудившись средь полей.

Фашист приблизился к столице,
Смотрел в бинокль на Москву.

Мечтал шампанского напиться,
Войну закончить к ноябрю.

Он окружил со всех сторон
Славный город Ленинград.

Девятьсот блокадных дней
Защищал его солдат.

Оккупанты зло творили
Над невинными людьми.

Землю нашу вывозили.
Воровали, что могли.

Наш народ собрался с духом,
Встретил недруга в штыки.

Задержал его повсюду,
В бой пошли наши полки.

Получил фашист по морде,
Оплеуху под Москвой.

Отступил в позорном бегстве.
Бежал с поникшей головой.

А потом его мы били
Под Сталинградом, под Орлом,

С боями до Берлина докатили
И сберегли наш отчий дом.

Сегодня вдень великой славы,
В день наших доблестных побед,

Мы помним подвиг всей державы,
Которому равных нет.

ПЕРЕД БОЕМ

Гул моторов, лязг металла -
Вот что слышится кругом.
Час за часом ждём начала.
Наступленья под огнём.
Нервы наши на пределе,
Сердце бьётся во всю мощь.
От волненья пот на теле,
А в руках играет дрожь.
Вмиг замолкло, притаилось.
Тишина вокруг стоит.
Артобстрелы прекратились,
Земля от взрывов не гудит.
Напряженье перед боем

Нарастает каждый час.
Крепнет чувство нашей воли -
Разгромить фашистов враз.
По окопам замполиты
Агитацию ведут:
К бою нас они готовят
Настроенье создают.
Время «Ч» настало разом,
Застонала вся земля.
На передний край фашистов
Рухнул град снарядов и огня.
По сигналу командира
Мы в атаку поднялись.
Помогла нам мощь и сила,
Мы в траншеи ворвались.
Бой был страшным и кровавым.
Всё смешалось в том бою.
Он для нас был боем правым:
Бой за Родину свою.
Много наших не вернулось
Боевых моих друзей.
Мы их в поле схоронили
На виду у всех людей.

КОТЕЛОК

Нет важнее и нужнее Фронтового котелка.
Без него солдат не воин,
не намнёт врагу бока.
Были вместе в обороне,
шли в атаку на врага.
Жизнь лопата сохраняла,
котелок кормил меня.
На привале, на опушке
Повар кликнет:
“Эй, солдат, заходи поближе к кухне,
Пообедай, будешь рад!»
Помешает повар кашу.
черпаком опишет круг,
А потом подаст команду:
“Подходи, отведай, друг!»
Наливает суп и кашу
В мой солдатский котелок.

В крышку шлёпается каша
 И большой мясной кусок.
 Во вторую половину,
 что поглубже крышки той,
 Повар борщ нальёт красивый
 со свиной фронтной.
 Ест и пьёт солдат охотно,
 аппетит на высоте.
 Если повар парень свойский,
 даст ему обед вдвойне.
 Бодр и весел воин бравый
 после каши и борща.
 Котелок свой обиходит -
 и в дорогу не спеша.

УХОДЯТ НА ФРОНТ ЭШЕЛОНЫ

Уходят на фронт эшелоны.
 Колёса вагонов стучат.
 Всё дальше и дальше от дома
 Увозят на запад солдат.

Мелькают столбы и дороги,
 Гудит и гудит паровоз.
 Вот пробегает пшеничное поле
 Пшеницу сменяет овёс.

В вагонах на нарах дощатых
 Солдаты сидят и лежат.
 Вагонную дверь распахнули,
 В просторы родные глядят.

Кто-то свой дом вспоминает,
 Женатый - жену и детей,
 А тот, кто невесту оставил.
 Молча вздыхает о ней.

Едут ребята на Запад,
 Едут с врагом воевать.
 Сегодня солдаты не знают,
 Кому суждено умирать.

СОЛДАТСКАЯ ВДОВА

Шагают годы по планете,
 Уходит вдаль от нас война.
 Уже стареют наши дети,
 А ты всё ждёшь, совсем одна.
 Всю жизнь домой его прождала,
 Вдова, солдатская жена.
 Во сне милого обнимала,
 Любовь сквозь годы пронесла.
 Ты ждёшь его и днём и ночью,
 Глядишь с надеждой и тоской.
 От слёз туманит твои очи,
 А он всё не идёт домой.
 Твой муж идёт, идёт куда-то,
 Не ведая и сам о том...
 Ушёл он молодым солдатом
 Но не пришёл и стариком.
 А ты всё ждёшь его, как прежде,
 Как в годы юности своей.
 И до сих пор живёшь надеждой,
 Любовью до последних дней.

ДРУЖБА СОЛДАТСКАЯ

Ближе нет и нет дорожке,
 нашей дружбы фронтной.
 Без неё солдат не может
 пережить беды большой.
 С нею шли в огонь и в воду,
 пронесли через бои.
 Города с ней брали с ходу,
 клялись в дружбе на крови.
 Дружба жить нам помогала,
 всё делили пополам.
 Жизнь солдатам сохраняла,
 молодым и старикам.
 В даль уходят наши годы,
 оставляя в жизни след.
 Не забыть до самой смерти
 братский, дружеский совет.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИМ ЗЕМЛЯКАМ	_____	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	_____	4
Александр ЗАЙЦЕВ	«ОДА СЕСТРОРЕЦКУ» _____	5
	«ОТЕЦ» поэма _____	6
Анна ХУРГИНА	«ПИСЬМО МОЕМУ НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ» <i>исторические воспоминания</i> _____	8
Михаил ДЕРЕВЯНКО	<i>поэзия</i> _____	20
Людмила РЕГИНЯ Гертруда РЕГИНЯ	«ПОМНЮ, ЛЮБЛЮ...» эссе _____	22
Марина ПИМЕНОВА	«СЕСТРОРЕЦКАЯ АЗБУКА» <i>стихи из книги для дошкольников</i> _____	25
Анна АЛЕКСАНДРОВА	<i>поэзия</i> _____	26
Ангелина БЕЛОУСОВА	<i>поэзия</i> _____	29
Яна БИНЕВСКАЯ	<i>поэзия</i> _____	32
Анна ЯЛИКА	«КРАСНАЯ ШАПОЧКА» <i>рассказ</i> _____	34

Ольга НИКИТИНА	<i>поэзия</i>	37
Валерий СВЕРЧКОВ	ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ <i>по поэме А.С.Пушкина «ДОМИК В КОЛОМНЕ»</i>	40
Виктор ФЕДОРОВ	«ГИМН ДУБКАМ»	43
Лидия СЕЛЯГИНА	«ТОЧКА ОТСЧЁТА» <i>отрывки из автобиографической повести</i>	44
Валерий САМУСЕНКО	<i>поэзия</i>	61
Татьяна ТРУБНИКОВА	<i>поэзия</i>	63
АННА МОТИНА	<i>поэзия</i>	65
Владимир ПОПОВ	<i>поэзия</i>	66
Марина ПИМЕНОВА	«ДЕБЮТ» <i>юмористический рассказ</i>	68
	Поэтический клуб «ЛУКОМОРЬЕ» при библиотеке им. М.Зощенко	
Михаил БАЛАШОВ	<i>поэзия</i>	71
Нина ХРАМЦОВА	<i>поэзия</i>	74

Надежда
ЛЕВСКАЯ *поэзия* _____ 76

Семён
БОГУСЛАВСКИЙ **«СУДЬБА И БОЛЬ»** афоризмы из книги _____ 78

Алексей
ВОЛКОВ-ПОТЁМКИН
поэзия _____ 80

Ирина
АЛЕКСАНДРОВА *рассказы-потешки:*
«КОЗЬЯ ДРУЖБА» _____ 82
«КОЗЬЯ ДРУЖБА 2» _____ 82
«ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ «МОТОДОР»» _____ 83

НАШИ ГОСТИ

Александр
БЕЛЬЧЕНКО *поэзия* _____ 84

Галина
ПИЧУРА **«ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА»** рассказ _____ 88

Виталий
ЛЕТУШЕВ *поэзия* _____ 93

Галина
СМОЛИНА *поэзия* _____ 96

Изабелла
ВОРОНОВА *поэзия* _____ 98

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

Евгений
НИФАШЕВ *журналистские исследования:*
«МОЛОЖЕ СЕСТРОРЕЦКА НА 250 ЛЕТ» _ 102
«ПРО КУРОРТНЫХ «ТРОЕГЛАЗЫХ»» _____ 102

**НАСЛЕДИЕ
УШЕДШИЕ ИМЕНА**

Юрий
МЫЛЬНИКОВ

посвящение Виктору ШУРЫГИНУ _____ 104

Виктор
ШУРЫГИН

поэзия _____ 105

Издание
Муниципального совета города Сестрорецка
«На берегах Сестры»

Сестрорецкий КУРЗАЛ

Литературный альманах
прозы и поэзии

составитель:

Марина ПИМЕНОВА

редактор:

Владимир МАТВЕЕВ

Выпуск 2

Отпечатано с готовых файлов в ООО «ТАРО»

199155, Санкт-Петербург, В.О., 24 линия, дом 1.

Сдано в набор 4 августа 2015г. Подписано в печать 8 августа 2015 г.

Бумага офсетная, печать офсетная. Формат 60x84 1/8. Тираж 1000 экз

Допечатная подготовка Пименовой М.П.

Сестрорецк
2015 г.